

АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

Грандиозная захватывающая сага...
Трагическая развязка в умелых руках Маккалоу
не менее потрясающая оттого, что предreshена
и известна заранее.

Publishers Weekly

КОЛИН МАККАЛОУ

ВЛАДЫКИ
РИМА

Колин Маккалоу
Антоний и Клеопатра
Серия «The Big Book.
Исторический роман»
Серия «Владыки Рима», книга 7

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3836485

Колин Маккалоу Антоний и Клеопатра:
ISBN 978-5-389-19990-3

Аннотация

«Антоний и Клеопатра» – седьмой, и последний роман знаменитого цикла Колин Маккалоу «Владыки Рима». Цезарь убит, и Рим снова разделен. Лепид отступил в Африку, Антоний правит изобильным Востоком, Октавиан властвует над Западом, сердцем Римского государства. Это напряженное перемирие не дает разразиться гражданской войне, но Рим, похоже, уже готов приветствовать нового императора – подлинного наследника Юлиев, который сможет продолжить дело Цезаря. Будет ли это Антоний, в руках которого несметные богатства Востока, – закаленный воин, чью жажду власти превосходит только его страсть к женщинам, пирам и хианскому вину? Или же его соперник Октавиан – худощавый золотоволосый юноша,

настолько сдержанный, хладнокровный и проницательный, насколько Антоний безудержен и импульсивен? Клеопатра, золотоглазая царица с холодным сердцем и изощренным умом, приветствует Антония в своем дворце и на своем ложе, но желает лишь одного: посадить сына на освободившийся трон отца, Юлия Цезаря? Близится развязка, на драматическом фоне последних дней Республики разыгрывается вневременная человеческая драма, в которой любовь и политика сплетаются в неразделимый узел.

Содержание

I	8
1	11
2	33
3	50
4	103
5	138
II	170
6	173
7	220
Конец ознакомительного фрагмента.	265

Колин Маккалоу

Антоний и Клеопатра

Colleen McCullough

ANTONY AND CLEOPATRA

Copyright © Colleen McCullough, 2007

This edition published by arrangement with InkWell
Management LLC and Synopsis Literary Agency

All rights reserved

thebigbook.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Серия «The Big Book. Исторический роман»

Перевод с английского Антонины Костровой

Иллюстрации Колин Маккалоу

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Карты выполнены Вадимом Пожидаевым-мл.

© А. П. Кострова, перевод, 2011

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Непотопляемому Энтони Читаму
с любовью и огромным уважением*

I

Антоний на Востоке

41 г. до Р.Х. – 40 г. до Р.Х.

ANTONY

MARCUS ANTONIUS

Col

Марк Антоний

Квинт Деллий не был военным человеком, и участвовать в битвах ему не доводилось. У него был другой конек: он умел дать совет начальникам, да так тонко, что у них складывалось впечатление, будто это они все придумали.

После сражения у Филипп, где Октавиан и Антоний разбили войска Брута и Кассия, а сам Деллий ничем не отличился, но и не вызвал неудовольствия у своих командиров, он решил примкнуть к Марку Антонию и поехать с ним на Восток.

В Риме оставаться было нельзя, и Деллий, поразмыслив, понял это. Там все сводилось к выбору, на чью сторону встать во всеобщей судорожной борьбе между теми, кто вознамерился контролировать Рим... – нет, будь честен, Деллий! – править Римом. После того как Брут, Кассий и прочие убили диктатора, все подумали, что Марк Антоний, близкий родственник Цезаря, наследует его имя, состояние и милли-

оны его клиентов. Но что сделал Цезарь? Написал завещание, по которому все оставил своему восемнадцатилетнему внучатому племяннику Гаю Октавию! Антония он даже не упомянул в документе, – от этого удара Антоний, уверенный, что именно он получит высокие красные башмаки Цезаря, так и не оправился. Но не в характере Антония быть вторым на финише. Поначалу юноша, которого теперь все называли Октавианом, не беспокоил его. Антоний был в расцвете сил, знаменитый военачальник, глава крупной фракции в сенате, а Октавиан – болезненный юноша, и казалось, что раздавить его так же легко, как жука. Но так же легко не получилось, и Антоний не знал, как поступить с хитрым смазливой мальчишкой, обладающим умом и мудростью семидесятилетнего старца. Большинство римлян подозревали, что Антоний, имевший дурную славу транжиры и нуждавшийся в деньгах Цезаря, чтобы расплатиться с долгами, принимал участие в заговоре, и его поведение после убийства Цезаря только укрепило эти подозрения. Он не делал попыток наказать заговорщиков, напротив, он их оправдал. Но Октавиан, очень любивший Цезаря, постепенно подрывал авторитет Антония и в конце концов заставил его объявить убийц вне закона. Как он это сделал? Склонил большую часть легионов Антония на свою сторону, завоевал любовь римского народа и украл тридцать тысяч талантов из военной казны Цезаря, причем так виртуозно, что никому, даже Антонию, не удалось доказать, что вором был Октавиан. Поскольку у

Октавиана оказались и солдаты, и деньги, у Антония не осталось выбора, ему пришлось считаться с Октавианом. В это время Брут и Кассий стали претендовать на власть. Союзники поневоле, Антоний и Октавиан повели свои легионы в Македонию и встретили войска Брута и Кассия у города Филиппы. Это была важная победа для Антония и Октавиана, но она не решила их главной проблемы: кто в конце концов будет Первым человеком в Риме, некоронованным царем, поддерживающим иллюзии, что Рим – это республика, которой управляют сенат и несколько народных собраний. Вместе сенат и народ Рима: *senatus populusque Romanus, SPQR*.

Как обычно, мысли Деллия вернулись к Антонию. Да, у Филипп одержана победа. Но у Антония нет жизнеспособной стратегии, как потеснить Октавиана. Антоний – это стихия, он сильный, импульсивный, вспыльчивый и абсолютно недальновидный. Он обладает огромным личным обаянием, привлекая людей своими чисто мужскими качествами: храбростью, геркулесовым сложением, заслуженной репутацией потрясающего любовника, умом, которого хватает, чтобы произносить громовые речи в сенате. Его слабости простительны, поскольку свойственны всем настоящим мужчинам: приверженность плотским утехам и безрассудная расточительность.

Антоний решил проблему следующим образом: предложил Октавиану разделить между ними Римский мир, бросив подачку Марку Лепиду, верховному понтифику и гла-

ве большой фракции в сенате. Шестьдесят лет постоянных гражданских войн обессилили Рим, чей народ, как и народ Италии, стонал от низких доходов, нехватки хлеба и растущего убеждения, что правящая верхушка – некомпетентна и продажна. Не желая видеть, как меркнет его слава, Антоний решил, что он заберет львиную долю себе, а остатки отдаст этому шакалу Октавиану.

Итак, после Филипп победители поделили провинции в пользу Антония. Октавиан получил самые незавидные территории: Рим, Италию и большие острова Сицилию, Сардинию и Корсику, где выращивали пшеницу для жителей Италии, уже давно неспособных прокормить себя самостоятельно. Это была весьма характерная для Антония тактика: Рим и Италия видели только Октавиана, и одновременно повсеместно усиленно распространялись слухи о великих подвигах Антония в заморских краях. Октавиан был мишенью для недовольства, а Антоний пожинал лавры вдали от центра государства. Что касается Лепида, ему досталась другая житница – Африка, сущее захолустье.

Стоит ли говорить о том, что Марк Антоний получил львиную долю! Не только провинций, но и легионов. Не было у него лишь денег, которые он рассчитывал выжать из Востока, этой курицы, не перестающей нести золотые яйца. Разумеется, все три Галлии он взял себе. Это были западные провинции, но Цезарь умирил их, и они были достаточно богатые, чтобы финансировать будущие кампании Антония.

Его доверенные военачальники командовали многочисленными галльскими легионами, так что Галлия могла обойтись без его присутствия.

Восток Антония

Цезаря убили за три дня до похода на Восток, где он намеревался завоевать сказочно богатое и грозное Парфянское царство, чтобы с помощью добытых трофеев вновь поставить Рим на ноги. Он планировал отсутствовать пять лет и все продумал с присущей ему легендарной гениальностью. А теперь, когда Цезарь мертв, это Марк Антоний победит парфян и вновь поставит Рим на ноги. Антоний детально изучил планы Цезаря, демонстрирующие блестящий ум ста-

рика, и решил, что может усовершенствовать их. К такому выводу его во многом подвигли товарищи, которые пошли с ним на Восток. Все они были подхалимы и отлично знали, как подыграть такой важной птице, как Марк Антоний, неравнодушной к славе и лести.

К сожалению, Квинт Деллий пока не имел возможности давать советы Марку Антонию, хотя и его совет был бы лестью, бальзамом для самолюбия Антония. Итак, пустившись в путь по Эгнатиевой дороге на злобной, раздражительной лошадке, испытывая боль в намятых яйцах и свисающих без опоры ногах, Квинт Деллий ждал своего шанса, который все еще не представился к тому времени, как Антоний пересек границу Азии и остановился в Никомедии, столице его провинции Вифинии.

Каким-то образом все властители и цари – клиенты Рима на Востоке учуяли, что великий Марк Антоний направится в Никомедию, и поспешили туда, заняв лучшие гостиницы или раскинув роскошные лагеря на окраине города, расположенного в красивом месте на берегу спокойной безмятежной бухты, которое очень любил покойный Цезарь. Никомедия по-прежнему выглядела процветающей, так как Цезарь освободил ее от налогов, а Брут и Кассий, спешившие на запад в Македонию, не рискнули пойти дальше на север, чтобы разграбить ее так, как они грабили сотни городов от Иудеи до Фракии. Во дворце из розового и пурпурного мрамора, в котором остановился Антоний, для легатов, таких как Дел-

лий, нашлось по крохотной комнатке, где Деллий смог разместить багаж и старшего из своих слуг, вольноотпущенника по имени Икар. Покончив с этим, Деллий отправился посмотреть, что происходит вокруг, и обдумать, как заполнить место на ложе достаточно близко к Антонию, чтобы принять участие в беседе Великого человека за обедом.

Смертельно бледные, с бьющимися сердцами, цари толпились в залах, трясаясь от страха, потому что они поддерживали Брута и Кассия. Прибыл даже старый царь Галатии Дейотар, старший по возрасту и по годам службы, в сопровождении двух из своих многочисленных сыновей, его любимцев по мнению Деллия. Попликола, близкий друг Антония, представил ему Дейотара, но потом растерялся: слишком много лиц и мало лет службы на Востоке, чтобы узнать их всех.

Скромно улыбаясь, Деллий ходил между группами людей в заморских одеяниях, и глаза его поблескивали при виде особенно большого изумруда или расшитых золотом головных уборов. Конечно, он хорошо знал греческий и смог побеседовать с этими самодержцами стран и народов. Его улыбка становилась шире при мысли, что, несмотря на изумруды и золото, все явились сюда засвидетельствовать почтение Риму, их полновластному господину. Риму, у которого не было царя, чьи старшие магистраты носили простую белую тогу с пурпурной каймой, а железное кольцо иных сенаторов ценилось выше золота. Железное кольцо означало,

что члены римской семьи в течение пятисот лет периодически занимали государственные посты. Эта мысль заставила бедного Деллия спрятать свое золотое сенаторское кольцо в складках тоги. Ни один Деллий еще не становился консулом, ни один Деллий не прославился хотя бы сотню лет назад, не говоря уже о пяти. У Цезаря было железное кольцо, а у Антония нет. Антонии – не столь древний род. И кольцо Цезаря перешло к Октавиану.

Воздуха, воздуха! Ему нужен свежий воздух!

Дворец был построен вокруг огромного сада перистиля, в середине которого, в длинном неглубоком бассейне, бил фонтан. Фонтан из чисто-белого парфянского мрамора, украшенный скульптурными изображениями тритонов и дельфинов, не был реалистично расписан, – большая редкость. Тот, кто создал это замечательное творение, был мастером. Знаток искусства, Деллий так быстро устремился к фонтану, что не заметил, что кто-то уже опередил его и сидит, опустив голову, на широком краю бассейна. Когда Деллий приблизился, человек поднял голову. Теперь встречи нельзя было избежать.

Это оказался иностранец, знатный, ибо на нем была дорогая одежда из златотканого тирского пурпура. На голове с сальными черными кудрями, выющимися как змеи, красовалась шапочка из золотой парчи. Деллий видел много восточных людей и знал, что кудри сальны не от грязи. Их смазывали душистыми маслами. Большинство царей-просителей бы-

ли греками, чьи предки жили на Востоке веками. Но этот человек был иного происхождения, и Деллий сразу это понял, потому что в Риме жило много людей, похожих на него. Конечно, не наряжавшихся в тирский пурпур и золото, а предпочитавших домотканые одежды темных цветов. Он не мог ошибиться. Тот, кто сидел на краю фонтана, был евреем.

– Можно присоединиться? – спросил Деллий на греческом, сопровождая вопрос обворожительной улыбкой.

Такая же обворожительная улыбка появилась на лице незнакомца с массивным двойным подбородком. Жестом руки с ухоженными ногтями он пригласил Деллия присесть, сверкнув кольцами.

– Пожалуйста. Я – Ирод из Иудеи.

– А я – Квинт Деллий, римский легат.

– Я не мог вынести столпотворения в помещении, – объяснил Ирод, опустив уголки толстых губ. – Тьфу! Некоторые из этих неблагодарных не мылись с тех пор, как повитуха вытерла их грязной тряпкой.

– Ты сказал – Ирод. Не царь, не царевич?

– У меня должен быть титул! Моим отцом был Антипатр, идумейский царевич, который был правой рукой еврейского царя Гиркана. Потом приспешники претендента на трон убили его. Отца очень любили римляне, включая Цезаря. Но я расправился с его убийцей, – довольно произнес Ирод. – Я видел, как он умирал, валяясь на вонючих трупах моллюсков в Тире.

– Смерть не для еврея, – заметил Деллий со знанием дела.

Он внимательнее присмотрелся к Ироду, пораженный уродством этого человека. Ирод был очень похож на Мецената, близкого друга Октавиана, хотя их предки происходили из совершенно разных мест. Оба они напоминали лягушек. У Ирода были глаза навывкате, но не голубые, как у Мецената, а тусклого цвета черного обсидиана.

– Насколько я помню, – продолжал Деллий, – весь юг Сирии встал на сторону Кассия.

– Включая евреев. И я лично признателен этому человеку, несмотря на то что Рим Антония считает его предателем. Он разрешил мне прикончить убийцу моего отца.

– Кассий был воином, – грустно промолвил Деллий. – Если бы и Брут был воином, сражение у Филипп могло бы закончиться совсем по-другому.

– Птицы щебечут, что у Антония тоже был неумелый партнер.

– Странно, до чего громко могут щебетать птицы, – ухмыльнулся Деллий. – Так что привело тебя к Марку Антонию, Ирод?

– Ты, наверное, заметил пятерых убого одетых воробьев среди стаи ярких фазанов там, внутри?

– Нет. Все выглядели для меня как яркие фазаны.

– О, они там, мои пять воробьев из синедриона! Демонстрируют свою исключительность, стоя от остальных как можно дальше.

– Это значит, что они торчат в углу, за колонной.

– Правильно, – кивнул Ирод, – но, когда появится Антоний, они выступят вперед, стеною и бия себя в грудь.

– Ты еще не сказал мне, почему ты здесь.

– На самом деле там больше пяти воробьев. Я, как сокол, слежу за ними. Они намерены увидеть триумвира Марка Антония и изложить ему свое дело.

– Какое дело?

– Что я плету интриги против законных наследников и что мне, иноверцу, удалось настолько втереться в доверие к царю Гиркану и его семье, что меня считают женихом дочери царицы Александры. Это кратко. Чтобы выслушать полную версию, понадобятся годы.

Деллий удивленно прищурил хитрые карие глаза:

– Иноверец? Кажется, ты сказал, что ты еврей.

– Не по закону Моисея. Мой отец женился на набатейской царевне Кипре. Арабке. А поскольку евреи считаются евреями по материнской линии, дети моего отца стали иноверцами.

– Тогда чего ты надеешься добиться здесь, Ирод?

– Всего, если мне разрешат сделать то, что необходимо. Евреям нужна твердая рука – спроси любого римского наместника Сирии с тех пор, как Помпей Великий сделал Сирию провинцией. Я намерен быть царем евреев, нравится им это или нет. И стану им, если женюсь на царевне из династии Хасмонеев, ведущей свой род от Иуды Маккавея. Наши дети

будут евреями, а я намерен иметь много детей.

– Значит, ты здесь, чтобы защищать себя? – спросил Деллий.

– Да. Делегация синедриона потребует, чтобы меня и всех членов моей семьи выслали под страхом смерти. Сами они не могут это сделать без разрешения Рима.

– Да, трудная задача, если принять во внимание поддержку Кассия! – весело воскликнул Деллий. – Антонию надо будет выбирать между двумя фракциями, которые поддерживали не того человека.

– Но мой отец поддерживал Юлия Цезаря, – возразил Ирод. – Мне только надо убедить Марка Антония, что, если мне разрешат жить в Иудее, я всегда буду на стороне Рима. Он был в Сирии несколько лет назад, когда Габиний служил там наместником, так что Антоний знает, какой беспокойный народ евреи. Но вспомнит ли он, что мой отец помогал Цезарю?

– Хм, – промычал Деллий, щурясь на радугу водяных брызг, бьющих изо рта дельфина. – Почему Марк Антоний должен помнить об этом, если совсем недавно ты был человеком Кассия? Догадываюсь, как и твой отец до своей смерти.

– Я неплохой адвокат и смогу защитить себя.

– При условии, что тебе дадут шанс.

Деллий поднялся, тепло пожал руку Ирода.

– Желаю тебе успеха, Ирод из Иудеи. Если я сумею по-

мочь тебе, то помогу.

– Я буду очень благодарен.

– Ерунда! – засмеялся Деллий, уходя. – Нет у тебя таких денег.

Марк Антоний был на удивление трезв с тех пор, как отправился на Восток, однако шестьдесят человек в его окружении ожидали, что Никомедия увидит сибарита Антония. По этой же причине, узнав о его появлении по соседству, из Византии поспешила труппа музыкантов и танцовщиц, поскольку от Испании до Вавилонии каждый член Общества актеров – поклонников Диониса знал имя Марка Антония. К всеобщему изумлению, Антоний отпустил музыкантов, наградив их золотом, и продолжал оставаться трезвым, хотя и с тоскливым выражением на красиво-безобразном лице.

– Ничего не поделаешь, Попликола, – вздохнув, сказал он своему лучшему другу. – Ты видел, сколько царей стояло вдоль дороги, когда мы въезжали? Сколько их устремилось в залы, как только распорядитель открыл двери? Все они здесь, чтобы, опередив остальных, урвать что-нибудь у Рима – и у меня. Но я не поддамся. Я выбрал Восток не как свою вотчину, чтобы забрать богатства, которые имеются здесь в таком изобилии. Я буду судить от имени Рима с ясной головой и со спокойным желудком. Луций, ты помнишь, как возмутился Цицерон, когда меня вырвало прямо на твою тогу на ростре? – засмеялся Антоний. – Сначала дело, Антоний,

дело! – обратился он к себе самому. – Они провозгласили меня новым Дионисом, но они скоро увидят, что на это время я – суровый старый Сатурн. – В коричнево-рыжих глазах, слишком маленьких и близко посаженных, чтобы понравиться портретисту, блеснул озорной огонек. – Новый Дионис! Бог вина и наслаждений. Должен сказать, мне нравится это сравнение. Лучшее, что они сделали для Цезаря, – провозгласили его просто богом.

Зная Антония с детства, Попликола не сказал, что просто бог выше бога того или сего. Его главной заботой было следить за Марком, чтобы он не утратил дееспособности, поэтому он с облегчением выслушал речь Антония. Таков был Антоний. Он мог вдруг прервать порой длившиеся месяцами попойки, особенно когда брало верх чувство самосохранения. Как это произошло сейчас. И Антоний был прав. Нашествие властителей влекло неприятности и тяжелую работу, поэтому ему надо было узнать их всех и решить, какие правители сохраняют свои троны, а какие – потеряют. Другими словами, какие правители лучше для Рима.

Учитывая все это, у Деллия появилась слабая надежда, что в Никомедии он достигнет своей цели и станет ближе к Антонию. И тут в дело вмешалась Фортуна: началось все с того, что обед перенесли на вечер. И когда взгляд Антония скользил по шестидесяти римлянам, входившим в столовую, по непонятной причине он остановился на Квинте Деллии. Что-то в нем нравилось великому человеку, хотя Антоний

не мог определить, что именно. Может быть, Квинт Деллий умел успокаивать, проливая бальзам своего красноречия на самые неприятные темы.

– Стой, Деллий! – рявкнул Антоний. – Присоединяйся ко мне и Попликоле!

Братья Децидии Саксы, Барбат и несколько других ошетились, но никто не промолвил ни слова, когда обрадованный Деллий сбросил на пол тогу и сел на край ложа, образующего низ буквы «U». Пока слуга поднимал тогу и складывал ее – трудная работа! – другой слуга снял с Деллия обувь и омыл ему ноги. Деллий не допустил ошибки и не сел на *locus consularis*. Туда сядет Антоний, а Попликола займет середину. Деллию отводится дальний конец ложа, наименее почетное место, но какой взлет для него! Он чувствовал, как все присутствующие сверлят его взглядами, пытаясь догадаться, что он сделал такого, чтобы заслужить это продвижение.

Блюда были изысканными, хоть и не совсем в римском вкусе: слишком много баранины, отварной рыбы, странные приправы, незнакомые соусы. Однако присутствовал слуга, ответственный за перец, со ступкой и пестиком. А стоило римскому гурману щелчком пальцев потребовать щепотку свежемолотого перца, все становилось съедобным, даже германская вареная говядина. Было вдоволь самосского вина, хотя и разбавленного водой. Как только Деллий увидел, что Антоний пьет его с водой, он сделал то же самое.

Сначала Антоний молчал, но, когда унесли основные блю-

да и подали сласти, он громко рыгнул, похлопал по своему плоскому животу и довольно вздохнул.

– Деллий, что ты думаешь об этом сборище царей и царевичей? – приветливо спросил он.

– Очень странные люди, Марк Антоний, особенно для того, кто никогда не был на Востоке.

– Странные? Ага, странные, согласен! Хитрые, как помойные крысы, у них больше лиц, чем у Януса, и кинжалы такие острые, что ты и не почувствуешь, как они окажутся у тебя между ребер. Удивительно, что они поддержали Брута и Кассия против меня.

– Не так уж удивительно, – промолвил Попликола, который очень любил сладкое и наслаждался засахаренным в меду кунжутом. – Они допустили ту же ошибку с Цезарем, поддержав Помпея Магна. Ты вел кампании на Западе, как и Цезарь. Они не знали тебя. Брут был никем, но Гай Кассий был овеян мистической славой. Он избежал смерти с Крассом у Карр, потом очень хорошо управлял Сирией в преклонном возрасте тридцати лет. О Кассии ходили легенды.

– Я согласен, – сказал Деллий. – Их мир ограничен восточным концом Нашего моря. Что происходит в обеих Испаниях и Галлиях на западном конце – им неизвестно.

– Правильно. – Антоний скривился при виде сладких блюд на низком столе перед ложем. – Попликола, вымой лицо! Я не знаю, как ты можешь переваривать эту медовую кашу.

Попликола отодвинулся, а Антоний взглянул на Деллия с выражением, которое говорило, что он понимает многое из того, что Деллий надеялся утаить: бедность, статус «нового человека», чрезмерные амбиции.

– Привлек ли кто-то из этих помойных крыс твое внимание, Деллий?

– Один, Марк Антоний. Еврей по имени Ирод.

– Ага! Роза среди пяти сорняков.

– Он уподобил себя птице – сокол среди пяти воробьев.

Антоний утробно засмеялся.

– Ну, при наличии Дейотара, Ариобарзана и Фарнака не думаю, что у меня хватит времени оказать внимание полудюжине задиристых евреев. Неудивительно, что пять сорняков ненавидят нашу розу Ирода.

– Почему? – спросил Деллий, принимая заинтересованный вид.

– Во-первых, его регалии. Евреи не одеваются в золото и тирский пурпур – это против их законов. Никаких царских украшений, никаких изображений, а свое золото они хранят в Большом храме. Красс ограбил Большой храм, взяв оттуда две тысячи талантов золота, прежде чем отправиться завоевывать Парфянское царство. Евреи проклинали его, и он умер постыдной смертью. Затем пришел Помпей Магн, прося золота, потом Цезарь, потом Кассий. Они надеются, что я так не сделаю, хотя знают наверняка, что я так и поступлю. Как Цезарь, я потребую у них сумму, равную той, какую просил

Кассий.

Деллий нахмурился.

– Я не... э-э...

– Цезарь потребовал сумму, равную той, какую они дали Помпею.

– О, понимаю! Прости мое невежество.

– Мы все здесь, чтобы учиться, Квинт Деллий, и ты поразительно быстро учишься. Поэтому расскажи мне об этих еврейях. Чего хотят сорняки и чего хочет роза Ирод?

– Сорняки хотят изгнать Ирода под страхом смерти, – ответил Деллий, отказавшись от птичьей метафоры. Если Антонию больше нравится собственная, то и Деллию тоже. – Ирод хочет, чтобы римским декретом ему было разрешено свободно жить в Иудее.

– А кто принесет больше пользы Риму?

– Ирод, – ответил Деллий, не раздумывая. – Он может не быть евреем, согласно их законам, но он хочет править ими, женившись на какой-то царевне благородных кровей. Если это ему удастся, я думаю, у Рима будет преданный союзник.

– Деллий, Деллий! Неужели ты считаешь, что Ирод способен на преданность?

Лицо Деллия, похожего на фавна, озарилось лукавой усмешкой.

– Конечно, если это будет в его интересах. А поскольку он знает, что народ, которым он хочет править, ненавидит его настолько, что готов убить при малейшей возможности, Рим

всегда будет больше отвечать его интересам, чем евреи. Пока Рим его союзник, он защищен от всего, кроме яда и засады. И я не думаю, что он станет есть или пить, не дав слуге предварительно все попробовать, да и шагу не ступит без охраны из неевреев, которым станет очень щедро платить.

– Спасибо, Деллий!

Попликола втиснулся между ними.

– Одну проблему уже решил, да, Антоний?

– С помощью Деллия. Убери все! – громко крикнул Антоний слуге. – Где Луцилий? Мне нужен Луцилий!

Наутро пять членов еврейского синедриона оказались первыми в списке просителей, озвученном глашатаем Марка Антония. Антоний был одет в тогу с пурпурной каймой, в руке он держал простой жезл из слоновой кости – знак его высоких полномочий. Это была импозантная фигура. Рядом с ним находился его любимый секретарь Луцилий, раньше служивший Бруту. Двенадцать ликторов в малиновых туниках стояли по обе стороны от его курульного кресла слоновой кости. Топорики в пучках прутьев были опущены. Антоний с ликторами расположился на возвышении, чтобы толпившиеся в зале просители хорошо их видели.

Глава делегации синедриона начал свою речь на хорошем греческом, но так цветисто и извилисто, что ему потребовалось много времени, чтобы сообщить, кто они и что заставило их проделать столь далекий путь и искать встречи с три-

умвиром Марком Антонием.

– О, заткнись! – вдруг рявкнул Антоний. – Заткнись и возвращайся домой! – Он выхватил у Луцилия свиток, развернул его и свирепо потряс им. – Этот документ нашли среди бумаг Гая Кассия после Филиппа. Здесь говорится, что только Антипатру, опекуну так называемого царя Гиркана, и его сыновьям Фазаелю и Ироду удалось собрать золото для Кассия. Евреи не дали ничего, кроме кубка с ядом для Антипатра. Оставляя в стороне тот факт, что золото было предназначено для несправедливого дела, мне ясно, что евреи значительно больше любят золото, чем Рим. Когда я приду в Иудею, что изменится? Да ничего! В Ироде я вижу человека, готового платить Риму дань и налоги, которые идут – напоминаю вам – на поддержание мира и благополучия ваших государств! Когда вы отдавали золото Кассию, вы просто финансировали его армию и флот! Кассий был изменником, он взял то, что по праву принадлежит Риму! Ага, ты трясешься от страха, Дейотар? Поделом тебе!

«А я и забыл, – думал Деллий, слушая Антония, – как резко он умеет выражаться. Он использует евреев, чтобы дать знать им всем, что милосердия от него они не дождутся».

Антоний вернулся к теме.

– От имени сената и народа Рима я постановил: Ирод, его брат Фазаель и вся его семья могут жить на любой территории, принадлежащей Риму, включая Иудею. Я не могу помешать Гиркану называть себя царем среди своего народа,

но в глазах Рима он не более чем этнарх. Иудея не является единым государством. Это пять небольших областей, расположенных вокруг южной части Сирии. И она останется пятью небольшими областями. Гиркан может править Иерусалимом, Газарой и Иерихоном. Фазаель, сын Антипатра, будет тетрархом Сепфориса. Ирод, сын Антипатра, будет тетрархом Амата. И предупреждаю! Если в южной части Сирии случится какая-нибудь заварушка, я раздавлю евреев, как яичную скорлупу!

«Я сделал это, я сделал это! – мысленно воскликнул Деллий, готовый взорваться от счастья. – Антоний послушал меня!»

Ирод ждал у фонтана, но лицо его было белым, осунувшимся, он не светился от счастья, как надеялся Деллий. В чем дело? Что могло случиться? Ведь он приехал бедняком, лишенным гражданства, а уедет тетрархом.

– Ты недоволен? – удивился Деллий. – Ты победил, Ирод, и тебе даже не пришлось защищаться.

– Почему Антоний возвысил и моего брата? – вдруг резко спросил Ирод, обращаясь в пространство. – Он уравнил нас! Как я могу жениться на Мариамне, когда Фазаель не только равен мне, но и выше меня? Это Фазаель женится на ней!

– Спокойно, спокойно, – тихо сказал Деллий. – Это все в будущем, Ирод. А сейчас радуйся решению Антония, ведь ты получил больше, чем надеялся. Он на твоей стороне, пяти воробьям только что подрезали крылья.

– Да-да, я понимаю, Деллий, но этот Марк Антоний умный! Он хочет того, чего хотят все дальновидные римляне, – равновесия. Оставить меня одного наравне с Гирканом – это решение не римлянина. Фазазель и я на одной чаше, Гиркан – на другой. О, Марк Антоний, ты умен! Цезарь был гением, а тебя считали болваном. Но я увидел второго Цезаря.

Деллий смотрел, как, тяжело ступая, удаляется Ирод. Мозг его усиленно работал. «Между кратким разговором за обедом и сегодняшней аудиенцией Марк Антоний провел кое-какие разыскания. Вот почему он позвал Луцилия! Какие же плуты они с Октавианом! Прикидывались, будто сожгли все бумаги Брута и Кассия! Как и Ирод, я считал Антония образованным болваном. Но он не такой, не такой! – думал пораженный Деллий. – Он хитрый и умный. Он приберет к рукам все на Востоке, возвысив одного, унизив другого, пока цари-клиенты и сатрапы не станут целиком принадлежать ему. Не Риму – ему. Он отослал Октавиана в Италию с таким трудным заданием, что оно сломает слабого и болезненного юношу, но, если Октавиан не сломается, Антоний будет готов».

Когда Антоний покинул столицу Вифинии, все просители, кроме Ирода и пяти членов синедриона, сопровождали его, продолжая уверять в своей верности новым правителям Рима, не переставая жаловаться, что Брут и Кассий обманывали их, врали, принуждали, ай-ай-ай, заставляли силой!

Утомившись от восточных стенаний и причитаний, Антоний не сделал того, что делали Помпей Великий, Цезарь и остальные, – не пригласил наиболее важных из них отобедать с ним и составить ему компанию в дороге. Нет, Марк Антоний попросту не замечал их на протяжении всего пути от Никомедии до Анкиры, единственного более менее крупного города в Галатии.

Здесь, среди холмистых, покрытых сочной травой просторов с лучшими пастбищами к востоку от Галлии, он волей-неволей вынужден был остановиться во дворце Дейотара и держаться с ним любезно. Из четырех дней, проведен-

ных там, три были явно лишними, но за это время Антоний сообщил Дейотару, что тот пока сохранит свое царство. Его второму любимому сыну, Дейотару Филадельфу, был дарован дикий край, горная Пафлагония (которая никому не была нужна), в то время как первый и самый любимый сын Кастор не получил ничего, и старый царь, острота ума которого притупилась с годами, не мог придумать, как разрешить эту ситуацию. Для всех римлян, сопровождавших Антония, это значило, что Галатию в конечном счете ждут кардинальные перемены, которые не будут выгодны никому из потомков Дейотара. Чтобы получить информацию о Галатии, Антоний поговорил с секретарем старого царя, знатным галатийцем Аминтой, молодым, образованным, деятельным и проницательным человеком.

– По крайней мере, – весело сказал Антоний, когда колонна римлян двинулась в Каппадокию, – мы избавились от значительной части наших прихлебателей! Этот плаксивый идиот Кастор приволок даже человека, который обрезает ему ногти на ногах. Поразительно, что такой воин, как Дейотар, произвел на свет такого безупречного гомика.

Он говорил это Деллию, который теперь ехал на послушной чалой лошади, а своенравную лошадку отдал Икару, которому прежде приходилось идти пешком.

– Еще отвалился Фарнак и его двор, – напомнил Деллий.

– Фу! Ему не стоило приезжать. – Губы Антония презрительно скривились. – Он в подметки не годится отцу, а деду

и подавно.

– Ты имеешь в виду великого Митридата?

– А есть другой? Вот был человек, Деллий, который почти побил Рим. Грозный.

– Помпей Магн легко победил его.

– Чушь! Это Лукулл победил его. А Помпей Магн воспользовался плодами его труда. Обычно он так и делал, этот Магн. Но его тщеславие в конце концов вышло ему боком. Он уверовал в собственное величие. Смешно подумать, чтобы кто-нибудь, римлянин он или нет, вообразил, что сможет победить Цезаря.

– Ты мог бы легко победить Цезаря, Антоний, – без тени низкопоклонства сказал Деллий.

– Я? Нет, даже если бы все боги сражались на моей стороне. Цезарь был единственный в своем роде, и совсем не позорно это признать. Он провел более пятидесяти сражений и ни одного не проиграл. О, я побил бы Магна, если бы он был жив, или Лукулла, или даже Гая Мария. Но Цезаря? Сам Александр Великий сдался бы ему.

В голосе, высоком теноре, удивительном для такого крупного человека, не было негодования. Да и сожаления тоже, подумал Деллий. Для Антония характерен был римский образ мысли: поскольку он не поднял руки на Цезаря, он может спать спокойно. Организовать заговор – это не преступление, даже если в результате этого заговора совершается убийство.

С песнями на марше два легиона и кавалерия Антония вступили в изрезанную ущельями страну великой красной реки Галис, невообразимой красоты: красные скалы, острые грани утесов, ровная земля по обоим берегам широкого потока, лениво несущего свои воды, пока снег еще не растаял на высоких вершинах. Антоний пошел в Сирию по суше, потому что плавание по зимнему морю слишком опасно. К тому же Антоний предпочел остаться со своими людьми, чтобы увериться, что они любят его больше Кассия, которому раньше служили. Погода стояла холодная, но мороз чувствовался, только когда поднимался ветер, а на дне ущелий ветра почти не было. Несмотря на цвет, вода оказалась пригодной как для людей, так и для животных. Центральная Анатолия не была густо населена.

Город Евсевия Мазака располагался у подножия Аргея, огромного вулкана, белого от снега, как обычная гора, ибо никто за всю историю не помнил, чтобы он извергался. Голубой город, небольшой и обедневший; с незапамятных времен его грабили все кому не лень, потому что его цари были слабы и слишком скупы, чтобы держать армию.

Именно здесь Антоний понял, как трудно будет выжать из Востока еще золота и сокровищ. Брут и Кассий забрали все, что упустил Великий Митридат. От этой мысли у Антония очень испортилось настроение, и он с Попликолой, братьями Децидиями и Деллием отправился в Команы, город жрецов богини Ма, недалеко от Евсевии Мазаки. Пусть

этот маразматик царь Каппадокии и его ничего не смыслящий сынок живут в своем пустом дворце! Возможно, в Команах он найдет запасы золота, припрятанного под обычной каменной плитой. Жрецы бросают царей на произвол судьбы, когда речь идет о защите сокровищ.

Ма – воплощение богини Кубабы Кибелы, Великой Матери, которая правила всеми богами, мужскими и женскими, с тех времен, как люди впервые стали рассказывать свою историю, сидя у костров. Давным-давно она утратила власть везде, кроме таких центров, как две Команы – одна здесь, в Каппадокии, другая на севере, в Понте, – да еще Пессинунт неподалеку от того места, где Александр Великий разрубил мечом Гордиев узел. Каждая из этих трех территорий управлялась как независимое государство, чей царь был одновременно верховным жрецом, и каждое государство имело естественные границы.

Без военного эскорта, в сопровождении четырех друзей и слуг Антоний въехал в небольшую, симпатичную деревушку в Команах Каппадокийских, отметив с одобрением ее дорогие дома, сады, обещающие изобилие цветов будущей весной, внушительный храм Ма, возвышающийся на вершине небольшого холма, окруженного березовой рощей, с тополями по обеим сторонам мощеной дороги, ведущей прямо к земному дому богини Ма. Сбоку от него стоял дворец. Как и у храма, его дорические колонны были синего цвета с ярко-красными основаниями и капителями, стены позади ко-

лонн темно-синие, края крытой дранкой крыши обведены золотом.

Молодой человек лет двадцати ждал их перед дворцом, одетый в несколько слоев зеленой кисеи, с круглой золотой шапочкой на бритой голове.

– Марк Антоний, – представился Антоний, спешиваясь со своего серого в яблоках государственного коня и бросая поводья одному из троих слуг, которых он привел с собой.

– Добро пожаловать, господин Антоний, – приветствовал молодой человек, низко кланяясь.

– Достаточно просто – Антоний. У нас в Риме господ нет. Как тебя зовут, бритоголовый?

– Архелай Сисен. Я – царь, верховный жрец богини Ма.

– Не слишком молод для царя, а?

– Лучше быть слишком молодым, чем слишком старым, Марк Антоний. Войди в мой дом.

Визит начался с осторожного словесного пикирования, в котором царь Архелай Сисен, даже более юный, чем Октавиан, не уступал Антонию, и тот, будучи по натуре человеком дружелюбным, был восхищен молодым царем. Антоний не возражал бы и против общества Октавиана, не сделайся тот наследником Цезаря.

Но, несмотря на красоту зданий и пейзажа, ласкавшего римский глаз, одного часа оказалось вполне достаточно, чтобы понять: каким бы богатством ни обладала некогда богиня

Ма в Команах, его уже не осталось. Поскольку между ними и столицей Каппадокии лежало всего пятьдесят миль, друзья Антония готовы были отправиться в путь на рассвете следующего дня, чтобы соединиться с легионами и продолжить поход.

– Тебя не оскорбит, если моя мать будет присутствовать на обеде? – почтительно спросил жрец-царь. – И мои младшие братья?

– Чем больше народу, тем веселее, – ответил Антоний, не забывая о хороших манерах.

Он уже получил ответы на самые насущные вопросы, но стоило узнать, что за семья произвела на свет этого умного, не по годам мудрого, бесстрашного парня.

Архелай Сисен и его братья были красивы, остроумны, хорошо знали греческую литературу и философию и даже немного разбирались в математике.

Но все отошло на второй план, как только в комнату вошла Глафира. В соответствии с обычаем она стала жрицей Великой Матери в тринадцать лет, но, в отличие от остальных достигших половой зрелости девственниц, которые должны были расстелить коврик в храме и предложить свою девственность первому пришедшему, кому они понравятся, Глафира была царской крови и сама выбирала себе партнера, где хотела. Первым был римский сенатор, который стал отцом Архелая, даже не зная об этом. Ей было всего четырнадцать лет, когда она родила мальчика. Отцом следую-

щего сына стал царь Ольвии, потомок Тевкра, знаменитого стрелка из лука, сражавшегося вместе со своим братом Аяксом у Трои. Отцом третьего сына был неизвестный красавец, сопровождавший стадо быков в караване из Мидии. После этого Глафира сказала «хватит» и посвятила жизнь воспитанию мальчиков. Ей уже исполнилось тридцать четыре года, но выглядела она на двадцать четыре.

Попликола недоумевал, что побудило ее появиться, ведь почетный гость известен как отъявленный бабник, но у Глафиры была причина. Которая не имела ничего общего с вожделением. Принадлежавшая раньше Великой Матери, она давно поборолa вожделение как нечто унижительное. Нет, она хотела для своих сыновей большего, чем крохотное жреческое царство. Она хотела получить значительную часть Анатолии, и, если молва о Марке Антонии верна, это был ее шанс.

Антоний громко втянул в себя воздух. Какая красавица! Высокая, гибкая, с длинными ногами и великолепной грудью, а лицом не уступит Елене: чувственные алые губы, безупречная кожа, подобная лепестку розы, светящиеся глаза, обрамленные густыми темными ресницами, и абсолют-но прямые льняные волосы, спускающиеся по спине, словно лист кованого позолоченного серебра. Она не надела драгоценностей, может быть, потому что их у нее не было. Ее голубое, греческого покроя платье было из чистой шерсти, без рисунка.

Попликолу и Деллия так быстро смахнули с ложа, что они едва успели вскочить на ноги. Огромная рука уже похлопывала по освободившемуся месту, где они только что сидели.

– Сюда, со мной, великолепное создание. Как тебя зовут?

– Глафира, – ответила она, скинув фетровые комнатные туфли и ожидая, пока слуга наденет ей на ноги теплые носки.

Затем она устроилась на ложе, но достаточно далеко от Антония, чтобы избежать его объятий. «Слухи определенно обоснованны. Если судить по его приветствию, он не принадлежит к утонченным любовникам. Великолепное создание, ну и ну! Он думает о женщинах как о вещах, но я, – решила Глафира, – должна постараться сделаться более ценной принадлежностью, чем его лошадь, его секретарь или его ночной горшок. И если он станет моим любовником, я принесу жертву богине, чтобы она послала мне девочку. Дочь Антония может выйти замуж за царя парфян – какой союз! Хорошо, что нас учили, как сосать их члены вагиной и делать это лучше, чем проститутки делают это ртом! Он станет моим рабом».

Итак, Антоний остался в Команах до конца зимы, и когда в начале марта он наконец отправился в Киликию и Тарс, то взял Глафиру с собой. Его десять тысяч пехотинцев не имели ничего против неожиданного отпуска. Каппадокия была страной женщин, чьих мужчин убили на поле боя или обратили в рабство. Поскольку эти legionеры умели обрабаты-

вать землю так же хорошо, как воевать, они обрадовались перерыву. Цезарь первый на вербовал их по ту сторону реки Пад в Итальянской Галлии, и, если не считать высоких гор, сельское хозяйство Каппадокии не очень отличалось от того, к которому они привыкли. После себя они оставили несколько тысяч сыновей и дочерей в материнских утробах, надлежащим образом подготовленную и засеянную к весне землю и много тысяч благодарных женщин.

Они шли по хорошей римской дороге между двумя вздымающимися хребтами, углубляясь в обширные благоухающие леса с соснами, лиственницами, елями, пихтами, сопровождаемые постоянным шумом ревущей воды. Но на перевале у Киликийских ворот дорога стала такой крутой, что через каждые пять шагов были сделаны ступеньки. Спускаться вниз было так же приятно, как есть мед с горы Гимет, но если бы им пришлось подниматься вверх, то душистый воздух был бы испорчен отборной латинской бранью. Поскольку снег теперь таял быстро, воды в реке Кидн кипели словно в огромном котле. Но после Киликийских ворот дорога стала легче и ночи теплее. И они быстро дошли до берега Нашего моря.

Тарс, расположенный у реки Кидн, около двадцати миль вглубь материка, появился перед ними неожиданно. Как и Афины, Эфес, Пергам и Антиохия, этот город запоминался почти всем знатым римлянам даже после кратковременного визита. Очень богатый город, настоящая жемчужина.

Но это осталось в прошлом. Кассий наложил на Тарс такой огромный штраф, что, даже расплавив все произведения искусства из золота или серебра независимо от их ценности, жители Тарса были вынуждены постепенно продавать простой народ в рабство, начав с людей самого низкого происхождения. К тому времени, как Кассий, устав ждать всю требуемую сумму, отбыл, прихватив пятьсот золотых талантов, которые Тарс едва смог наскрести, в городе с полумиллионным населением осталось всего несколько тысяч свободных людей. Но их богатство было уже не вернуть.

– Клянусь всеми богами, я ненавижу Кассия! – воскликнул Антоний, его надежды обогатиться таяли с каждым днем. – Если он так поступил с Тарсом, что же тогда он сделал с Сирией?

– Выше нос, Антоний, – сказал Деллий. – Не все потеряно.

К этому времени он уже заменил Попликолу как главный источник информации для Антония, чего он и добивался. Пусть Попликола радуется тому, что остается близким другом Антония! Он, Квинт Деллий, согласен быть человеком, чьи советы Антоний ценит. И как раз в этот тяжелый момент у него нашелся полезный совет.

– Тарс большой город, центр торговли киликийцев, но, когда Кассий показался на горизонте, вся Киликия Педия отмежевалась от Тарса. Киликия Педия богата и плодородна, но ни одному римскому наместнику не удавалось обложить ее данью. Регионом управляют разбойники и измен-

ники-арабы, которые забирают значительно больше, чем когда-либо брал Кассий. Почему бы тебе не послать войска в Киликию Педию и посмотреть, что удастся найти? Ты можешь оставаться здесь. Пусть командует Барбат.

Антоний знал, что совет хороший. Пусть его войско кормят киликийцы, а не бедный Тарс, особенно если предстоит грабить разбойничьи крепости.

– Разумный совет, и я намерен ему последовать, – сказал Антоний, – но этого будет недостаточно. Теперь я понимаю, почему Цезарь хотел завоевать парфян: по эту сторону Месопотамии никаких богатств не осталось. О, будь проклят Октавиан! Он украл военную казну Цезаря, этот маленький червяк! Пока я был в Вифинии, во всех письмах из Италии говорилось, что он умирает в Брундизии, что он не проедет и десяти миль по Аппиевой дороге. А что я узнаю здесь, в Тарсе? Да, он кашлял и задыхался весь путь до Рима, а теперь он занят тем, что подлизывается к представителям легионов. Реквизирует все общественные земли во всех местах, поддерживавших Брута и Кассия, а в перерывах подставляет задницу этой обезьяне Агриппе.

«Надо сделать так, чтобы он перестал говорить об Октавиане, – подумал Деллий, – иначе он забудет о трезвости и потребует неразбавленного вина. Эта змеиная сучка Глафира не помогает – слишком старается для сыночков». Пошелкав языком в знак сочувствия, он вернул Антония к вопросу о том, где добыть деньги на разоренном Востоке.

– Антоний, есть альтернатива парфянам.

– Антиохия? Тир, Сидон? Кассий их уже обобрал.

– Да, но он не дошел до Египта. – Последнее слово Деллий произнес медовым голосом. – Египет может купить и продать Рим. Все, кто когда-либо слышал рассказы Марка Красса, знают об этом. Кассий направлялся в Египет, когда Брут вызвал его в Сарды. Да, он взял четыре египетских легиона, но, увы, в Сирии. Царицу Клеопатру нельзя в этом обвинять, но ведь она и тебе с Октавианом не послала помощи. Я думаю, ее бездействие можно оценить в десять тысяч талантов штрафа.

Антоний усмехнулся:

– Хм! Мечты, Деллий.

– Нет, определенно нет. Египет сказочно богат.

Слушая вполуха, Антоний внимательно читал письмо своей жены Фульвии. В письме она жаловалась на вероломства Октавиана и описывала в откровенных выражениях шаткость его положения. Сейчас самое время, писала она своим неразборчивым подчерком, поднять против него Италию и Рим! Луций такого же мнения: он начинает набирать легионы. Чушь, подумал Антоний, который слишком хорошо знал своего брата Луция и не считал его способным даже отложить десять кестрашек на счетах. Луций возглавит революцию? Нет, он лишь набирает людей для своего большого брата Марка. Правда, в этом году Луций стал консулом, но вместе с Ватией, который и будет выполнять всю работу. О

женщины! Почему Фульвия не захотела посвятить себя воспитанию детей? Дети от Клодия уже выросли и стали самостоятельными, но у нее еще остался сын от Куриона и два сына от Антония.

Конечно, к этому времени Антоний уже знал, что ему придется отложить парфянский поход по меньшей мере на год. Не только из-за нехватки финансов, но и из-за необходимости следить за Октавианом. Его наиболее опытные военачальники Поллион, Кален и надежный старый Вентидий вынуждены были оставаться на Западе с большей частью своих легионов, чтобы не спускать глаз с Октавиана. В письмах они умоляли Антония употребить влияние и приструнить Секста Помпея, который бороздил водные просторы и, как настоящий пират, забирал себе пшеницу, предназначенную для Рима. Терпеть Секста Помпея не входило в их соглашение, вторил Октавиан. Разве Марк Антоний не помнит, как после Филипп они двое разделили обязанности между тремя триумвирами?

«Да, я помню, – мрачно подумал Антоний. – После победы у Филипп я ясно, как в магическом хрустальном шаре, увидел, что на Западе нет такого места, где я мог бы прославиться и затмить Цезаря. Чтобы превзойти Цезаря, мне надо сломить парфян».

Свиток Фульвии упал на столешницу и свернулся.

– Ты действительно считаешь, что Египет может дать столько денег? – подняв голову, спросил Антоний.

– Конечно! – горячо ответил Деллий. – Подумай об этом, Антоний! Золото из Нубии, океанский жемчуг с острова Тапробана, драгоценные камни с Аравийского полуострова, слоновая кость с мыса Горн в Африке, специи из Индии и Эфиопии, монополия на производство бумаги, а пшеницы больше, чем народ может съесть. Государственный доход Египта шесть тысяч талантов золота в год, а личный доход правителя – еще шесть тысяч!

– Ты хорошо поработал над домашним заданием, – усмехнулся Антоний.

– С бóльшим удовольствием, чем в бытность мою школьником.

Антоний встал и прошел к окну, выходящему на площадь, где между деревьями виднелись мачты кораблей, устремленные в безоблачное небо. Но он не видел всего этого. Взгляд его был обращен внутрь. Он вспомнил худенькое маленькое существо, которое Цезарь поместил в мраморную виллу по ту сторону Тибра. «Как возмущалась Клеопатра, когда ей не позволили поселиться в Риме! Не перед Цезарем – он не потерпел бы истерики, – а за его спиной. Все друзья Цезаря по очереди пытались объяснить ей, что она, помазанная царица, не может войти в Рим по религиозным соображениям. Но это ее не останавливало. Она продолжала жаловаться. Она была худая как палка и вряд ли пополнила с тех пор, как вернулась домой после смерти Цезаря. О, как радовался Цицерон, когда пошли слухи, что ее корабль затонул в Нашем мо-

ре! И как он расстроился, узнав, что слухи оказались ложными. Выяснилось, это должно было волновать его меньше всего. Напрасно он выступил в сенате против меня! Это было равносильно самоубийству! После того как его казнили, Фульвия проткнула пером его язык, прежде чем я выставил его голову на ростре. Фульвия! Вот женщина! Меня никогда не интересовала Клеопатра, я ни разу не посещал ни ее приемы, ни ее знаменитые обеды – слишком заумные, слишком много ученых, поэтов и историков. И все эти божества с головами зверей в комнате, где она молилась! Признаться, я никогда не понимал Цезаря, его любовь к Клеопатре – самая большая загадка».

– Очень хорошо, Квинт Деллий, – громко сказал Антоний. – Я прикажу царице Египта предстать передо мной в Тарсе и ответить на вопрос, почему она помогала Кассию. Ты сам доставишь ей требование явиться.

«Замечательно!» – подумал Деллий, отправляясь на следующий день по дороге, ведущей сначала к Антиохии, затем на юг, вдоль побережья, до Пелузия. Он потребовал, чтобы ему обеспечили сопровождение, и Антоний вынужден был дать ему небольшой отряд и два эскадрона кавалерии в качестве охраны. Увы, никакого паланкина! Слишком медленно для нетерпеливого Антония, который дал ему всего месяц на весь путь в тысячу миль от Тарса до Александрии. А это означало, что Деллий должен был торопиться. В конце

концов, он не знал, сколько времени уйдет на то, чтобы убедить царицу подчиниться требованию Антония и появиться перед его трибуналом в Тарсе.

Подперев рукой подбородок, Клеопатра смотрела на Цезариона, склонившегося над восковыми табличками. Справа от него стоял преподаватель Сосиген. Правда, ее сын не нуждался в нем. Цезарион редко бывал не прав и никогда не делал ошибок. Свинцовым грузом горе сдавило ей грудь, она с трудом сглотнула. Смотреть на Цезариона было все равно что смотреть на Цезаря, на которого был так похож ее сын. Высокий, красивый, золотоволосый; нос длинный, с горбинкой, губы полные, насмешливые, с чуть заметными складочками в уголках. «О Цезарь, Цезарь! Как я жила без тебя? И они сожгли тебя, эти дикари римляне! Когда придет мое время, рядом со мной в могиле не будет Цезаря, чтобы вместе воскреснуть и войти в царство мертвых. Они положили твой прах в горшок и построили круглое мраморное уродство, в которое поместили этот горшок. Твой друг Гай Матий выбрал эпитафию „ПРИШЕЛ. УВИДЕЛ. ПОБЕДИЛ“, высе-

ченную в золоте на полированном черном камне. Но я никогда не видела твою могилу, да и не хочу. Со мной осталось только огромное горе, не покидающее меня. Даже если мне удастся уснуть, горе приходит ко мне во сне. Даже когда я смотрю на нашего сына, горе тут как тут, смеется над моими стремлениями. Почему я никогда не думаю о счастливых временах? Может быть, мыслями о потере я заполняю пустоту сегодняшнего дня? С тех пор как эти самоуверенные римляне убили тебя, мой мир – это прах, который никогда не смешается с твоим. Думай об этом, Клеопатра, и плачь».

Бед было много. Первая и худшая – Нил не разливался. Три года подряд дающая жизнь вода не орошала поля, чтобы напитать землю и дать прорасти семенам. Люди голодали. Затем пришла чума, медленно поднялась вверх по Нилу от порогов до Мемфиса и начала Дельты, затем до рукавов и каналов Дельты и, наконец, до Александрии.

«И всегда, – думала Клеопатра, – я принимала неправильные решения, царица Мидас на золотом троне, которая не понимала, пока не стало поздно, что люди не могут питаться золотом. Ни за какие золотые горы я не сумела убедить сирийцев и арабов пойти в низовья Нила и забрать кувшины с зерном, ждущие на каждой пристани. Зерно оставалось там, пока не сгнило, а потом не хватило людей, чтобы оросить поля вручную, чтобы получить урожай. Я думала о трех миллионах жителей Александрии и решила, что только один миллион из них может прокормиться, поэтому издала приказ,

лишающий евреев и метиков гражданства. Этот приказ запрещал им покупать зерно в зернохранилищах, только граждане имели такое право. О эти бунты! И все напрасно. Чума пришла в Александрию и убила два миллиона, невзирая на гражданство. Греки и македонцы, люди, ради которых я отказала евреям и метикам, умерли. После чумы осталось много зерна – хватит и евреям, и метикам, и грекам, и македонцам. Я вернула им гражданство, но теперь они меня ненавидят. Я все решаю неправильно. Без Цезаря, который руководил мной, я оказалась плохой правительницей.

Меньше чем через два месяца моему сыну исполнится шесть лет, а я не беременна. У него нет сестры, на которой он мог бы жениться, и нет брата, который занял бы его место, если с ним что-то случится. Столько ночей любви с Цезарем в Риме, а я не забеременела. Исида прокляла меня».

В комнату торопливо вошел Аполлотор, звеня золотой цепью государственного чиновника.

– Моя госпожа, срочное письмо от Пифодора из Тралл.

Клеопатра подняла голову, нахмурилась:

– От Пифодора? Чего он хочет?

– Не золота, во всяком случае, – с усмешкой сказал Цезарион, подняв голову от табличек. – Он самый богатый в провинции Азия.

– Займись арифметикой, мальчик! – велел ему Сосиген.

Клеопатра встала с кресла и прошла к открытой части стены, где было светлее. Внимательно проверила зеленую вос-

ковую печать – миниатюрный храм в середине и по краям слова ПИФО и ТРАЛЛЫ. Да, кажется, никто не вскрывал. Она сломала печать и развернула свиток, написанный собственноручно, чтобы писарь не узнал его содержания. Слишком небрежно.

Фараон и царица, дочь Амона-Ра!

Пишет тебе человек, который всегда любил бога Юлия Цезаря и с уважением относился к его преданности тебе. Хотя я знаю, что у тебя есть информаторы, которые сообщают тебе обо всем, что происходит в Риме и в Римской империи, я сомневаюсь, что кто-то из них стоит так высоко, чтобы быть доверенным лицом Марка Антония. Конечно, тебе известно, что в ноябре Антоний приехал из Филипп в Никомерию и что многие цари, царевичи и этнархи встретили его там. Фактически он ничего не сделал, чтобы изменить положение дел на Востоке, но приказал немедленно заплатить ему двадцать тысяч талантов серебра. Размеры этой дани потрясли всех нас.

Посетив Галатию и Каппадокию, он прибыл в Тарс. Я сопровождал его с двумя тысячами талантов серебра, которые нам, этнархам провинции Азия, удалось наскрести. Он спросил, где остальные восемнадцать тысяч. Я думаю, мне удалось убедить его, что такой суммы не собрать, но его ответ мы заранее знали: уплатить ему дань за девять лет вперед, и тогда он нас простит. Словно мы уже отложи-

ли на черный день десятилетнюю дань! Но они не слушают, эти римские наместники.

Я умоляю простить меня, великая царица, за то, что нагружаю тебя нашими проблемами, но не поэтому я тайно пишу тебе сам. Хочу предупредить, что через несколько дней к тебе пожелует некий Квинт Деллий, честолобивый, хитрый человек, втерившийся в доверие к Марку Антонию. Все его советы нацелены на то, чтобы наполнить военную казну Антония, ибо Антоний жаждет сделать то, чего не успел Цезарь, – победить парфян. Киликия Педия прочесана из конца в конец, разбойников выбили из их крепостей, а арабов-налетчиков прогнали обратно за Аманские горы. Мероприятие выгодное, но недостаточно, поэтому Деллий посоветовал вызвать тебя в Тарс и потребовать от тебя штраф в десять тысяч талантов золота за поддержку Кассия.

Я ничем не могу помочь тебе, дорогая царица, разве только предупредить, что Деллий сейчас на пути к тебе. Может, получив предупреждение, ты успеешь придумать, как сорвать планы Деллия и его хозяина.

Клеопатра вернула свиток Аполлодору и застыла, закусив губу и закрыв глаза. Квинт Деллий? Имя незнакомое, следовательно, он не из тех, кто пользуется большим влиянием в Риме и посещал ее приемы, даже самые многолюдные. Клеопатра никогда не забывала ни имен, ни лиц. Наверное,

кто-то из Веттиев, какой-нибудь незнатный всадник, ластивый и смазливый, именно такой тип может понравиться грубияну вроде Марка Антония. О, этого она помнила! Большой и дородный, мускулы как у Геркулеса, плечи широкие, как горы, лицо некрасивое, крючковатый нос почти касается вздернутого подбородка, нависая над небольшим толстогубым ртом. Женщины при виде его падали в обморок, потому что, по слухам, у него огромный пенис – что за причина терять сознание! Мужчины любили его за грубовато-добродушную манеру, за уверенность в себе. Но Цезарь, чьим близким родственником он был, постепенно разочаровался в нем – вот, наверное, главная причина, почему Антоний редко посещал ее. Когда его оставили править Италией, он на Римском форуме зарубил восемьсот граждан – такого преступления Цезарь не мог ему простить. Затем он попытался подлизаться к солдатам Цезаря и закончил тем, что спровоцировал мятеж. И этим навсегда отвратил Цезаря от себя.

Судя по сообщениям ее агентов, многие думали, что Антоний принимал участие в заговоре против Цезаря, но сама Клеопатра не была в этом убеждена. В нескольких письмах, которые Антоний прислал ей, он объяснял, что у него не было выбора, ему оставалось лишь закрыть глаза на преступление, отказаться от мести и простить убийц. В этих письмах Антоний уверял ее, что, как только Рим успокоится, он представит Цезариона сенату как одного из главных наследников Цезаря. Для женщины, убитой горем, его слова были

бальзамом. Она хотела верить им! О нет, он не говорил, что Цезарион должен быть признан римским наследником Цезаря! Обещал лишь, что право Цезариона на трон Египта будет подтверждено сенатом. Если этого не произойдет, у ее сына возникнут те же проблемы, что преследовали ее отца, под которым трон постоянно шатался, поскольку Рим то и дело предъявлял свои права на Египет. Да и у нее не было уверенности в этом вопросе, пока в ее жизни не появился Цезарь. Теперь Цезарь ушел, а его племянник Гай Октавий забрал огромную власть, хоть был всего-навсего восемнадцатилетним юнцом. Спокойно, хитро, быстро. Сначала она думала о молодом Октавиане как о возможном отце ее будущих детей, но он отверг ее в коротком письме, которое она до сих пор помнила наизусть.

Марк Антоний, с его рыжими глазами и курчавыми рыжими волосами, не более похож на Цезаря, чем Геркулес на Аполлона. Теперь он положил глаз на Египет, но не для того, чтобы обхаживать фараона. Он всего лишь хотел наполнить свою военную казну египетским золотом. Что ж, этого никогда не будет. Никогда!

– Цезарион, тебе пора на свежий воздух, – вдруг сказала она. – Сосиген, ты мне нужен. Аполлодор, найди Каэма и приведи его ко мне. Время совета.

Когда Клеопатра говорила таким тоном, никто не прекословил, и меньше всего ее сын, который сразу же вышел, свистнув щенка-крысолова по кличке Фидон.

– Прочти это, – велела Клеопатра, сунув свиток Каэму, когда совет собрался. – Все прочтите.

– Если Антоний приведет свои легионы, он сможет разграбить Александрию и Мемфис, – сказал Сосиген, передавая свиток Аполлодору. – После чумы ни у кого не хватит духу противостоять ему. К тому же у нас недостаточно людей, чтобы оказать сопротивление. Многие золотые статуи будут расплавлены.

Каэм был верховным жрецом Птаха, бога-создателя. Он принимал участие в жизни Клеопатры с тех пор, как ей исполнилось десять лет. На нем было белоснежное льняное одеяние, покрывавшее его смуглое крепкое тело от сосков до середины лодыжек. Его грудь украшали цепи, кресты, медалионы и нагрудная пластина, свидетельствующая о его высоком положении.

– Антоний ничего не расплавит, – твердо вымолвил он. – Ты, Клеопатра, поедешь в Тарс и встретишься с ним там.

– Как рабыня? Как мышь? Как побитая собака?

– Нет, как могущественная правительница. Как фараон Хатшепсут, столь великая, что ее преемник уничтожил ее картуши. Вооруженная всеми уловками и хитростью твоих предков. Поскольку Птолемей Сотер был незаконнорожденным сводным братом Александра Великого, в твоих венах течет кровь многих богов. Не только Исиды, Хатхор и Мут, но и Амона-Ра с обеих сторон – по линии фараонов и по линии Александра Великого, который был сыном Амона-Ра и

тоже богом.

– Я понимаю, куда клонит Каэм, – задумчиво произнес Сосиген. – Этот Марк Антоний не Цезарь, поэтому его можно одурачить. Ты внушишь ему благоговейный страх, и он простит тебя. В конце концов, ты не помогала Кассию, а он не сумеет доказать обратное. Когда этот Квинт Деллий прибудет, он попытается запугать тебя. Но ты – фараон, ни один любимчик не сможет тебя запугать.

– Жаль, что флот, который ты послала Антонию и Октавиану, вынужден был вернуться, – заметил Аполлодор.

– О, что сделано, то сделано! – нетерпеливо воскликнула Клеопатра. Она снова села в кресло, вдруг погрузившись. – Никто не может запугать фараона, но... Каэм, попроси Таху посмотреть по лепесткам лотоса в ее чаше. Антония можно использовать.

Сосиген вздрогнул:

– Царица!

– погоди, Сосиген. Египет важнее любого живого существа! Я была плохой правительницей, вновь и вновь лишенной Осириса! Какое мне дело, что за человек Марк Антоний? Никакого! В жилах Антония течет кровь Юлиев. Если чаша Исиды скажет, что в нем достаточно крови Юлиев, тогда, возможно, я сумею взять у него больше, чем он у меня.

– Я сделаю это, – сказал Каэм, вставая.

– Аполлодор, выдержит ли речная баржа Филопатора путешествие по морю в это время года?

Ее приближенный нахмурился:

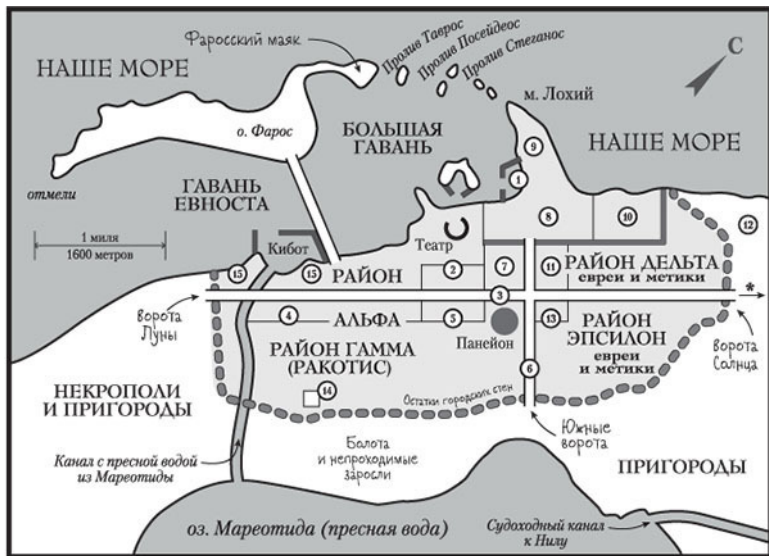
– Я не уверен, царица.

– Все равно выведи ее из дока в море.

– Дочь Исиды, у тебя есть много кораблей!

– Но Филопатор построил только два корабля, и морской корабль сгнил сто лет назад. Если я хочу внушить страх Антонию, я должна прибыть в Тарс с такой помпой, таким великолепием, какого не видел ни один римлянин, даже Цезарь.

Квинту Деллию Александрия показалась самым дивным городом в мире. Семь лет назад Цезарь почти разрушил ее, а Клеопатра вернула городу былую славу, сделав его еще краше. Все особняки вдоль Царской улицы были восстановлены; холм бога Пана – Панейон – возвышался над плоским городом, утопающим в зелени; храм бога Сераписа – Серапейон – восстановлен в коринфском стиле. И там, где однажды по Канопской улице со скрипом и громоханием катались осадные башни, теперь стояли ошеломляющие храмы и общественные здания, опровергая своим видом факт нашего отсутствия чумы и голода. Вот почему, глядя с высоты Панейона на Александрию, Деллий подумал, что единственный раз в жизни Цезарь преувеличил степень разрушений, которые он нанес городу.

1. Царская гавань
2. Агора и общественные здания
3. Канопская улица
4. Склады и конторы
5. Гимнасий
6. Царская улица
7. Мусейон. Библиотека
8. Царский квартал (дворцы, зверинец и сады)
9. Главный царский дворец

10. Сема. Гробницы Птолемеев
11. Общественные здания
12. Пригороды Канопы
13. Суды
14. Территория Серапейона
15. Военный флот

* К ипподрому

АЛЕКСАНДРИЯ

ПОСЛЕ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ ВОЙНЫ

Он еще не видел царицу – важный человек по имени Аполлотор надменно сообщил ему, что она отбыла с визитом в Дельту проверить мастерские по производству бумаги. Поэтому Деллию показали его роскошные апартаменты и предоставили его самому себе. Деллий решил не просто прогуляться по городу, он взял с собой писаря, который делал записи широким стилем на восковых табличках.

В Семе Деллий весело рассмеялся.

– Записывай, Ласфен! «Могила Александра Великого плюс тридцать с лишним Птолемеев в огороженном месте, выложенном отборным мрамором с голубыми и темно-зелеными разводами. Двадцать восемь золотых статуй в рост человека. Аполлон работы Праксителя, расписанный мрамор. Четыре статуи из расписанного мрамора неизвестного мастера, в рост человека. Картина работы Зевксиса, изображающая Александра Великого в Иссе после победы над Дарием. Портрет Птолемея Сотера работы Никия...» Хватит писать. Остальные не так красивы.

В Серапейоне Деллий просто заржал от удовольствия.

– Запиши, Ласфен! «Статуя Сераписа ростом приблизительно тридцать футов, работы Бриаксиса, расписана Никием. Группа из девяти муз из слоновой кости работы Фидия. Сорок две золотые статуи в рост человека...» – Он остановился, царапнул золотую Афродиту, поморщился. – «Некоторые, если не все, покрыты очень тонким слоем золота, увы,

не цельные... Возница и кони в бронзе работы Мирона...» Больше не пиши! Нет, просто добавь «и т. д., и т. д.». Слишком много посредственных работ, недостойных каталога.

На агоре Деллий остановился перед огромной скульптурной группой из четырех вздыбленных коней, запряженных в гоночную колесницу. Возницей была женщина, и какая женщина!

– Пиши, Ласфен! «Квадрига в бронзе с возницей-женщиной по имени Билистиха». Хватит! Здесь больше ничего нет, кроме современных вещей, отличных, конечно, но не представляющих ценности для коллекционеров. Пойдем дальше, Ласфен!

Прогулка продолжалась в том же духе. Его писарь оставлял за собой свитки, как моль оставляет помет. «Великолепно, великолепно! Египет запредельно богат, судя по тому, что я увидел в Александрии. Но как убедить Марка Антония, что мы получим больше денег, если не расплавим эти предметы, а продадим их как произведения искусства? Возьмем, к примеру, могилу Александра Великого, – размышлял Деллий. – Цельный блок горного хрусталя, прозрачного, словно вода, – как красиво он смотрелся бы в храме Дианы в Риме! Каким, оказывается, маленьким был Александр! Руки и ноги не больше, чем у ребенка, а на голове вместо волос какая-то желтая шерсть. Наверняка восковая фигура, не настоящая. А ведь можно было бы предположить, что, поскольку он бог, они сделают изображение ростом по меньшей мере

с Антония! В Семе наберется достаточно материала, чтобы покрыть пол в доме какого-нибудь римского богача, – это сто талантов или даже больше. А произведения Фидия из слоновой кости легко можно продать за тысячу талантов».

Царский квартал был настоящим лабиринтом дворцов, так что Деллий отказался от попытки отличить один от другого, а сады казались бесконечными. Множество небольших красивых бухточек изрезали берег гавани, а вдалеке виднелась вымощенная белым мрамором дамба Гептастаций, соединяющая остров Фарос с материком. А этот маяк! Самое высокое сооружение в мире, выше Колосса на Родосе. «Я считал Рим красивым, – бормотал про себя Деллий, – потом я увидел Пергам и подумал, что он еще красивее, но теперь, когда я увидел Александрию, я поражен, просто поражен. Антоний был здесь около двадцати лет назад, но я никогда не слышал, чтобы он говорил о городе. Думаю, он был слишком пьян, чтобы запомнить хоть что-то».

Позволение увидеть царицу Клеопатру было получено на следующий день, и очень кстати. Деллий уже закончил инвентаризацию ценностей города, а Ласфен переписал все с табличек на хорошую бумагу в двух экземплярах.

Первое ощущение Деллия – благовонный воздух, густой от пьянящих ароматов, совершенно ему незнакомых. Затем обоняние отошло на второй план, уступив зрению, и он открыл рот, увидев стены из золота, пол из золота, статуи из зо-

лота, кресла и столы из золота. Присмотревшись, он решил, что это лишь золотое покрытие, тонкое, как ткань. Однако комната сверкала подобно солнцу. Две стены были покрыты изображениями необычных, двумерных людей и растений, окрашенных в сочные оттенки всех цветов. Кроме тирского пурпура.

– Все приветствуйте двух фараонов, правителей Верхнего и Нижнего Египта, сопричастных Осоке и Пчеле, детей Амона-Ра, Исиды и Птаха! – прогремел Аполлодор, стукнув золотым посохом об пол.

Глухой звук заставил Деллия изменить мнение о «тонкой ткани». Пол звучал как цельный.

Они сидели на двух изящных тронах: женщина на золотом возвышении, а мальчик на одну ступень ниже. На каждом странные одежды из тончайшего белого льна, на голове огромный убор из красной эмали вокруг круглого конуса белой эмали. На шеях широкие воротники, усеянные великолепными драгоценностями, оправленными в золото, на руках браслеты, талии опоясаны широкими поясами из драгоценных камней, на ногах золотые сандалии. Их лица были густо накрашены, у нее – белой краской, у него – охристой. Глаза обведены черными линиями, веки накрашены так, что глаз почти не видно. Все это придавало глазам зловещую форму. Это были нечеловеческие глаза.

– Квинт Деллий, – сказала царица (Деллий понятия не имел, что значит слово «фараон»), – мы приветствуем тебя

в Египте.

– Я прибыл как официальный посол полководца Марка Антония, – произнес Деллий так же официально, – чтобы приветствовать двойной трон Египта.

– Как выразительно сказано, – заметила царица, жутко поведя глазами.

– Это все? – спросил мальчик, и его глаза сверкнули.

– Э-э, к сожалению, нет, царь. Триумвир Марк Антоний требует вашего присутствия в Тарсе, чтобы ответить на обвинение.

– Обвинение? – удивился мальчик.

– В том, что Египет помогал Гаю Кассию, тем самым нарушив обязательства друга и союзника римского народа.

– И это обвинение? – спросила Клеопатра.

– Очень серьезное, царица.

– Тогда мы поедem в Тарс и лично ответим. Ты можешь идти, Квинт Деллий. Когда мы будем готовы к отъезду, тебе сообщат.

И это все! К обеду не пригласили, не устроили приема, чтобы представить его ко двору – ведь должен же быть двор! Ни один восточный монарх не мог править без нескольких сотен подхалимов, твердящих ему, какой он замечательный. Но Аполлодор решительно выпроводил Деллия из зала, очевидно чтобы вновь предоставить его самому себе!

– Фараон поплывет в Тарс, – сказал Аполлодор, – поэтому у тебя две возможности, Квинт Деллий. Ты можешь отослать

твоих людей домой по суше и поехать с ними – или отослать твоих людей домой по суше и отправиться морем на одном из царских кораблей.

«Ага! – подумал Деллий. – Кто-то предупредил их о моем приезде. В Тарсе есть шпион. Эта аудиенция была фарсом, имеющим целью поставить на место меня и Антония».

– Я отправлюсь морем, – надменно ответил Деллий.

– Мудрое решение.

Аполлдор поклонился и ушел, а Деллий в ярости поспешил на улицу, чтобы остыть. Как они посмели? Аудиенция не дала ему возможности оценить женские прелести царицы или даже решить для себя, действительно ли мальчик – сын Цезаря. Он увидел только пару раскрашенных кукол, более странных, чем та деревянная игрушка, которую его дочь таскала по дому, словно живое существо.

Солнце ярко светило, было жарко. Деллий подумал, что неплохо бы освежиться в этой прелестной бухте возле дворца. Он не умел плавать – странно для римлянина, – но пройтись босиком, где воды по колено, не боялся. Он спустился по нескольким ступеням из известняка и сел на валун, чтобы расстегнуть темно-бордовые сенаторские калыцеи.

– Хочешь поплавать? Я тоже, – слышался веселый голос ребенка, довольно низкий. – Самый лучший способ освободиться от всей этой мазни.

Деллий испуганно обернулся и увидел мальчика-царя, голого, в одной набедренной повязке, но все еще с разрисован-

НЫМ ЛИЦОМ.

– Ты плыви, а я похожу по воде, – сказал Деллий.

Цезарион вошел в воду по пояс, окунулся и поплыл, бесстрашно удаляясь от берега. Он нырнул и вынырнул. На лице еще оставалась странная смесь черной краски с охрой. Он опять нырнул и вынырнул. И так несколько раз.

– Краска растворяется в воде, даже соленой, – объяснил мальчик, обеими руками смывая краску с лица.

И вот перед Деллием предстал Цезарь. Никто не мог бы оспорить сходство мальчика с отцом. Не поэтому ли Антоний хочет представить его сенату и просить подтвердить его статус царя Египта? Пусть только все в сенате, кто знал Цезаря, увидят этого ребенка, и он соберет клиентуру быстрее, чем корпус корабля обрастет ракушками. Марк Антоний хочет сместить Октавиана, который может подражать Цезарю только в башмаках на толстой подошве и копируя его жесты. Цезарион – вот оригинал, а Октавиан – пародия. О, умница Марк Антоний! Свали Октавиана, показав Риму Цезаря. Солдаты-ветераны растают, как лед на солнце, а они – грозная сила.

Клеопатра, снявшая царский макияж более обычным способом – теплой водой, рассмеялась.

– Аполлодор, это замечательно! – воскликнула она, передавая прочитанные бумаги Сосигену. – Где ты их достал? – спросила она, пока Сосиген, хихикая, перебирал их.

– Его писарь больше любит деньги, чем статуи, дочь Амона-Ра. Писарь сделал лишнюю копию и продал ее мне.

– Интересно, Деллий действовал по инструкции? Или это просто способ показать своему хозяину, что он не даром ест его хлеб?

– Последнее, царица, – ответил Сосиген, вытирая выступившие от смеха слезы. – Это так глупо! «Статуя Сераписа, расписанная Никием»? Никий умер задолго до того, как Бриаксис залил бронзу в форму. И он пропустил Аполлона работы Праксителя в гимнасии – назвал его «скульптурой, не представляющей большой художественной ценности»! О Квинт Деллий, ты дурак!

– Не будем недооценивать человека только потому, что он не может отличить Фидия от неаполитанской гипсовой копии, – сказала Клеопатра. – Его список – свидетельство того, что Антоний отчаянно нуждается в деньгах. В деньгах, которые я не намерена давать ему.

Явился Каэм в сопровождении своей жены.

– Таха, наконец-то! Что говорит чаша об Антонии?

Гладкое красивое лицо осталось спокойным. Таха, жрица бога Птаха, была с раннего детства обучена скрывать эмоции.

– Лепестки лотоса образовали узор, какого я никогда не видела, дочь Ра. Я много раз бросала их в воду, но рисунок не менялся. Да, Исида одобряет Марка Антония как отца твоих детей, но это будет нелегко, и это случится не в Тарсе.

В Египте, только в Египте. У него мало семени, его нужно поить соками и кормить фруктами, усиливающими мужское семя.

– Если узор незнакомый, Таха, мать моя, как ты можешь быть уверена в том, что говорят лепестки?

– Я проверила по священным папирусам, фараон. Такие толкования последний раз были записаны три тысячи лет назад.

– Должна ли я отказаться от поездки в Тарс? – спросила Клеопатра Каэма.

– Нет, фараон. У меня были видения, и они говорят, что в Тарс ехать необходимо. Антоний – это, конечно, не бог с Запада, но в нем течет та же кровь. Этого для наших планов довольно, ведь мы не хотим вырастить соперника Цезариону! Все, что ему нужно, – это сестра, на которой он сможет жениться, и несколько братьев, которые будут преданно ему подчиняться.

Вошел Цезарион, оставляя после себя воду на полу.

– Мама, я только что говорил с Квинтом Деллием, – сообщил он, плюхаясь на ложе.

Кудахтая, как курица, Хармиона бросилась за полотенцами.

– Да? Сейчас? И где это произошло? – с улыбкой поинтересовалась Клеопатра.

Большие зеленые глаза, более яркие, чем у Цезаря, но не столь пронизательные, весело сощурились.

– Я пошел купаться, и он был там, шлепал по воде босиком. Можешь себе представить? Шлепал босиком! Он признался, что не умеет плавать, а значит, и не служил контуберналом. Кабинетный вояка.

– Разговор был интересный, сын мой?

– Я ввел его в заблуждение, если ты это имеешь в виду. Он заподозрил, что кто-то предупредил нас о его приезде, но, когда я уходил, он был убежден, что его приезд стал для нас сюрпризом. Подозрения возникли, когда он узнал, что мы плывем в Тарс. Я «проговорился», что в конце апреля мы обычно выводим все корабли из доков, чтобы проверить их и потренировать экипажи. «Какая удача! – сказал я. – Мы можем сразу ехать, нам не нужно тратить уйму времени на починку кораблей».

«А ему нет еще и шести лет, – подумал Сосиген. – Этого ребенка благословили все боги Египта».

– Мне не нравится слово «мы», – нахмурилась мать.

Радость на лице погасла.

– Мама! Ты не можешь! Я поеду с тобой, я непременно поеду с тобой!

– Кто-то должен править в мое отсутствие, Цезарион.

– Но не я! Я еще слишком юн!

– Ты достаточно взрослый, и хватит об этом. В Тарс ты не поедешь.

Этот приговор уязвил пятилетнего мальчика. Такую обиду может почувствовать только ребенок, когда ему не разре-

шают изведать что-то новое и очень желанное. Он разревелся, и мать подошла, чтобы успокоить его, но он сильно оттолкнул ее, так что она пошатнулась, и выбежал из комнаты.

– Он переживет это, – спокойно сказала Клеопатра, – ведь он сильный.

«Но не без потерь», – подумала Таха, которая увидела другого Цезариона, обиженного, лишенного отца, одинокого. Он – Цезарь, не Клеопатра, и она не понимает его. Он хотел в Тарс не для того, чтобы ходить перед всеми с важным видом как царь. Он хотел увидеть новые места, хоть ненадолго вырваться из тесного мирка, в котором живет.

Два дня спустя царский флот собрался в Большой гавани. Гигантская баржа «Филопатор» была пришвартована к пристани в небольшом рукаве, называемом Царской гаванью.

– О боги! – воскликнул Деллий, увидев ее. – Неужели в Египте все бóльших размеров, чем в остальном мире?

– Нам нравится так думать, – ответил Цезарион, который по причинам, известным только ему, повсюду следовал за Деллием.

– Это же баржа! Она утонет, если волны раскачают ее.

– Это корабль, а не баржа, – поправил Цезарион. – У корабля есть киль, а у баржи его нет, – продолжал он, подражая школьному учителю. – Киль «Филопатора» был вырублен из огромного цельного ливанского кедра – мы тогда владели Сирией. «Филопатор» правильно построен, с кильсо-

ном, бортовыми киями и плоскодонным корпусом. На нижней палубе есть несколько комнат. И посмотри: оба ряда весел в выносных уключинах. Высота мачты сто футов. Капитан Агафокл приказал держать на борту треугольный парус на случай сильного ветра. Видишь фигуру на носу? Это сам Филопатор. Он идет впереди.

– Ты много знаешь, – сказал Деллий, который ничего не понимал в кораблях, даже после этого урока.

– Наш флот доходит до Индии и острова Тапробана. Мама обещала мне, что, когда я стану старше, она возьмет меня в Аравийский залив посмотреть, как корабли спускают на воду. Как я хотел бы поплыть с ними!

Вдруг мальчик напрягся, готовый рвануться с места.

– Моя няня идет! Отвратительно иметь няню!

И он убежал, чтобы улизнуть от бедной женщины, не справлявшейся со своим подопечным.

Вскоре после этого пришел слуга за Квинтом Деллием. Пора подниматься на борт, но не на борт «Филопатора». Деллий не знал, радоваться этому или огорчаться: корабль царицы несомненно отстанет от остальных, несмотря на всю его роскошь.

Деллию было невдомек, что корабельные мастера Клеопатры усовершенствовали корабль, успешно прошедший испытания на море. «Филопатор» был триста пятьдесят футов в длину и сорок футов в ширину. Переместив оба ряда весел в выносные уключины, мастера увеличили пространство

нижней палубы. Но фараона нельзя поселить рядом с работниками, поэтому нижнюю палубу занял экипаж корабля в сто пятьдесят человек, большинство из которых испытывали ужас при одной мысли о море.

Старая гостиная на корме была переделана в покои фараона, там размещались просторная спальня, комнаты для Хармионы и Ирады и столовая на двадцать одно ложе. Аркада колонн с капителями в форме лотоса, оставшаяся на месте, переходила перед мачтой в возвышение под крышей из фаянсовой плитки, поддерживаемой четырьмя новыми колоннами. Далее располагалась гостиная, несколько уменьшенная по сравнению с былыми временами, чтобы Сосиген и Казем могли иметь собственные комнаты. И совсем близко к носу находилась хитро спрятанная открытая кухня. Во время плавания по реке еда большей частью готовилась на суше; огонь всегда опасен для деревянного корабля. Но во время морского путешествия не было возможности пристать к берегу для приготовления пищи.

Клеопатра взяла с собой Хармиону и Ираду, двух светловолосых македонок безупречного происхождения, ее компаньенок с самого раннего детства. Им предстояло выбрать тридцать молодых девушек для сопровождения фараона в Тарс, красивых лицом и с роскошными формами, но при этом не распутных. Плата была десять золотых драхм, целое состояние, но не деньги примирили их с неизвестным, а одежда, которую им выдали для того, чтобы они носили ее в

Тарсе: тончайшие золотые и серебряные ткани, сверкающая металлическими нитями парча, прозрачный лен всех цветов радуги, шерсть настолько тонкая, что облежала тело, словно ее намочили. В Пелузии, на рынке рабов, были куплены десять симпатичных мальчиков и пятнадцать очень высоких мужчин хорошего телосложения из варварских племен. На рынке мужчины были выставлены в юбках, вышитых на манер павлиньих хвостов, и Клеопатра решила, что павлин станет эмблемой «Филопатора». Золота на покупку павлиньих перьев было потрачено столько, что Антоний заплакал бы от зависти.

В первый день мая флот отплыл. «Филопатор» шел впереди под парусом, надменно демонстрируя остальным кораблям свою корму. Только пассаты могли бы помешать им плыть на север, но в это время года пассаты не дули. Свежий юго-восточный бриз наполнял паруса кораблей, облегчая работу гребцам. Ни один шторм не заставил их искать укрытия в ближайшей бухте, а лоцман на борту «Филопатора» безошибочно узнавал все мысы на побережье Сирии. У мыса Геркулеса, напротив узкой оконечности Кипра, он пришел к Клеопатре.

– Царица, у нас есть две возможности, – встав на колени, доложил он.

– Какие, Паламед?

– Можно продолжать следовать вдоль сирийского берега до Розосского мыса, затем пересечь верхнюю часть Исского

залива до устьев больших рек Киликии Педии. Но там обязательно встретятся наносные песчаные острова и мели, и мы будем плыть медленно.

– А другая возможность?

– Выйти в открытое море прямо здесь и поплыть на северо-запад – может быть, с этим ветром, – пока мы не достигнем Киликии около устья реки Кидн.

– Сколько мы выиграем, если поплывем морем, Паламед?

– Трудно сказать, царица, но примерно десять дней. Реки Киликии Педии разольются – это дополнительное препятствие, если мы будем держаться берега. Но ты должна понять, что второй вариант опасен. Шторм или перемена ветра могут отнести нас куда-нибудь далеко, от Ливии до Греции.

– Мы рискнем и поплывем морем.

И речные боги Египта, неожиданно для римского Нептуна появившиеся на широких просторах его царства, оказались достаточно могущественными, так что флот благополучно доплыл до устья реки Кидн. А возможно, Нептун, римский бог, заключил союз со своими египетскими братьями. Каковы бы ни были причины, на десятый день мая флот собрался у отмели реки Кидн. Разбухший поток не давал подойти к берегу. Гребцам пришлось налечь на весла, чтобы отработать свои деньги. Проход был четко обозначен крашеными сваями. Между ними неумоимо трудились баржи, освобождая фарватер от песка и грязи. У всех кораблей была низкая посадка, особенно у грузного «Филопатора», построенного

для плавания по рекам. Клеопатра приказала флоту плыть впереди нее, чтобы Деллий успел сообщить Антонию о ее прибытии.

Антоний был не в духе, не находил себе места, но по-прежнему оставался трезвым.

– Ну? – нетерпеливо спросил он, глядя на Деллия и показывая на стол, заваленный свитками и бумагами. – Взгляни-ка сюда! И все это или счета, или плохие новости! Тебе удалось? Клеопатра приедет?

– Клеопатра уже здесь, Антоний. Я плыл с ее флотом, сейчас вставшим на якорь в низовьях реки. Двадцать трирем, все военные – боюсь, никакой возможности сторговаться.

Скрипнуло кресло. Антоний встал и прошел к окну. Его движения показали Деллию, какими грациозными могут быть крупные люди.

– Где она? Надеюсь, ты велел начальнику порта пришвартовать ее на лучшее место?

– Да, но на это понадобится некоторое время. Ее корабль по длине равен трем старинным греческим военным галерам, поэтому она не может встать между двумя уже пришвартованными торговыми кораблями. Начальнику порта придется передвинуть семь кораблей – он не в восторге, но он это сделает. Я говорил от твоего имени.

– Корабль для титана, вот как? Когда я смогу взглянуть на него? – мрачно спросил Антоний.

– Завтра утром, через час после рассвета. – Деллий вздохнул. – Она приехала без возражений и с большой помпой. Я думаю, она хочет произвести на тебя впечатление.

– Тогда я постараюсь, чтобы ей это не удалось. Самонадеянная свиноматка!

Вот почему, едва солнце поднялось над деревьями восточнее Тарса, Антоний без сопровождения прогулялся верхом к дальней отмели реки Кидн, закутавшись в темно-коричневый плащ. Увидеть врага первым – значит получить преимущество; этому его научила армейская служба у Цезаря. «О, какой приятный воздух! Что я делаю в этом разграбленном городе, когда меня ждут походы и битвы? – спросил он себя, зная ответ. – Я все еще здесь, чтобы увидеть, собирается ли царица Египта ответить на мои обвинения. А другая самонадеянная свиноматка, Глафира, начинает изводить меня, используя приемы, которыми восточные женщины владеют в совершенстве: ласки и слезы, приправленные вздохами и нытьем. Не то что Фульвия! Когда она изводит тебя, это грохот, рычание, рев! Она может и оплеуху получить, если ты не против почувствовать, как в ответ пять ногтей, словно грабли, царапают тебе грудь».

А, вот здесь удобное место! Он отъехал в сторону, спешился и направился к плоскому камню высотой в несколько футов над отмелью. Сидя на нем, он хорошо разглядит корабль Клеопатры, плывущий вверх по Кидну к месту швар-

товки. Антоний находился не далее пятидесяти шагов от речного канала, так близко, что мог видеть маленькую яркую птичку, свившую гнездо под карнизом пакгауза у причала.

«Филопатор» медленно плыл по реке со скоростью бегущего человека, и задолго до того, как он поравнялся с Антоном, у того челюсть отвисла от удивления. На носу корабля он увидел огромную фигуру, окруженную таинственным золотым сиянием. Фигура изображала темнокожего мужчину в белой юбке, ожерелье и поясе из золота и драгоценных камней и в огромном красно-белом головном уборе. Его босые ноги скользили по волнам, расходящимся по обе стороны от корабля, правая рука с золотым копьем вздымалась вверх. Носовые корабельные фигуры не были редкостью, но не такие громадные и не так сросшиеся с кораблем. Этот мужчина – какой-нибудь древний царь? – был с кораблем одним целым и нес его за собой, как надутый ветром плащ.

Все казалось золотым. Корабль был покрыт золотом от ватерлинии до верха мачты, а что не было золотым, то имитировало узор павлиньих перьев – синий и зеленый – и мерцало нанесенным на все золотым порошком. Крыши палубных построек были покрыты фаянсовыми плитками синего и зеленого цвета, вдоль всей палубы тянулась аркада колонн с капителями в форме лотоса. Даже весла были золотые! И повсюду сверкали драгоценные камни! Один этот корабль стоил десять тысяч талантов золота!

Ветерок доносил аромат благовоний, звуки лиры и сви-

рели, пение невидимого хора. Красивые девушки в газовых одеждах бросали цветы из золотых корзин, множество красивых мальчиков раскачивались на белоснежных канатах. Наполненный ветром парус, помогающий гребцам справиться с течением, был белее белого, на нем были вышиты сплетенные головы гадюки и ястреба и еще странный глаз, из которого капала длинная черная слеза.

Павлиньи перья виднелись везде, но больше всего их было вокруг высокого золотого возвышения перед мачтой. На троне сидела женщина, одетая в платье из павлиньих перьев и с такой же красно-белой короной на голове, как и у фигуры на носу корабля. На широком золотом ожерелье, покрывавшем плечи, сверкали драгоценности, такой же широкий пояс стягивал ее талию. К груди царица прижимала перекрещенные посох и плеть из золота, инкрустированного ляпис-лазурью. Лицо ее, раскрашенное так, что невозможно было узнать, как она выглядит на самом деле, было совершенно спокойно.

Корабль проплыл мимо достаточно близко, чтобы можно было увидеть, какой он широкий и красивый. Палуба оказалась вымощена зелеными и синими фаянсовыми плитками под цвет крыши. Корабль-павлин, царица-павлин. «Ну хорошо, – подумал Антоний, почему-то рассердившись, – она увидит, кто хозяин положения в Тарсе!»

Он галопом промчался по мосту в город, рывком остановил коня у входа во дворец наместника, вошел и крикнул

слуг.

— Тогу и ликторов, живо!

И когда царица послала своего управляющего, евнуха Филона, сообщить Марку Антонию о своем прибытии, Филону сказали, что Марк Антоний сейчас на агоре слушает дела о растратах и не может принять ее величество до завтрашнего утра.

Антоний действительно намеревался посвятить несколько дней этому занятию. На агоре официально было вывешено объявление, так что, заняв свое место на трибунале, он увидел то, что и ожидал: сотню истцов и ответчиков, по крайней мере столько же адвокатов, несколько сотен зрителей и несколько десятков продавцов напитков, легких закусок, зонтов и вееров. Даже в мае в Тарсе было жарко. По этой причине территория суда была защищена бордовым навесом, по краям которого через равные промежутки висели вымпелы с буквами SPQR. На каменном трибунале сидел сам Антоний на курульном кресле из слоновой кости, по обе стороны которого расположились двенадцать ликторов в малиновых туниках. Тут же, за столом, заваленным свитками, сидел Луцилий. Новым действующим лицом в этой драме был седовласый центурион, стоявший в углу трибунала. На нем была кольчуга из золотых пластин, золотые наголенники, на груди фалеры, армиллы и ожерелья, на голове золотой шлем с алым конским гребнем в форме веера. Но не грудь,

украшенная наградами за военные подвиги, собрала эту толпу зрителей. Причиной был длинный галльский меч, который центурион держал в руках, воткнув конец в землю. Он демонстрировал гражданам Тарса, что Марк Антоний обладает *imperium maius* и может казнить любого за любую провинность. Если ему придет в голову приказать кого-нибудь казнить, этот центурион тут же, на месте выполнит приказ. Антоний не собирался никого лишать жизни, но восточные люди привыкли, что их правители казнят регулярно, просто из прихоти, так зачем разочаровывать их?

Некоторые дела были интересными, некоторые даже забавными. Антоний разбирал их с деловитостью и беспристрастностью, каковыми, кажется, обладают все римляне, будь они из пролетариев или из аристократов. Все они разбираются в законах и действуют методично, все привержены порядку и дисциплине, хотя Антоний был наделен этими истинно римскими качествами меньше других. Несмотря на это, он выполнял свою задачу энергично и порой даже с рвением.

Внезапно люди в толпе зашевелились, и очередной истец чуть не потерял равновесие как раз в тот момент, когда хотел передать свое дело высокооплачиваемому адвокату, стоявшему рядом. Марк Антоний повернул голову, нахмурился.

Толпа расступилась в благоговейном страхе, образуя проход для небольшой процессии, возглавляемой темнокожим бритоголовым человеком в белом одеянии с золотыми цепя-

ми на шею стоимостью в целое состояние. За ним шел управляющий Филон, одетый в льняное платье голубого и зеленого цветов, с накрашенным лицом, сверкая драгоценными камнями. Но все это было ничто по сравнению с транспортным средством, следовавшим за ними. Это был просторный паланкин из золота, с крышей из фаянсовых плиток, с развевающимися на углах плюмажами из павлиньих перьев. Паланкин несли восемь огромных носильщиков, черных, как виноград, с таким же пурпурным оттенком кожи. На них были юбки из павлиньих перьев, ожерелья и браслеты из золота и сверкающие золотые головные уборы.

Царица Клеопатра дождалась, когда носильщики мягко опустят паланкин, без чьей-либо помощи грациозно ступила на землю и подошла к ступеням римского трибунала.

– Марк Антоний, ты позвал меня в Тарс. Я здесь, – произнесла она чистым, звонким голосом.

– Твоего имени нет в моем списке дел на сегодня! Тебе придется подать заявление секретарю, но уверяю, я прослежу, чтобы твое имя было первым в списке на завтра, – сказал Антоний с достоинством монарха и без всякого почтения.

Внутри у нее все кипело. Как смеет этот римский грубиян обращаться с ней как с остальными! Она пришла на агору, чтобы показать ему, какой он деревенщина, продемонстрировать свой статус жителям Тарса, которые с почтением отнесутся к ее высокому положению и не будут думать хорошо об Антонии, поскольку он метафорически плюнул в нее. Он

сейчас не на Римском форуме, и люди, собравшиеся здесь, не римские предприниматели (все они покинули эти места, больше не надеясь на поживу). Эти люди сродни ее александрийцам, они трепетно относятся к привилегиям монархов. Стали бы они возражать против того, чтобы их отодвинули в сторону ради царицы Египта? Напротив, они были бы счастливы продемонстрировать свое почтение! Они бегали на пристань полюбоваться «Филопатором» и пришли на агору, рассчитывая услышать, что рассмотрение их дел отложено. Антоний, несомненно, полагал, что они оценят его демократические принципы, но восточные люди мыслили иначе. Они были потрясены и взволнованы, они не одобрили его поступок. Униженно стоя у подножия трибунала, Клеопатра продемонстрировала жителям Тарса, насколько высокомерны римляне.

– Благодарю тебя, Марк Антоний, – сказала она. – Если ты свободен сегодня вечером, не хотел бы ты отобедать со мной на корабле? Скажем, с наступлением темноты? Приятнее принимать пищу после того, как спадет жара.

Он гневно взглянул на нее с высоты трибунала. Она поставила его в глупое положение. Антоний понял это по лицам людей, подобострастно склонившихся перед Клеопатрой, стоя на почтительном расстоянии от царской персоны. В Риме толпа окружила бы ее, но здесь? Здесь это было невозможно. Проклятье!

– Вечером я свободен, – отрывисто произнес он. – Мо-

жешь ожидать меня с наступлением сумерек.

– Я пришлю за тобой паланкин, полководец Антоний. Если пожелаешь, возьми с собой Квинта Деллия, Луция Попликолу, братьев Сакса, Марка Барбата и еще пятьдесят пять твоих друзей.

Клеопатра легко села в паланкин. Носильщики подняли его и развернули кругом, поскольку это был не просто паланкин, у него имелись подголовник и подножие, чтобы пассажир был хорошо виден.

– Продолжай, Меланф, – сказал Антоний истцу, которого прибытие царицы остановило на полуслове.

Трясущийся Меланф беспомощно повернулся к своему высокооплачиваемому адвокату и в замешательстве развел руками. Адвокат продемонстрировал поразительную компетентность, продолжив его речь так, словно никто его не прерывал.

Слугам Антония понадобилось некоторое время, чтобы найти тунику, достаточно чистую для обеда на корабле. В объемистой тоге есть неудобно, ее полагалось снимать. И обувь (его любимые походные башмаки) тоже не подходила: слишком долго расшнуровывать и зашнуровывать. О, если бы у него был на голове дубовый венок! Цезарь носил венок на всех публичных мероприятиях. Еще совсем молодым человеком получил он эту награду за храбрость в бою. Но у Антония, как и у Помпея Великого, никогда не было такого

венка, хотя храбрости ему было не занимать.

Паланкин ждал. Делая вид, что это очень забавно, Антоний сел в него и приказал компании своих дружков, смеющихся и отпускающих шуточки, идти пешком следом. Это транспортное средство всех восхитило, но не так, как носильщики – редкость потрясающая. Даже на самых оживленных рынках рабов чернокожих людей было не сыскать. В Италии они попадались так редко, что скульпторы буквально хватались за них, но то были женщины и дети, и почти все полукровки. Красота их кожи, привлекательность лиц и гордая осанка поражали. Как взбудоражили бы они Рим! «Хотя, – подумал Антоний, – несомненно, они были с ней, когда она жила в Риме. Просто я никогда их не видел».

Трап был сделан из золота, кроме перил из редчайшего тетраклиниса, а фаянсовая палуба усыпана лепестками роз, испускавшими слабый аромат, когда на них наступали. Все подставки, на которых стояли золотые вазы с павлиньими перьями или бесценные произведения искусства, были выполнены из слоновой кости, инкрустированной золотом. Красивые девушки, чьи формы просвечивали сквозь тончайшие ткани, провели гостей между колоннами к большой двустворчатой двери, украшенной мастерски выполненным барельефом. За дверью оказалась огромная комната с распахнутыми для вечернего бриза ставнями; на стенах из тетраклиниса красовались великолепные инкрустированные узоры, на полу толстым слоем лежали розовые лепестки.

«Она смеется надо мной, – подумал Антоний. – Смеется надо мной!»

Клеопатра ждала, одетая теперь в несколько слоев газа разных оттенков, от темного янтарного нижнего слоя до светло-желтого верхнего. Стиль не греческий, не римский и не азиатский, а ее собственный – в талию, с широкой юбкой и узким лифом, обтягивающим ее небольшую грудь. Тонкие руки были скрыты широкими рукавами до локтей, оставляющими место для браслетов на предплечьях. На шее – золотая цепь, с которой свисала темно-розовая жемчужина размером с клубничину, заключенная в сетку из тончайшей золотой проволоки. Антоний сразу же обратил на нее внимание. Открыв рот от изумления, он перевел взгляд на лицо Клеопатры.

– Я знаю эту побрякушку, – сказал он.

– Наверняка знаешь. Цезарь дал ее Сервилию много лет назад в качестве откупной, когда разорвал помолвку Брута со своей дочерью. Но Юлия умерла, потом Брут тоже умер, а Сервилия потеряла все свои деньги во время гражданской войны. Старый Фаберий из портика Маргаритария оценил жемчужину в шесть миллионов сестерциев, но, когда Сервилия пришла продавать ее, она запросила десять миллионов. Глупая женщина! Я заплатила бы двадцать миллионов, лишь бы заполучить ее! Но и десяти миллионов было недостаточно, чтобы покрыть все ее долги. Брут и Кассий проиграли войну, что лишило ее половины состояния, а Ватия и Лепид

выжали из нее все остальное, – закончила Клеопатра с явным удовольствием.

– Это правда, она сейчас на содержании у Аттика.

– А жена Цезаря, я слышала, покончила с собой.

– Кальпурния? Ее отец, Пизон, хотел выдать ее замуж за какого-то богача, готового заплатить состояние за привилегию лечь в постель с вдовой Цезаря, но она очень не хотела покидать Государственный дом. Вскрыла себе вены.

– Бедная женщина. Мне она всегда нравилась. Кстати, мне и Сервилия нравилась. Мне только не нравились жены «новых людей».

– Теренция Цицерона, Валерия Мессала Педия, Фабия Гирция. Я могу это понять, – с усмешкой заметил Антоний.

Пока они разговаривали, девушки подвели группу восхищенных друзей Антония к предназначенным для них ломам. Когда гости возлегли, Клеопатра взяла Антония за руку, провела его к ложу внизу буквы «U» и усадила на *locus consularis*.

– Ты не против, если мы будем только вдвоем, без третьего? – спросила она.

– Конечно не против.

Как только он возлег, внесли первую перемену блюд – такие деликатесы, что несколько известных гурманов из его компании в восторге заплодировали. Крошечные птички, приготовленные так, чтобы их можно было съесть целиком, с костями; яйца, фаршированные неопишутыми начинками; креветки жареные, копченые, тушеные и вареные с гигант-

скими каперсами и грибами; устрицы и гребешки, галопом доставленные с берега, и сотня других столь же восхитительных блюд, которые надо было есть руками. Затем внесли основную перемену: ягнята, целиком зажаренные на вертеле, каплуны, фазаны, мясо молодого крокодила (оно было великолепно, привело в восторг гурманов), тушения с неизвестными приправами и целиком зажаренные павлины на золотых блюдах, заново покрытые перьями и с распущенными хвостами.

– В Риме Гортензий первым подал на банкете жареного павлина, – со смехом вспомнил Антоний. – Цезарь сказал, что на вкус он похож на старый армейский сапог, только сапог мягче.

Клеопатра тихо засмеялась:

– Это похоже на Цезаря! Дай Цезарю кашу из сушеного гороха, нута или чечевицы с солониной, и с него довольно. Гурманом он не был.

– Однажды он макнул хлеб в прогорклое масло и даже не заметил.

– Но ты, Марк Антоний, ценишь хорошую еду.

– Да, иногда.

– Вино хиосское. Его пьют неразбавленным.

– Я хочу остаться трезвым, царица.

– И почему же?

– Потому что мужчине, имеющему с тобой дело, нужны мозги.

– Я считаю это комплиментом.

– С годами ты краше не стала, – заметил Антоний, явно не думая о том, как женщина может воспринять такие слова.

– Я очаровываю не внешностью, – спокойно ответила Клеопатра. – Цезаря привлекали мой голос, мой ум и мой статус царицы. Особенно ему нравились мои способности к языкам, он тоже обладал ими в полной мере. Он научил меня латыни, а я научила его демотическому и классическому египетскому.

– Твой латинский безупречный.

– Как и у Цезаря.

– Ты не привезла его сына.

– Цезарион – фараон. Я оставила его править в мое отсутствие.

– В пять лет?!

– Ему почти шесть, но он умен как шестидесятилетний старец. Замечательный мальчик. Я думаю, ты сдержишь обещание и представишь его сенату как наследника Цезаря в Египте. Он имеет неоспоримое право на трон, а значит, Октавиан должен понять, что Цезарион не представляет угрозы для Рима. Судьба Цезариона – Египет, необходимо, чтобы Октавиан понял это.

– Я согласен, но еще не пришло время везти Цезариона в Рим для заключения договоров с Египтом. В Италии неспокойно, и я не могу вмешиваться, какие бы действия ни предпринимал Октавиан, чтобы решить эти проблемы. Он полу-

чил Италию в результате нашего соглашения в Филиппах. Мне же были нужны только войска.

– Разве ты, римлянин, не несешь свою долю ответственности за то, что происходит в Италии, Антоний? – спросила Клеопатра. – Разумно ли заставлять Италию так страдать от голода и разногласий между предпринимателями, землевладельцами и солдатами-ветеранами? Разве не должны вы трое – ты, Октавиан и Лепид – оставаться в Италии и прежде всего решать ее проблемы? Октавиан – просто мальчик, он не обладает необходимыми мудростью и опытом. Почему вы не помогаете ему, а мешаете? – Она издала скрипучий смешок и стукнула по валику ложа. – Мне это, конечно, ничего не дает, но я подумала о той разрухе, которую Цезарь оставил после себя в Александрии, и о том, что я должна была заставить всех граждан действовать сообща, не допустить, чтобы один класс ополчился на другой. Мне это не удалось, поскольку я не понимала, как разрушительны гражданские войны. Цезарь дал мне совет, но я была недостаточно умна, чтобы воспользоваться им. Но если это случится вновь, я знаю, как действовать. И то, что я вижу в Италии, – это похоже на ту борьбу, которую веду я. Забудь свои разногласия с Октавианом и Лепидом, действуйте сообща!

– Я скорее умру, – сквозь зубы возразил Антоний, – чем окажу этому мальчишке-позеру хоть малейшую помощь!

– Народ намного важнее, чем один мальчишка-позер.

– Нет, я не согласен! Надеюсь, Италия будет голодать, и

я сделаю все, что могу, чтобы ускорить наступление кризиса. Вот почему я терплю Секста Помпея и его флотоводцев. Они не дают Октавиану накормить Италию, и чем меньше налогов платят предприниматели, тем меньше денег у Октавиана на покупку земли для расселения ветеранов. А даром ему земли никто не даст.

– Рим построил империю с помощью народа Италии от реки Пад на севере до Бруттия на кончике «сапога». Тебе не приходило в голову, что, рассчитывая набрать войско в Италии, ты фактически утверждаешь, что больше ни одна страна не способна поставлять таких отличных солдат? Но если страна голодает, они тоже будут голодать.

– Нет, они не будут голодать, – прервал ее Антоний. – Голод заставляет их вновь записываться в армию. Это спасение для них.

– Но не для женщин, вынашивающих мальчиков, которые вырастут в отличных солдат.

– Им платят, они посылают деньги домой. Голодают те, кто никому не нужен, – это греки-вольноотпущенники и старухи.

Устав от спора, Клеопатра откинулась и закрыла глаза. Эмоции, которые ведут к убийству, были ей хорошо знакомы. Ее отец задушил собственную старшую дочь, чтобы укрепить свой трон, и убил бы саму Клеопатру, если бы Казимир и Таха не спрятали ее в Мемфисе еще ребенком. Но идея заставить собственный народ страдать от голода и эпидемий

была ей непонятна. Жестокость этих враждующих, обуреваемых страстями людей не имела границ. Неудивительно, что Цезарь погиб от их рук. Их личная слава и престиж семьи были важнее, чем целые народы, и в этом они больше походили на Митридата Великого, чем согласились бы признать. Они прошли бы по костям тысяч мертвецов, если бы это означало, что погибнет враг семьи. Они до сих пор проводят политику маленького города-государства, словно не понимая, что небольшой город-государство превратился в самую мощную военную и торговую машину в истории. Завоевания Александра Великого были огромны, но после его смерти все исчезло, как дым. Римляне завоевали немного здесь, немного там, но то, что завоевали, они посвятили идее, которую называли Римом для вящей славы этой идеи. И все-таки они не поняли, что Италия значит больше, чем личная вражда. Цезарь все время говорил ей, что Италия и Рим – это одно целое. Но Марк Антоний с этим не согласен.

Как бы то ни было, она начала лучше понимать, что за человек Марк Антоний. Однако она слишком устала, пора заканчивать этот вечер. Будут еще обеды, и если ее повара свихнутся, придумывая новые блюда, то это их проблемы.

– Умоляю простить меня, Антоний. Мне пора спать. Оставайтесь, сколько хотите. Филон позаботится о вас.

И она ушла. Нахмурясь, Антоний спросил себя, уходить ему или остаться. И решил уйти. Завтра вечером он устроит банкет в ее честь. Странная малышка! Похожа на тех девиц,

которые морят себя голодом как раз в том возрасте, когда надо хорошо питаться. Но они анемичные, слабые существа, а Клеопатра очень сильная. Интересно, вдруг подумал он весело, как Октавиан ладит с дочерью Фульвии от Клодия? Вот тощая девица! Мяса на ней не больше, чем на мошке.

На следующий день вновь принесли приглашение от Клеопатры отобедать у нее вечером. Антоний собирался отправиться на агору вершить суд, зная, что царица больше не появится там. Его друзья отказались от завтрака, перев чудесных кушаний у Клеопатры, а он, быстро проглотив немного хлеба с медом, пришел на агору раньше, чем тяжущиеся стороны ожидали его увидеть. Часть его существа все еще метала громы и молнии по поводу того, что их разговор за обедом пошел не в том направлении. Они так и не коснулись вопроса, помогала ли она Кассию. Надо подождать день-два, но то, что она не напугана, – плохой знак.

Когда он вернулся во дворец наместника, чтобы принять ванну и побриться – подготовиться к вечернему приему на «Филопаторе», в спальне его ожидала Глафира.

– Вчера вечером меня не приглашали? – спросила она тонким голосом.

– Не приглашали.

– И в этот вечер не пригласили?

– Нет.

– А если написать царице письмо и объяснить, что во мне

течет царская кровь и я твоя гостья в Тарсе? Если я это сделаю, она, конечно, включит меня в число приглашенных.

– Ты можешь написать, Глафира, – сказал Антоний, вдруг повеселев, – но это будет бесполезно. Собери свои вещи. Я отсылаю тебя обратно в Команы завтра на рассвете.

Слезы полились, словно тихий дождь.

– О, перестань плакать, женщина! – воскликнул Антоний. – Ты получишь, что хочешь, но не сейчас. А если не перестанешь плакать, то ничего не получишь.

Только на третий вечер, во время третьего обеда на борту «Филопатора», Антоний упомянул о Кассии. Он не задавался вопросом, как ее поварам удастся придумывать новые блюда, но его друзья с восторгом поглощали все, и у них не было времени наблюдать, чем занята пара на *lectus medius*. Определенно не флиртуют, гостей больше волновали прекрасные девушки, хотя некоторые отдали бы предпочтение мальчикам.

– Завтра тебе лучше прийти на обед в наместнический дворец, – сказал Антоний, который все три раза ел с аппетитом, но не выставял себя обжорой. – Дай твоим поварам заслуженный отдых.

– Если ты этого хочешь, – равнодушно ответила Клеопатра.

Она едва прикасалась к еде, довольствуясь воробыиными порциями.

– Но прежде чем ты, царица, окажешь честь моему жилищу, посетив его, я думаю, мы должны прояснить вопрос о помощи, которую ты оказала Гаю Кассию.

– О помощи? О какой помощи?

– А разве четыре добротных римских легиона не помощь?

– Дорогой мой Марк Антоний, – растягивая слова, устало проговорила Клеопатра, – эти четыре легиона шли на север под началом Авла Аллиена, который, как мне сообщили, был легатом Публия Долабеллы, в то время законного наместника Сирии. Поскольку Александрии грозили чума и голод, я была даже рада передать Аллиену четыре легиона, оставленных Цезарем. Если Аллиен решил переметнуться, когда пришел в Сирию, меня винить в этом нельзя. Флот, который я послала тебе и Октавиану, попал в сильный шторм, серьезно пострадал и вынужден был вернуться. И нигде ты не найдешь записей о том, что флот был предоставлен Гаю Кассию или что я дала ему денег, зерна или войско. Я признаю, что правитель Кипра, Серапион, посылал помощь Бруту и Кассию, но я буду только рада, если Серапиона казнят. Он действовал на свой страх и риск, никаких приказов я ему не отдавала, а это делает его государственным изменником. Если не казнишь его ты, то это сделаю я по возвращении домой.

– Хм, – хмыкнул Антоний. Он знал, что все сказанное ею – правда, но не это его заботило. Ему необходимо было выставить ее лгуньей. – У меня есть свидетели из рабов, которые

подтвердят, что Серапион действовал по твоему приказу.

– Добровольно или под пыткой? – холодно спросила она.

– Добровольно.

– За малую толику золота ты хочешь получить больше, чем Мидас. Хватит, Антоний, будем откровенны! Я здесь, потому что твой сказочный Восток обанкротился из-за римской гражданской войны. И вдруг Египет стал похож на огромную гусыню, несущую огромные золотые яйца. Освободись от иллюзий! – резко сказала Клеопатра. – Золото Египта принадлежит Египту, имеющему статус друга и союзника римского народа и не предававшему его. Если ты хочешь золота, тебе придется взять его у меня силой, во главе армии. И даже тогда ты будешь разочарован. Тот небольшой список сокровищ Александрии, что составил Деллий, – лишь одно золотое яйцо в огромной груде. А эта груда так надежно спрятана, что ты никогда ее не найдешь. И не попытаешь ничего ни у меня, ни у моих жрецов, которые единственные знают, где эта груда лежит.

Это не речь человека, которого можно запугать!

Антоний старался уловить малейшую дрожь в голосе Клеопатры и заметить малейшее напряжение ее рук, тела, но так ничего не услышал и не увидел. Что еще хуже, из того немногого, что рассказывал Цезарь, Антоний знал: сокровища Птолемеев действительно так хитроумно спрятаны, что никто не сумеет найти их, если не знает, как это сделать. Конечно, предметы из списка Деллия дадут десять тысяч та-

лантов, но ему нужно намного больше. А только для того, чтобы перебросить армию в Александрию по суше или по морю, ему понадобится несколько тысяч талантов. «О, будь проклята эта женщина! Я не могу ни запугать ее, ни заставить сдаться. Поэтому я должен найти другой способ. Клеопатра – это не Глафира».

На следующий день ранним утром на «Филопатор» доставили записку, в которой говорилось, что банкет, устраиваемый сегодня Антонием, будет костюмированным. «Но я намекну тебе, – говорилось в записке, – что, если ты придешь в образе Афродиты, я буду приветствовать тебя как новый Дионис».

Итак, Клеопатра надела наряд гречанки из нескольких летящих слоев розового и пунцового газа. Ее тонкие, мышиного цвета волосы были уложены в греческом стиле – разделены на несколько прядей от лба к затылку и собраны в небольшой узел. Люди шутили, что такая прическа напоминает кожуру мускусной дыни, и это было недалеко от истины. Женщина, например Глафира, могла бы сказать ему (если бы когда-нибудь видела Клеопатру в одеянии фараона), что эта прическа позволяет носить красно-белую двойную корону Египта. Сегодня на царице была усыпанная блестками короткая вуаль с вплетенными цветами. Цветы были на шее, груди, талии. В руке она несла золотое яблоко. Наряд не особенно соблазнительный, но Марк Антоний отнесся к

этому спокойно, поскольку не был ценителем женских нарядов. Главной целью «костюмированного» обеда для Марка Антония было показать *себя* с самой выгодной стороны.

Как новый Дионис, он был обнажен до пояса и от середины бедра, а ниже талии задрапирован тонким куском пурпурного газа, под которым искусно выкроенная набедренная повязка подчеркивала размер знаменитых гениталий Антония. В сорок три года он все еще был в расцвете сил, его Геркулесова фигура не пострадала от излишеств, что было большой редкостью даже среди людей вдвое моложе его. Икры и бедра массивные, но лодыжки тонкие. Мышцы грудной клетки бугрились над плоским мускулистым животом. Только вот шея у него была толстая, как у быка, и на такой шее голова казалась маленькой. Девушки, которых царица привела с собой, смотрели на него, открыв рты и умирая от желания.

– Кажется, в твоем гардеробе мало одежды, – спокойно заметила Клеопатра.

– Дионису одежда не нужна. Вот, возьми виноград, – предложил он, протягивая гроздь, которую держал в руке.

– Вот, возьми яблоко, – ответила она, протягивая руку.

– Я – Дионис, а не Парис. «Парис, женолюбец, прельститель», – процитировал он. – Видишь? Я знаю Гомера.

– Я восхищена до глубины души.

Она устроилась на ложе. Он предоставил ей *locus consularis*, чего не одобрили приверженцы традиций из его окружения. Женщина есть женщина.

Несмотря на старания Антония, эффектный наряд не произвел на Клеопатру никакого впечатления. Физическая сторона любви явно ее не прельщала. По сути, большую часть вечера она провела, играя своим золотым яблоком: она положила его в стеклянный кубок с розовым вином и любовалась, как голубой цвет стекла придает золоту слабый оттенок пурпура, особенно когда она помешивала вино красивым пальцем.

Наконец, отчаявшись, Антоний решил рискнуть: ему должна помочь Венера!

– Я влюбляюсь в тебя, – сказал он, дотронувшись до ее руки.

– Глупости!

Клеопатра с раздражением отдернула руку, словно смахивая надоедливое насекомое.

– Это не глупости! – возмутился Антоний и сел прямо. – Ты околдовала меня, Клеопатра.

– Мое богатство околдовало тебя.

– Нет-нет! Мне все равно, даже если бы ты была нищей!

– Чепуха! Ты перешагнул бы через меня, словно я не существую.

– Я докажу, что люблю тебя! Испытай меня!

Она не замедлила с ответом:

– Моя сестра Арсиноя укрывается в храме Артемиды в Эфесе. В Александрии ее приговорили к смерти. Казни ее, Антоний. Когда она умрет, ты мне понравишься, не волнуй-

ся.

– У меня предложение получше, – сказал он, вдруг почувствовав, как пот выступил на лбу. – Позволь мне любить тебя здесь, сейчас!

Клеопатра резко откинула голову, отчего вуаль из цветов чуть съехала набок. Деллий, внимательно наблюдавший за ними со своего ложа, подумал, что она похожа на подвыпившую цветочницу, предлагающую всем купить ее цветы. Один желто-золотой глаз закрыт, другой задумчиво смотрит на Антония.

– Не в Тарсе, – промолвила она, – и лишь после того, как умрет моя сестра. Приезжай в Египет с головой Арсиной, и я подумаю об этом.

– Но я не могу! – воскликнул Антоний, задыхаясь. – У меня слишком много дел! Ты думаешь, почему я трезвый? В Италии вот-вот начнется война. Этот проклятый мальчишка справляется лучше, чем я надеялся. Я не могу! И как ты можешь просить голову собственной сестры?

– С удовольствием! Она много лет охотится за моей головой. Если ей удастся осуществить свои планы, она выйдет замуж за моего сына и в одно мгновение снесет мне голову. В ее жилах течет чистая кровь Птолемеев, и она достаточно молода, чтобы иметь детей, когда Цезарион повзрослеет. А я, внучка Митридата Великого, – помесь. Кровь моего сына еще грязнее. Для многих в Александрии Арсиноя – надежда на возрождение династии. Чтобы я могла жить, она должна

умереть.

Клеопатра встала с ложа, отбросила вуаль, сорвала гирлянды тубероз и лилий с шеи и талии.

– Благодарю за отличный вечер и за познавательное путешествие в другую страну. «Филопатор» за последние сто лет не принимал столько гостей. Завтра он и я поплывем в Египет. Приезжай туда, чтобы меня увидеть. И помни о моей сестре в Эфесе. Она настоящая стерва. Если тебе нравятся гарпии и горгоны, ты просто влюбишься в нее.

– Может быть, ты испугал ее, Антоний, – сказал Деллий, посвященный в часть их разговора на следующее утро, когда «Филопатор» опустил золотые весла в воду и отправился домой.

– Испугал ее? Эту хладнокровную гадюку? Невозможно!

– Она весит не больше таланта, а ты должен весить где-то около четырех. Может быть, она думает, что ты раздавишь ее. – Он захихикал. – Или протаранишь. Вполне возможно.

– *Sacat!* Я и не подумал об этом!

– Изъявляй свою любовь в письмах, Антоний, и продолжай выполнять свои обязанности как триумвир Востока.

– Ты пытаешься давить на меня, Деллий? – спросил Антоний.

– Нет-нет, конечно нет! – быстро ответил Деллий. – Просто напомнил, что царицы Египта больше нет на твоём горизонте, зато есть другие люди и события.

Антоний в ярости смахнул бумаги со стола. Луцилий, опустившись на колени, стал подбирать их.

– Меня тошнит от этой жизни, Деллий! Пропади он пропадом, этот Восток! Пора вернуться к вину и женщинам.

Деллий посмотрел вниз, Луцилий – вверх, и они обменялись выразительными взглядами.

– У меня идея получше, – сказал Деллий. – Почему бы не разобрать накопившуюся за это лето гору дел, а потом провести зиму в Александрии, при дворе царицы Клеопатры?

Четвертый год подряд Нил не разливался. Единственным утешением было то, что люди, обитающие по берегам реки и пережившие чуму, не воспринимали это как катастрофу, так же как и жители Дельты и Александрии. Этот народ стал сильнее, здоровее.

У Сосигена появилась одна идея, и он издал от имени фараона эдикт, предписывающий вырыть в самых низких местах по берегу Нила каналы пять футов глубиной. Вода, попавшая в эти каналы, должна была стекать в огромные пруды, вырытые заранее. По краям прудов стояли водяные колеса, при помощи которых вода поступала в канавки, расходящиеся по сухим полям. Когда в середине июля наступил разлив (если можно это так назвать), река поднялась ровно настолько, чтобы наполнить пруды. С помощью водяных колес орошать поля было гораздо легче, чем с помощью традиционного шадуфа.

Люди есть люди, даже в разгар смертоносной болезни. Дети рождались, население увеличивалось. Но теперь Египет мог не бояться голода.

Римская угроза временно отступила. Агенты Клеопатры сообщили ей, что из Тарса Антоний направился в Антиохию, заглянул в Тир и Сидон, затем сел на корабль и поплыл в Эфес. И там вопящую Арсиною вытащили из храма и убили. Верховный жрец Артемиды думал, что последует за ней, но Антоний, которому не нравились эти восточные кровавые разборки, по просьбе этнарха отослал жреца обратно в храм. Антоний не собирался везти голову Арсиной в Египет. Ее сожгли целиком. Она была последней представительницей рода Птолемеев, у Клеопатры больше не осталось соперниц.

– Антоний приедет зимой, – улыбаясь, сказала Таха.

– Антоний! О, мама, он не Цезарь! Как я вынесу прикосновение его рук?

– Цезарь был единственный в своем роде. Ты не сможешь его забыть, это я понимаю, но ты должна перестать носить траур и подумать о Египте. Разве важно, что ты будешь чувствовать, если высокое происхождение Антония позволяет ему дать Цезариону сестру – будущую жену? Монархи выбирают партнера не для собственного удовольствия, они делают это для пользы государству и чтобы обезопасить династию. Ты привыкнешь к Антонию.

Тем летом и осенью самой большой проблемой для Клео-

патры был Цезарион, который не простил ее за то, что она оставила его в Александрии. Он был безупречно вежлив, много сидел над книгами, добровольно читал в свободное время, учился ездить верхом, занимался военными упражнениями и атлетикой, но не хотел посещать уроки рукопашного боя и борьбы.

– *Tata* говорил мне, что наш мыслительный аппарат находится в голове и что мы не должны заниматься видами спорта, которые подвергают его опасности. Поэтому я буду учиться пользоваться мечом, стрелять из лука и пращи. Я буду учиться метать копье и дротик. Я буду бегать, прыгать, плавать. Но я не стану заниматься рукопашным боем и борьбой. *Tata* не одобрил бы этого, что бы ни говорили мои наставники. Я сказал им, чтобы они отстали и не бегали к тебе, – разве мой приказ значит меньше, чем твой?

Клеопатру так поразило, как хорошо он помнит Цезаря, что она не обратила внимания на его последние слова. Отец Цезариона умер, когда мальчику не было и четырех лет.

Но не спортивные предпочтения и мелкие недовольства беспокоили ее. Боль причиняла отчужденность сына. Клеопатра не могла пожаловаться на его невнимание, когда говорила с ним, особенно когда что-то приказывала. Но он исключил ее из своего мира. Он затаил обиду, которую нельзя было отбросить как несущественную.

«О, – мысленно воскликнула она, – почему я всегда принимаю неправильные решения? Если бы я знала, как ранит

его мой отказ, я непременно взяла бы его с собой в Тарс. Но это значило бы подвергнуть опасности преемника во время морского путешествия!»

Затем ее агенты сообщили, что ситуация в Италии ухудшилась вплоть до открытой конфронтации. Подстрекателями были жена Антония, мегера Фульвия, и брат Антония, консул Луций Антоний. Фульвия завлекла в свою ловушку Луция Мунация Планка, этого известного перебежчика из одного лагеря в другой, и заставила отдать ей ветеранов, которых он поселил вокруг Беневента, – целых два легиона. После чего она убедила этого высокомерного олуха Тиберия Клавдия Нерона, которого так презирал Цезарь, поднять восстание рабов в Кампании – неподходящее задание для человека, никогда в жизни не разговаривавшего с рабом. Не то чтобы Нерон не пытался, просто он не знал, как приступить к выполнению поручения.

Не имея никакой официальной должности, кроме статуса триумвира, Октавиан придерживался тактики Фабия, осторожно кружа вокруг Луция Антония, пока два легиона, которые самому Луцию удалось набрать, двигались по Италийскому полуострову к Риму. Третий триумвир, Марк Эмилий Лепид, повел два легиона в Рим, чтобы не пропустить Луция. Но как только Лепид увидел блеск оружия на Латинской дороге, он оставил Рим и свои войска ликующей Фульвии (и Луцию, о ком редко вспоминали).

Результат зависел от кольца больших армий, окруживших Италию, – армий, которыми командовали лучшие военачальники Антония, его друзья и политические сторонники. Гай Асиний Поллион с семью легионами держал Италийскую Галлию; в Дальней Галлии по ту сторону Альп сидел Квинт Фуфий Кален с одиннадцатью легионами, а Публий Вентидий и его семь легионов находились в прибрежной Лигурии.

Наступила осень. Антоний был в Афинах, неподалеку, наслаждаясь развлечениями, которые мог предложить этот самый утонченный город. Поллион писал ему, Вентидий писал ему, Кален писал ему, Планк писал ему, Фульвия написала ему, Луций написал ему, Секст Помпей писал ему, а Октавиан писал ему каждый день. Антоний не ответил ни на одно из этих писем – у него были дела поважнее. Таким образом – и Октавиан это понял, – Антоний упустил свой величайший шанс навсегда сокрушить наследника Цезаря. Ветераны волновались, никто не платил налоги, и Октавиану удалось наскрести всего восемь легионов. Все главные дороги от Бононии на севере до Брундизия на юге грохотали от ритмичного стука подбитых гвоздями калиг, большей частью принадлежавших заклятым врагам Октавиана. Флот Секста Помпея контролировал Тусканское море вдоль западного побережья Италии и Адриатическое море вдоль восточного, отбирая зерно, поставляемое с Сицилии и из Африки. Если бы Антоний оторвал задницу от роскошного афинского ложа и

повел все эти легионы на Октавиана, он легко одержал бы верх. Но Антоний не отвечал на письма и не хотел никуда идти. Октавиан вздохнул с облегчением, а люди Антония посчитали, что их предводитель не в силах отказаться от удовольствий, чтобы заниматься чем-то другим.

В Александрии, читая донесения, Клеопатра рвала и метала, намереваясь написать Антонию, чтобы заставить его принять участие в италийской войне. Это действительно отвело бы угрозу от Египта! Но в конце концов она не написала. А если бы и написала, то напрасно потратила бы силы.

Луций Антоний шел на север по Фламиниевой дороге к Перузии, великолепному городу, расположенному на плоской вершине высокой горы в середине Апеннин. С шестью легионами он засел в его стенах и стал ждать, что будут делать Октавиан, с одной стороны, и Поллион, Вентидий и Планк – с другой. Ему и в голову не пришло, что эта троица не пойдет его спасать, ведь, по его мнению, они просто обязаны были это сделать, будучи людьми Антония!

Октавиан поставил во главе войска своего товарища Агриппу и поступил весьма мудро. Когда два этих очень молодых человека поняли, что ни Поллион с Вентидием, ни Планк не собираются спасать Луция, они воздвигли вокруг горы, на которой стояла Перузия, массивные осадные укрепления. Продовольствие в город поступать перестало, а с при-

ходом зимы уровень подземных вод понизился и продолжал понижаться.

Фульвия сидела в лагере Планка и поносила вероломство Поллиона и Вентидия, стоявших в нескольких милях от лагеря. Она срывала гнев на Планке, а тот терпел это, потому что был влюблен в нее. Настроение ее все время менялось: то бешеные вспышки гнева, то взрывы энергии. Но больше всего ее терзала вновь вспыхнувшая ненависть к Октавиану. Высокомерный щенок отослал свою жену, дочь Фульвии Клодию, к матери *virgo intacta*. Что ей делать в военном лагере с тощей девицей, которая только и знает, что ревет, да к тому же отказывается есть? Ко всему прочему, Клодия твердила, что до безумия любит Октавиана, и винила мать в том, что Октавиан отверг ее.

К концу октября Антоний походил на Этну перед извержением. Его коллеги почувствовали толчки и старались избегать его, но это было невозможно.

– Деллий, я собираюсь зимовать в Александрии, – объявил он. – Марк Сакса и Каниний могут остаться с войском в Эфесе. Луций Сакса, ты можешь поехать со мной до Антиохии – я назначаю тебя правителем Сирии. В Антиохии находятся два легиона Кассия, этого тебе будет достаточно. Для начала заставь города Сирии понять, что мне нужна дань. Сейчас, а не потом! Всякий город, заплативший Кассию, должен заплатить и мне. На данный момент я не

планирую никаких перемещений: в провинции Азия спокойно, в Македонии вполне справляется Цензорин, и я не вижу необходимости назначать наместника Вифинии. — Он ликующе вскинул руки над головой. — Праздник! Новый Дионис устроит настоящий праздник! А какое место лучше подходит для этого, чем двор Афродиты в Египте?

Клеопатре он тоже не написал. О его приезде она узнала через своих агентов, которым удалось предупредить ее за две нундины. За эти шестнадцать дней она успела послать корабли добывать продукты, которых в Египте было не найти, от сочной ветчины с Пиренеев до огромных кругов сыра. Хотя это было не в традициях местной кухни, дворцовые повара могли приготовить гарум, который придавал особый вкус подливам, а у крестьян, разводивших молочных поросят для живущих в городе римлян, скупили все свинарники. Собрали в одно место кур, гусей, уток, перепелов и фазанов. Вот только ягнят в это время года не было. Но что важнее всего, вино должно быть хорошее и в достаточном количестве. Придворные Клеопатры почти не употребляли вина, а сама царица предпочитала египетское ячменное пиво. Но для римлян это должно быть вино, вино, вино.

В Пелузии и Дельте ходили слухи, что в Сирии неспокойно, но никто не мог сказать, в чем дело. Было известно, что евреи охвачены волнением. Когда Ирод возвратился из Вифинии тетрархом, обе противоборствующие партии

синадриона, и фарисеи и саддукеи, подняли настоящий вой. То, что его брат Фазаель тоже стал тетрархом, казалось, не имело такого большого значения. Ирода ненавидели, Фазаеля терпели. Некоторые евреи плели интриги, чтобы свалить Гиркана в пользу его племянника, хасмонейского царевича Антигона, или, если не удастся, хотя бы лишить Гиркана статуса верховного жреца и передать этот статус Антигону.

Но поскольку в любой день можно было ожидать приезда Марка Антония, Клеопатра не уделила должного внимания Сирии. А следовало бы, потому что Сирия была совсем рядом.

Больше всего ее беспокоила проблема, связанная с сыном. Каэму и Тахе велено было забрать Цезариона в Мемфис и держать его там, пока Антоний не уедет.

– Я не поеду, – спокойно возразил Цезарион, вскинув подбородок.

К сожалению, они были не одни. Поэтому Клеопатра резко ответила:

– Это приказ фараона! Значит, ты поедешь!

– Я тоже фараон. Самый великий римлянин, оставшийся после убийства моего отца, едет к нам, и мы будем принимать его как представителя другого государства. А это значит, что фараон должен присутствовать в обоих воплощениях, мужском и женском.

– Не спорь, Цезарион. Если будет необходимо, тебя доста-

вят в Мемфис под охраной.

– Хорошо же я буду выглядеть перед нашими подданными!

– Как ты смеешь дерзить мне?

– Я – фараон, помазанный и коронованный. Я – сын Амона-Ра и сын Исиды. Я – Гор. Я – правитель Верхнего и Нижнего Египта, сопричастный Осоке и Пчеле. Мой картуш – над твоим. Не начав войны со мной, ты не можешь лишить меня права сидеть на моем троне. А я буду сидеть на нем, когда мы будем принимать Марка Антония.

В гостиной воцарилась такая тишина, что каждое слово матери и сына гулко отдавалось от позолоченных стропил. Слуги стояли по углам, Хармиона и Ирада прислуживали царице. Аполлодор замер на месте, а Сосиген сидел за столом, составляя меню. Только Каэм и Таха отсутствовали, с удовольствием придумывая, чем они побалуют своего любимого Цезариона, когда он приедет в храм Птаха.

Лицо ребенка застыло, зелено-голубые глаза блестели, как полированные камни. Никогда он не был так похож на Цезаря. Но сам он был расслаблен, никаких сжатых кулаков. Он сказал, что хотел, следующий ход за Клеопатрой.

А она сидела в кресле и усиленно думала. Как объяснить этому упрямому незнакомцу, что она действует для его же блага? Если он останется в Царском квартале, то насмотрится непотребств, вовсе не подходящих для его возраста: богохульство, грубые выходки, обжорство до тошноты. Эти лю-

ди слишком похотливы, им все равно, где совокупляться – на ложе или у стены. Они покажут ему мир, от которого она хотела оградить сына, пока он не станет достаточно взрослым, чтобы его принять. Она хорошо помнила собственное детство в этом же дворце. Ее распутный отец лапал мальчиков-педерастов, вынимал свои гениталии, чтобы их целовали и сосали, устраивал пьяные танцы, играя на своих идиотских свирелях во главе процессии голых мальчиков и девочек. А она пряталась и молилась, чтобы он не нашел ее и не изнасиловал ради удовольствия. Он мог даже убить ее, как убил Беренику. У него была новая семья от молодой сводной сестры. А дочь от жены из династии Митридатидов была расходным материалом. Поэтому годы, которые она провела в Мемфисе с Каэмом и Тахой, остались в ее памяти как самое чудесное время в ее жизни: она была в безопасности и счастлива.

Обеды в Тарсе наглядно показали, какой образ жизни ведет Марк Антоний. Да, сам он старался держать себя в руках, но только потому, что ему приходилось разговаривать с царицей. На поведение друзей он не обращал внимания, и кое-кто из них вел себя самым бесстыдным образом.

Но как объяснить Цезариону, что он не будет – не может быть – здесь? Интуиция говорила, что Антоний способен забыть о сдержанности и целиком войти в роль нового Диониса. Ведь он приходился ее сыну родственником. Если Цезарион останется в Александрии, их нельзя будет изолировать

друг от друга. И очевидно, что Цезарион мечтает о встрече с известным воином, не понимая, что великий воин предстанет в образе великого кутилы.

Молчание продолжалось, пока Сосиген, прочистив горло, не встал с кресла.

– Ваши величества, можно мне сказать? – спросил он.

Ответил Цезарион.

– Говори, – приказал он.

– Фараону сейчас шесть лет, однако он все еще находится во дворце, полном женщин. Только в гимнасии и на ипподроме он вступает в мир мужчин, но они – его подданные. Прежде чем заговорить с ним, они должны пасть ниц. В этом он не видит ничего странного: он – фараон. Но с приездом Марка Антония у юного фараона появится шанс общаться с мужчинами, которые не являются его подданными и не будут падать перед ним ниц. Они могут потрепать его волосы, мягко пожурить его, пошутить с ним. Только мужское общество. Царица Клеопатра, я знаю, почему ты хочешь послать юного фараона в Мемфис, я понимаю...

Клеопатра резко прервала его:

– Достаточно, Сосиген! Ты забываешься! Мы закончим этот разговор после того, как юный фараон покинет комнату, что он и сделает немедленно!

– Я не уйду, – сказал Цезарион.

Сосиген продолжил, заметно дрожа от страха. Он рисковал своим положением, да и головой тоже, но кто-то должен

сказать об этом!

– Царица, ты не можешь отослать юного фараона ни сейчас, чтобы закончить этот разговор, ни потом, чтобы ограждать его от римлян. Твой сын – коронованный и помазанный фараон и царь. По годам он ребенок, но по уму – мужчина. Пора ему начать свободно общаться с мужчинами, которые не падают перед ним ниц. Его отец был римлянином. Пора ему узнать больше о Риме и римлянах, ведь, когда ты жила в Риме, он был еще младенцем.

Клеопатра почувствовала, как вся кровь прилила к лицу. Только не выдать, что она сейчас чувствует! Как посмел этот презренный червяк так открыто выступить на стороне Цезария! Он знал, как слуги умеют распускать слухи: через час все это будут обсуждать во дворце, а завтра – по всему городу.

Она проиграла. Все присутствующие поняли это.

– Благодарю тебя, Сосиген, – процедила она после длинной паузы. – Я ценю твой совет. Это правильный совет. Юный фараон должен остаться в Александрии, чтобы познакомиться с римлянами.

Мальчик не запрыгал от радости, не издал ликующего возгласа. Он царственно кивнул и сказал, бесстрастно глядя на мать:

– Спасибо, мама, что решила не воевать со мной.

Аполлодор выпроводил всех из комнаты, включая юного фараона. Как только Клеопатра оказалась одна с Хармионой

и Ирадой, она разревелась.

– Это должно было случиться, – сказала практичная Ирада.

– Он был жесток, – заметила сентиментальная Хармиона.

– Да, – сквозь слезы согласилась Клеопатра, – он был жесток. Все мужчины жестоки, это у них в крови. Они не согласны жить на равных условиях с женщинами. – Она промокнула лицо. – Я потеряла часть своей власти – он силой отнял ее у меня. К тому времени, как ему исполнится двадцать лет, он заберет всю власть.

– Будем надеяться, что Марк Антоний добр, – сказала Ирада.

– Ты видела его в Тарсе. Тогда он показался тебе добрым?

– Да, когда ты позволяла ему. Он был не уверен в себе, отсюда его бравлада.

– Исида должна выйти за него замуж, – вздохнув, произнесла Хармиона со слезами. – Какой мужчина посмеет быть недобрым с Исидой?

– Взять его в мужа не значит отдать власть. Исида сохранит ее, – сказала Клеопатра. – Но что скажет мой сын, когда поймет, что его мать навязывает ему отчима?

– Он примет это, – ответила Ирада.

Флагман Антония, огромную квинквирему с высокой кормой, ошестинившуюся катапультами, пришвартовали в Царской гавани. И там, на пристани под золотым парадным наве-

сом, его встретили оба воплощения фараона, хотя и без соответствующих регалий. На Клеопатре было простое платье из розовой шерсти, а на Цезарионе – светлая греческая туника, окаймленная пурпуром. Он хотел надеть тогу, но Клеопатра сказала ему, что в Александрии ни одна швея не умеет их шить. Она подумала, что это лучше, чем сказать правду: ему нельзя носить тогу, потому что он не римский гражданин.

Если Цезарион хотел отнять у матери преимущество, то это ему удалось. Спускаясь по трапу на пристань, Антоний не отрывал взгляда от мальчика.

– О боги! – воскликнул он, подойдя к ним. – Цезарь с ног до головы! Мальчик, ты его живая копия!

Знавший, что он высокий для своего возраста, Цезарион вдруг почувствовал себя карликом. Антоний был огромный! Но это перестало иметь значение, когда Антоний склонился над ним, без труда поднял его и посадил на левую руку. Цезарион почувствовал сквозь множество складок тоги, как набухли мускулы Антония. Позади него сиял Деллий. Ему позволили приветствовать Клеопатру. Он подошел к ней, глядя на тех двоих, – откинув назад голову, мальчик смеялся какой-то шутке Антония.

– Они понравились друг другу, – сказал Деллий.

– Да, кажется, – невыразительно ответила она. Затем распрямила плечи. – Марк Антоний не привез с собой столько друзей, сколько я ожидала.

– Много работы, царица. Я знаю, что Антоний надеется

найти друзей среди александрийцев.

– Переводчик, писарь, главный судья, счетовод и начальник ночной стражи будут рады служить ему.

– Счетовод?

– Это лишь титулы, Квинт Деллий. Обладать одним из этих титулов – значит быть чистокровным македонцем, потомком соратников Птолемея Сотера. Они – александрийские аристократы, – с довольным видом пояснила Клеопатра.

В конце концов, кто такой Аттик, если не счетовод, но будет ли римлянин из семьи патрициев презирать Аттика?

– Мы не планировали приема на этот вечер, – продолжала Клеопатра. – Только скромный ужин для Марка Антония.

– Уверен, ему это понравится, – ровным голосом ответил Деллий.

Когда у Цезариона уже слипались веки, мать решительно отправила его спать, затем отпустила слуг и осталась с Антонием наедине.

В Александрии не бывает настоящей зимы, просто после захода солнца становится зябко, поэтому все ставни были закрыты. После Афин, где было холоднее, Антонию очень понравилось в Александрии. Он ощутил такое спокойствие, какого не чувствовал уже долгие месяцы. И хозяйка за обедом оказалась интересным собеседником – когда ей удавалось вставить слово. Цезарион забросал Антония вопроса-

ми. Какая она, Галлия? Какие они, Филиппы? Что значит командовать армией? И так далее и тому подобное.

– Он замучил тебя, – улыбнулась Клеопатра.

– Больше любопытства, чем у гадалки, прежде чем она предскажет тебе твоё будущее. Но он умный, Клеопатра. – Grimаса отвращения исказила его лицо. – Такой же не по годам развитый, как и другой наследник Цезаря.

– Которого ты недолюбливаешь.

– Это ещё слабо сказано. Скорее, не выношу.

– Надеюсь, к моему сыну ты отнесёшься с симпатией.

– Мне он понравился больше, чем я ожидал. – Он обвел взглядом лампы, зажженные по периметру комнаты, сощурился. – Слишком светло.

В ответ она соскользнула с ложа, взяла щипцы для снятия нагара и погасила все свечи, кроме тех, что не светили в лицо Антонию.

– У тебя болит голова? – спросила она, возвращаясь на ложе.

– Да, действительно.

– Ты хочешь уйти?

– Нет, если я могу тихо лежать здесь и разговаривать с тобой.

– Конечно, можешь.

– Ты не поверила мне, когда я сказал, что полюбил тебя, но я говорил правду.

– У меня есть серебряные зеркала, Антоний, и они гово-

рят мне, что я не принадлежу к тому типу женщин, в которых ты влюбляешься. Таких, как Фульвия.

Антоний усмехнулся, блеснув мелкими белыми зубами.

– И Глафира, хотя ты ее никогда не видела. Восхитительный экземпляр.

– Ясно, что ты не любил ее, если так о ней говоришь. Но Фульвию ты любишь.

– Точнее, любил. Сейчас она невыносима. Развязала войну против Октавиана. Напрасная затея, и к тому же бездарно воплощенная.

– Очень красивая женщина.

– Ей уже сорок три. Мы почти ровесники.

– Она родила тебе сыновей.

– Да, но они еще слишком молоды, чтобы понять, из какого они теста. Ее дедом был Гай Гракх, великий человек, поэтому я надеюсь, что они хорошие мальчики. Антиллу пять лет, Юлл еще очень маленький. Фульвия плодовитая. У нее четверо от Клодия – две девочки и два мальчика, мальчик от Куриона и моих двое.

– Птолемеи тоже плодовиты.

– Ты говоришь это, имея только одного птенца в гнезде?

– Я – фараон, Марк Антоний, а это значит, что я не могу сочетаться браком со смертными мужчинами. Цезарь был богом, поэтому он подходил мне. Мы быстро зачали Цезариона, но потом, – она вздохнула, – больше ничего. Мы пытались, уверяю тебя.

Антоний засмеялся:

– Да, я понимаю, почему он не сказал тебе.

Цепенея, Клеопатра подняла голову и посмотрела на него. Ее большие золотистые глаза отражали свет лампы позади коротко остриженных кудрей Антония.

– Чего не сказал? – спросила она.

– Что он больше не хотел иметь детей от тебя.

– Ты лжешь!

Удивленный Антоний тоже поднял голову:

– Лгу? Зачем мне лгать?

– Откуда мне знать о причинах? Я просто знаю, что ты лжешь!

– Я говорю правду. Подумай, Клеопатра, и ты поймешь. Чтобы Цезарь зачал девочку, которая стала бы женой его сына? Он до мозга костей был римлянином, а римляне не одобряют инцест. Даже между племянницами и дядьями или племянниками и тетками, а уж между братьями и сестрами! Родные брат и сестра – это риск.

Разочарование, как гигантская волна, накрыло ее с головой. Цезарь, в чьей любви она была так уверена, обманывал ее! Все эти месяцы в Риме, когда она надеялась и молилась, лишь бы забеременеть, этого так и не случилось. А он знал, он знал! Бог с Запада обманул ее, и все из-за какого-то глупого римского предрассудка! Она скрипнула зубами, с губ ее слетел звериный рык.

– Он обманул меня, – глухо произнесла она.

– Только потому, что знал: ты не поймешь. Я вижу, что он был прав.

– Если бы ты был Цезарем, ты поступил бы со мной так же?

– Ну-у, – протянул Антоний, перекатываясь на ложе поближе к ней, – мои чувства не столь возвышенны.

– Я повержена! Он смеялся надо мной, а я так его любила!

– Все это в прошлом. Цезарь мертв.

– И я должна повести с тобой тот же разговор, какой вела когда-то с ним, – сказала Клеопатра, украдкой вытирая слезы.

– Разговор о чем? – спросил Антоний, пальцем проводя по ее руке.

На этот раз она не отдернула руку.

– Нил не разливается уже четыре года, Марк Антоний, потому что фараон не беременеет. Чтобы помочь своему народу, я должна зачать ребенка, в венах которого будет течь кровь богов. В твоих жилах течет та же кровь, что и у Цезаря. По матери ты из рода Юлиев. Я молилась Амону-Ра и Исиде, и они сказали мне, что ребенок от тебя будет им угоден.

Не похоже на признание в любви! Как мужчина ответит на такое бесстрастное объяснение? И хочет ли он, Марк Антоний, вступить в связь с этой хладнокровной малышкой? Женщиной, которая искренне верит в то, что говорит? «И все же, – подумал он, – зачать богов на земле – это новый опыт. Напакастим старику Цезарю, семейному тирану!»

Он взял ее руку, поднес к губам и поцеловал.

– Это честь для меня, моя царица. И хотя я не могу говорить за Цезаря, я тебя люблю.

«Лжец, лжец! – кричало ее сердце. – Ты – римлянин и любишь только Рим. Но я использую тебя, как Цезарь использовал меня».

– Ты разделишь со мной ложе, пока будешь в Александрии?

– С радостью, – ответил он и поцеловал ее.

Поцелуй, вопреки ее ожиданиям, оказался приятным. Его губы были холодные и гладкие, и он не совал ей в рот язык в этом первом, пробном поцелуе. Только губы к губам, мягкие и чувственные.

– Пойдем, – сказала она, беря лампу.

Ее спальня была недалеко, личные покои фараона в небольшом крыле дворца. Антоний сорвал с себя тунику – под ней никакой набедренной повязки – и развязал банты, удерживавшие ее платье на плечах. Платье соскользнуло к ногам. Клеопатра присела на край постели.

– Хорошая кожа, – пробормотал он, растянувшись рядом с ней. – Я не сделаю тебе больно, моя царица. Антоний хороший любовник, он знает, как обращаться с таким хрупким созданием.

И действительно, он знал. Их соитие было медленным и на удивление приятным. Он нежно касался ее тела, а когда стал ласкать груди, это было восхитительно. Несмотря на увере-

ния, что он не причинит ей боли, ей было бы больно, если бы она уже не родила Цезариона. Прежде чем войти в нее, он порядком раздражил ее, по-разному используя свой огромный член. Он довел ее до оргазма прежде, чем кончил сам, и этот оргазм удивил ее. Это казалось изменой Цезарю, но Цезарь первым предал ее, так какое это имело значение? А самым ценным подарком стало то, что Антоний ничем не напоминал Цезаря. То, что было у нее с Антонием, принадлежало только Антонию. После оргазма он снова был готов для нее, и это тоже казалось удивительным. Ее смущало, что она испытала наслаждение несколько раз. Неужели она так сильно изголодалась? Вероятно, да. Царица Клеопатра опять почувствовала себя женщиной.

Цезарион пришел в восторг оттого, что она сделала Марка Антония своим любовником. В этом отношении он не был наивным.

– Ты выйдешь за него замуж? – спросил он, прыгая от радости.

– Может быть, со временем, – ответила она, чувствуя огромное облегчение.

– А почему не сейчас? Он самый сильный в мире.

– Потому что это слишком скоро, сын мой. Сначала мы с Антонием решим, выдержит ли наша любовь тяжесть брачных уз.

Что касается Антония, его распирала гордость. Клеопатра

была не первой правительницей, с которой он делил ложе, но точно самой могущественной. И он обнаружил, что в постели она не походила ни на профессиональную проститутку, ни на покорную римскую жену. Это ему нравилось. Когда мужчина начинает длительные отношения, ему не нужна ни та ни другая, Клеопатра же оказалась идеальной любовницей.

Этим можно было объяснить его настроение в первый вечер, когда царица усердно развлекала его. Вино было великолепное, а вода горчила, так зачем добавлять воду и портить такое вино? Антоний забыл о благих намерениях, даже не поняв, что счастливо, безнадежно пьян.

Приглашенные александрийцы, все знатные македонцы, сначала смотрели на пьяного Антония с изумлением, потом, похоже, решили, что в распутстве есть приятные стороны. Писарь, ужасный человек с огромным самомнением, с гиканьем и хохотом опрокинул в себя первый графин, потом схватил проходившую мимо служанку и занялся с нею любовью. Тут же его примеру последовали другие александрийцы, доказавшие, что они не уступают римлянам, когда дело касается оргий.

Для трезвой Клеопатры, изумленно наблюдавшей за происходящим, это стало совершенно новым уроком. К счастью, Антоний, кажется, не замечал, что она не присоединилась к этому веселью, — он был поглощен выпивкой. Вероятно, потому, что и ел он очень много, вино не довело его до скот-

ского состояния. В укромном углу Сосиген, более опытный в этих делах, чем его царица, поставил ночные горшки и тазы за ширму, где гости могли облегчиться через любое отверстие, а также выставил бокалы с зельем, чтобы утром они не страдали от похмелья.

– Мне было так весело! – кричал Антоний на следующее утро, чувствуя себя замечательно. – Давай сегодня вечером повторим!

Итак, для Клеопатры начались постоянные кутежи, продолжавшиеся больше двух месяцев. И чем более дикими они становились, тем больше радовался им Антоний и тем лучше чувствовал себя. Сосиген получил задание придумывать новинки, чтобы разнообразить эти сибаритские празднества. В результате корабли, приходящие в Александрию, выгружали музыкантов, танцоров, акробатов, мимов, карликов, уродов и фокусников, собранных со всего восточного побережья Нашего моря.

Антоний обожал розыгрыши, иногда довольно жестокие. Он обожал рыбалку, обожал плавать среди голых девушек, править колесницей (что запрещалось аристократам в Риме), обожал охоту на крокодила, обожал всякие проделки, скабрзные стихи, пышные зрелища. Его аппетит был таков, что раз по десять на дню он кричал, что голоден. Сосигену пришла в голову блестящая идея – велеть поварам всегда быть готовыми подать обед с набором лучших вин. Это сразу же

возымело успех, и Антоний, крепко целуя его, назвал маленького философа лучшим из людей.

Александрийцы вынуждены были терпеть пятьдесят с лишним пьяниц, которые бегали по улицам с факелами, танцуя, стуча в двери и с хохотом убегая прочь. Некоторые из этих возмутителей спокойствия были высшими чиновниками города, чьи жены сидели дома, плача и удивляясь, почему Клеопатра позволяет все это.

Царица позволяла, потому что у нее не было выбора, хотя сама она неохотно участвовала в подобных дурачествах. Однажды Антоний заставил ее опустить шестимиллионную жемчужину Сервилиии в бокал с уксусом и выпить его. Он верил, что жемчуг растворяется в уксусе. Зная, что это не так, Клеопатра выполнила его просьбу, хотя выпить уксус было выше ее сил. На следующий день жемчужина как ни в чем не бывало красовалась у нее на шее. Зачастую празднества сопровождались рыбалкой. Не будучи искусным рыболовом, Антоний платил ныряльщикам, чтобы они насаживали живых рыб на его удочку. Он вынимал трепещущих рыб и похвалялся своим умением, пока однажды Клеопатра, уставшая от его хвастовства, не заставила ныряльщика насадить на его удочку тухлую рыбу. Но он весело воспринял шутку – это было в его характере.

Цезарион с интересом наблюдал за всеобщим шутовством, хотя ни разу не попросился на вечеринки. Когда Антоний был в настроении, они садились на коней и мчались

охотиться на крокодила или бегемота, оставив Клеопатру терзаться при мысли, что ее сына затопчут огромные ножищи или перекусят длинные желтые зубы. Но надо отдать должное Антонию, он берег мальчика, просто давая ему возможность хорошо провести время.

– Тебе нравится Антоний, – сказала Клеопатра сыну в конце января.

– Да, мама, очень. Он называет себя новым Дионисом, но на самом деле он – Геракл. Он может держать меня на одной руке, представляешь? И бросает диск на триста шагов.

– Я не удивляюсь, – сухо ответила она.

– Завтра мы идем на ипподром. Я поеду с ним в его колеснице – четыре коня в ряд, самая трудная упряжка!

– Гонки на колесницах – не подходящее развлечение для фараона.

– Я знаю, но это так весело!

И что ответить на это?

Ее сын за последние два месяца стремительно вырос. Сосиген был прав. Мужская компания освободила его от ореола исключительности, которого она не замечала, пока он не утратил его. Теперь он расхаживал по дворцу с важным видом, пытаясь громко кричать, как Антоний, смешно изображал счетовода навеселе и ждал следующего дня с блеском в глазах, предвкушая приключения, чего раньше никогда не было. Он стал сильным, гибким, успешно занимался военными видами спорта: точно бросал копье, стреляя из лука,

попадал в центр мишени, орудовал мечом с напористостью легионера-ветерана. Как и его отец, он скакал на коне без седла галопом, держа руки за спиной.

Клеопатра не знала, как долго она сможет выносить кутежи Антония. Она уставала, у нее начались приступы тошноты, заставлявшие ее держаться ближе к ночному горшку. Все признаки беременности, хотя проявившиеся слишком рано. Если Антоний вскоре не прекратит свои безумства, ему придется куролесить одному, без нее. Для маленькой женщины она была сильной, но беременность брала свое.

Ее дилемма разрешилась сама собой, когда парфянский царь вторгся в Сирию.

Ород был уже стар, давно не принимал участия в войнах, его угнетали интриги, обычные среди наследников такого царства. Одним из лучших способов усмирить амбициозных сыновей и группировки было послать воевать самого буйного, а что может быть лучше, чем война против римлян в Сирии? Самым сильным из его сыновей был Пакор, и войско должен был возглавить именно он. На этот раз царь Ород схитрил. С Пакором шел Квинт Лабие, придумавший для себя прозвище Парфянский. Сын знаменитого военачальника Цезаря, Тита Лабие, он решил лучше сбежать ко двору Орода, чем подчиниться победителю своего отца. Спор в Селевкии-на-Тигре коснулся и вопроса, как одержать верх над римлянами. В предыдущих стычках, включая ту, что за-

кончилась разгромом армии Марка Красса в Каррах, парфяне полагались только на всадников-лучников, не защищенных доспехами крестьян, которые были обучены во время притворного отступления неожиданно поворачиваться и на полном скаку посылать в сторону врага смертоносный град стрел. Знаменитая «парфянская стрела». Когда Красс пал в Каррах, парфянской армией командовал женоподобный царевич Сурена. Он придумал, как сделать так, чтобы у его верховых лучников стрелы не кончались: нагрузил караван верблюдов стрелами и организовал подвоз. К несчастью, его успех был слишком заметным, и царь Ород заподозрил Сурену в притязании на трон и приказал его казнить.

С того дня прошло более десяти лет, но спор о том, кто одержал победу в Каррах – лучники или катафракты, одетые в кольчуги с головы до ног и на лошадях, тоже одетых в кольчуги, – не утихал. Спор имел социальную подоплеку: лучники были крестьянами, а катафракты – аристократами.

И когда Пакор и Лабием в начале февраля в год консульства Гнея Домиция Кальвина и Гая Асиния Поллиона повели войска в Сирию, армия парфян состояла исключительно из катафрактов. Аристократы взяли верх.

Пакор и Лабием перешли Евфрат у города Зевгма и там разделились. Лабием и его наемники двинулись на запад и через Аманские горы переправились в Киликию Педию, а Пакор и катафракты повернули на юг, в Сирию. Они сметали все перед собой на обоих фронтах. Но агенты Клеопатры на

севере Сирии сосредоточили внимание на Пакоре, а не на Лабие и послали известие в Александрию.

Как только Антоний услышал об этом, он уехал. Никаких теплых прощаний, никаких заверений в любви.

– Он знает? – спросила Таха.

Не стоило уточнять, Клеопатра поняла, что интересуется Таху.

– Нет. У меня не было возможности. Он лишь потребовал доспехи и поторопил Деллия, – ответила она, вздохнув. – Его корабли должны плыть в порт Берит, но он не уверен в ветре и не рискнул плыть вместе с ними. Он надеется быть в Антиохии раньше флота.

– Чего не знает Антоний? – мрачно спросил Цезарион, больше всех недовольный внезапным отъездом своего героя.

– Что в секстилии у тебя появится брат или сестра.

Лицо ребенка прояснилось, он радостно запрыгал:

– Брат или сестра? Мама, мама, это же потрясающе!

– Ну, по крайней мере, это отвлечет его от мыслей об Антонии, – поделилась Ирада с Хармионой.

– А вот Клеопатру это не отвлечет, – ответила Хармиона.

Для Антония поездка в Антиохию стала тяжелой, изнурительной гонкой. По пути он посылал за тем или другим правителем в южной части Сирии, временами отдавал им приказы, не слезая с коня.

Тревожно было узнать от Ирода, что среди евреев мне-

ния разделились. Большая часть иудейских инакомыслящих жаждала оказаться под властью парфян. Лидером пропарфянской партии был хасмонецкий царевич Антигон, племянник Гиркана, не любивший ни Гиркана, ни римлян. Ирод не посчитал нужным сообщить Марку Антонию, что Антигон уже заключил сделку с послами-парфянами, чтобы получить желаемое – еврейский трон и статус верховного жреца. Поскольку Ирода не очень интересовали эти хитрости и настроение синедриона, Антоний двинулся на север, оставшись в неведении, насколько серьезна ситуация с евреями. На этот раз Ирод сплеховал: он был слишком занят, соперничая со своим братом Фазаелем за руку царевны Мариамны, и ничего вокруг не замечал.

Тир невозможно было взять штурмом. Вонючий перешеек, отравленный горами гниющих моллюсков, служил защитой центру производства пурпурной краски, находящемуся на острове. А внутри предателей не нашлось, потому что ни один житель Тира не хотел поставлять пурпурную краску царю парфян за цену, назначенную этим царем.

В Антиохии Антоний нашел Луция Децидия Саксу, который нервно вышагивал взад-вперед. Наблюдательные вышки на массивных городских стенах были заполнены людьми, устремившими взгляд на север. Пакор пойдет по течению реки Оронт, и он уже недалеко. Из Эфеса пришел брат Саксы, чтобы присоединиться к нему. Беженцы уже устремились в город. Изгнанный из Амана царь разбойников Таркондимот

рассказал Антонию, что Лабием действует очень успешно. Предполагается, что сейчас он уже достиг Тарса и Каппадокии. А Антиох из Коммагены, правитель царства-клиента, которое граничило с Аманскими горами на севере, колебался, вставать ли на сторону римлян. Антоний слушал Таркондимо́та, чувствуя к нему симпатию. Может, он и разбойник, но умный и способный.

После проверки двух легионов Саксы Антоний немного расслабился. Эти легионеры, раньше принадлежавшие Гаю Кассию, были опытными воинами.

Гораздо более тревожные новости пришли из Италии. Луций, брат Антония, сидел в осаде в Перузии, а Поллион отступил в болота в устье реки Пад! «Это бессмысленно! У Поллиона и Вентидия больше солдат, чем у Октавиана! Почему они не помогают Луцию?» – спрашивал себя Антоний, совершенно позабыв, что сам он не отвечал на их просьбы разъяснить им, была ли война Луция частью его плана?

Что ж, сколь бы серьезная ситуация ни складывалась на Востоке, Италия была важнее. Антоний поплыл в Эфес с намерением по возможности скорее попасть в Афины. Он должен был сам все узнать.

Дорожная скука обратила его мысли к Клеопатре и фантастической зиме в Египте. О боги, как он нуждался в таком отдыхе! И как замечательно царица удовлетворяла все его прихоти. Он и правда любил ее, как любил всех женщин, с

кем имел отношения дольше одного дня. И он будет продолжать любить ее, пока она не сделает что-нибудь такое, что начнет его раздражать. А вот поступки Фульвии вызывали не просто раздражение, если судить по обрывкам новостей, доходивших из Италии. Единственной женщиной, любовь к которой устояла, несмотря на тысячи ее безумств, была его мать, пусть и самая глупая женщина в мире.

Как и большинство мальчиков из знатных семей, Антоний почти не видел отца, который редко приезжал в Рим, поэтому Юлия Антония была – или должна была быть – единственной, кто спланировал семью. Три сына и две дочери ничуть не добавили зрелости этой ужасающе глупой женщине. Деньги для нее были чем-то падающим с виноградной лозы или получаемым от слуг, людей намного умнее ее.

И в любви она была несчастна. Ее первый муж, отец ее детей, предпочел покончить с собой, чем вернуться в Рим и быть обвиненным в измене за неумелое ведение войны против критских пиратов, а ее второго мужа казнили на Римском форуме за участие в восстании, поднятом Катилиной. Все это случилось к тому времени, когда Марку, старшему из детей, исполнилось двадцать. Две девочки выросли высокими и некрасивыми, как и все в роду Антониев, и их пришлось отдать замуж за богачей, желающих подняться по социальной лестнице благодаря браку. Их деньги нужны были для финансирования политической карьеры мальчиков, которые росли без всякой поддержки. Потом Марк влез в

огромные долги и вынужден был жениться на богатой провинциалке Фадии, принесшей ему приданое в двести талантов. Богиня Фортуна улыбнулась Антонию: Фадия и дети, которых она родила ему, умерли от чумы, и он получил возможность еще раз жениться на богатой наследнице, своей двоюродной сестре Антонии Гибриде. Этот союз дал одного ребенка – девочку, неумную и некрасивую. Когда Куриона убили и Фульвия стала свободной, Антоний развелся со своей кузиной и женился на Фульвии. Еще один выгодный союз: Фульвия считалась самой богатой женщиной в Риме.

Не сказать, чтобы у Антония было несчастливое детство и отрочество, но вот дисциплина у него всегда хромала. Единственным, кому удавалось держать в узде Юлию Антонию и ее мальчиков, оказался Цезарь, хотя он и не был главой рода Юлиев, а просто самым волевым его членом. Со временем сыновья Юлии Антонии понравились Цезарю, но он не был легким человеком, и они его не понимали. Это фатальное отсутствие дисциплины в сочетании с чрезмерной любовью к дебоширству у взрослого Марка Антония в конце концов отвернуло Цезаря от него. Антоний дважды не оправдал доверия. Для Цезаря и одного раза было достаточно. Он заставил Антония работать, содрал семь шкур.

Облокотившись на перила палубы и наблюдая, как солнечные лучи играют на мокрых веслах, Антоний размышлял о том, что до сих пор не уверен, действительно ли он намеревался участвовать в заговоре против Цезаря. Огляды-

ваясь назад, он склонен был думать, что по-настоящему не верил, будто такие люди, как Гай Требоний и Децим Юний Брут, настолько осмелеют или настолько возненавидят Цезаря, чтобы исполнить задуманное. Марк Брут и Кассий не имели большого значения. Они были номинальными главами, но не преступниками. Да, зачинщики заговора определено Требоний и Децим Брут. Оба мертвы. Требоний умер под пытками от руки Долабеллы, а Децима Брута обезглавил галльский вождь за кошелек золота, присланный ему Антонием. Нет, сам он вовсе не планировал убивать Цезаря! Просто он уже давно решил, что в Риме без Цезаря ему будет легче жить. Но величайшая трагедия состояла в том, что так оно и было бы, не пояись Гай Октавий, усыновленный Цезарем, который в восемнадцать лет уже заявил свои права на наследство и дважды предпринял марш на Рим еще до того, как ему исполнилось двадцать. Второй поход сделал его старшим консулом, после чего он нашел в себе смелость заставить своих соперников, Антония и Лепида, встретиться с ним и заключить договор. В результате получился второй триумвират – три человека объединились, чтобы возродить республику. Вместо одного диктатора – три диктатора с равной (теоретически) властью. До Антония и Лепида, которые вели переговоры с Октавианом на речном острове в Итальянской Галлии, постепенно дошло, что этот юноша, годящийся им в сыновья, намного превосходит их хитростью и жестокостью.

В чем Антоний не мог себе признаться даже в самые мрачные моменты, так это в том, что до сих пор Октавиан демонстрировал, насколько проницательным был Цезарь в своем выборе. Больной, несовершеннолетний, миловидный, настоящий маменькин сынок, Октавиан смог удержаться на плаву в водах, которые должны были накрыть его с головой. Наверное, отчасти потому, что он унаследовал имя Цезаря и всячески это эксплуатировал, а отчасти благодаря слепой преданности молодых людей, таких как Марк Випсаний Агриппа. Однако нельзя отрицать и того, что своими успехами Октавиан был главным образом обязан самому себе. Антоний, бывало, шутил со своими братьями, что Цезарь – это загадка, но по сравнению с Октавианом Цезарь был прозрачен, как вода в акведуке Марция.

Антоний прибыл в Афины в мае. В это время наместник Цензорин был очень занят на северных рубежах Македонии, отбивая нападки варваров, поэтому не смог встретить начальника. Антоний был не в настроении. Его друг Барбат оказался недругом. Как только Барбат услышал, что Антоний развлекается в Египте, он бросил легионы в Эфесе и уехал в Италию. А там, как узнал сейчас Антоний, продолжает мутить воду, которую Антоний не удосужился очистить. То, что Барбат сказал Поллиону и Вентидию, заставило одного отступить в болота реки Пад, а другого – торчать в нерешительности подальше от Октавиана, Агриппы и Сальвидиена.

Источником большинства этих неприятнейших новостей из Италии был Луций Мунаций Планк, занимавший апартаменты старшего легата в афинской резиденции.

– Все предприятие Луция Антония было катастрофой, –

сказал Планк, тщательно подбирая слова. Он должен был дать полный отчет, не выставив себя при этом в плохом свете, ибо в настоящий момент не видел возможности перейти на сторону Октавиана. – В канун Нового года жители Перузии попытались прорвать осаду Агриппы, но безуспешно. Ни Поллион, ни Вентидий не выступили против армий Октавиана, хотя имели значительный численный перевес. Поллион все твердил, что, э-э, не уверен, чего именно ты ждешь от него, а Вентидий исполнял только приказы Поллиона. После того как Барбат растрезвонил всем о твоём, э-э, дебоширстве – это его выражение! – Поллион пришел в такое негодование, что отказался вызволять твоего брата из Перузии. И город пал в самом начале нового года.

– А где был ты со своими легионами, Планк? – спросил Антоний, опасно сверкнув глазами.

– Ближе к Перузии, чем Поллион и Вентидий! Я пошел в Сполетий, чтобы образовать южную часть клещей, но напрасно. – Он вздохнул, пожал плечами. – К тому же у меня в лагере находилась Фульвия, и с ней было очень трудно.

Да, он любил ее, но свою шкуру любил больше. Фульвию Антоний не стал бы казнить за предательство, в конце-то концов.

– Агриппа имел наглость украсть у меня два лучших легиона, веришь? Я послал их помочь Клавдию Нерону в Кампанию, но появился Агриппа и предложил людям лучшие условия. Да, Агриппа победил Нерона моими двумя легио-

нами! Нерон вынужден был бежать на Сицилию, к Сексту Помпею. Очевидно, кое-кто в Риме поговаривал о том, чтобы убить жен и детей мятежников, потому что жена Нерона, Ливия Друзилла, взяла маленького сына и присоединилась к мужу.

Тут Планк нахмурился, не зная, продолжать ли.

– Говори, Планк, говори!

– Э-э, твоя почтенная матушка, Юлия, убежала с Ливией Друзиллой к Сексту Помпею.

– Именно так она и должна была поступить, чтобы напомнить мне о себе, хотя и напрасно, потому что я о ней не забываю. О, в каком замечательном мире мы живем! – воскликнул Антоний, сжав кулаки. – Жены и матери живут в военных лагерях, они ведут себя так, словно умеют отличать один конец меча от другого. Тьфу!

Он с трудом взял себя в руки, успокоился.

– Мой брат... вероятно, он мертв, но ты еще не набрался смелости сказать мне об этом, Планк?

Наконец-то он мог сообщить хорошую новость!

– Нет-нет, мой дорогой Марк! Вовсе нет! Когда Перузия открыла свои ворота, какой-то местный богач решил, что его погребальный костер должен быть огромным и величественным, и сжег город дотла. Это большее бедствие, чем осада. Октавиан казнил двадцать самых знатных граждан, но не тронул войска Луция. Они влились в легионы Агриппы. Луций попросил прощения и получил его. Октавиан назна-

чил его наместником Дальней Испании, и он сразу уехал туда. Я думаю, он был счастлив.

– А это диктаторское назначение было одобрено сенатом и народом Рима? – спросил Антоний, возмущаясь нарушением закона, но и чувствуя облегчение.

Проклятый Луций! Вечно пытается превзойти своего большого брата Марка, и никогда это ему не удастся.

– Было, – ответил Планк. – Хотя некоторые возражали!

– Потворство лысому демагогу, любителю выступать на Форуме?

– Э-э, ну да, такая фраза прозвучала. Я могу назвать тебе имена. Однако Луций был консулом в прошлом году, а твой дядя Гибрида теперь цензор, поэтому большинство сенаторов сочли, что Луций заслужил прощение. Ему предстоит небольшая приятная кампания против лузитан, так что, когда вернется домой, отметит триумф.

Антоний хрюкнул:

– Тогда он выкрутился удачнее, чем заслуживает. Полное идиотство от начала до конца! Но я готов держать пари, что Луций лишь выполнял приказы. Это была война Фульвии. Кстати, где она?

Планк широко открыл карие глаза:

– Да здесь, в Афинах! Мы с ней убежали вместе. Сначала мы не думали, что Брундизий отпустит нас – этот город целиком на стороне Октавиана, – но, вероятно, Октавиан предупредил, чтобы нам разрешили покинуть Италию, если мы

не возьмем с собой войска.

– Итак, мы установили, что Фульвия в Афинах. Но где именно в Афинах?

– Аттик позволил ей остановиться в его доме.

– Какое великодушие! Аттик всегда стремится угодить и нашим и вашим. Но почему он думает, что я буду рад видеть Фульвию?

Планк онемел, не зная, какой ответ хочет услышать Антоний.

– Что еще случилось?

– Разве этого не довольно?

– Нет, если только твой отчет полный.

– Ну, Октавиан не получил денег от Перузии для финансирования своих действий, но каким-то образом ему удастся платить легионам достаточно, чтобы удерживать их на своей стороне.

– Военная казна Цезаря должна быстро истощиться.

– Ты вправду считаешь, что это он взял ее?

– Конечно он! А что поделявает Секст Помпей?

– Блокирует морские пути и забирает все зерно из Африки. Его флотоводец Менодор захватил Сардинию и выгнал Лурия, а это значит, что у Октавиана не осталось другого источника зерна, кроме того, что он может купить у Секста по высоченной цене, до двадцати пяти – тридцати сестерциев за модий. – Планк даже застонал от зависти. – Вот где все деньги – в сундуках Секста Помпея! Как он поступит с ни-

ми? Захватит Рим и Италию? Мечты! Легионы любят большие премии, но они не будут сражаться за человека, который доводит до голодной смерти их стариков. Наверное, поэтому, – продолжал Планк задумчиво, – он вынужден вербовать рабов и делать флотоводцев из вольноотпущенников. Однажды тебе все же придется отобрать у него деньги, Антоний. Если ты этого не сделаешь, это сделает Октавиан, а тебе деньги нужнее.

Антоний фыркнул:

– Разве сможет Октавиан выиграть морской бой у такого опытного человека, как Секст Помпей? С такими союзниками, как Мурк и Агенобарб? Когда придет время, я займусь Секстом Помпеем, но не сейчас. Он действует во вред Октавиану.

Зная, что она прекрасно выглядит, Фульвия с нетерпением ждала мужа. Хотя несколько седых волос были все незаметны, она заставила служанку выдернуть их, а потом уложить копну каштановых локонов по последней моде. Темно-красное платье подчеркивало изгиб груди и ниспадало вниз, скрывая чуть выступающий живот и располневшую талию. «Да, – думала Фульвия, прихорашиваясь, – я хорошо сохранилась для своих лет. Я все еще самая красивая женщина в Риме».

Конечно, она знала о веселой зиме Антония в Александрии. Барбат просветил ее по этому поводу. Но мужские де-

ла ее не касаются. Если бы он развлекался с высокородной римлянкой, совсем другое дело. Она мгновенно выпустила бы когти. Но когда мужчина отсутствует месяцами, а то и годами, ни одна разумная жена, оставленная в Риме, не будет думать о муже плохо из-за того, что он снимет напряжение. А дорогой Антоний любил цариц, царевен, иностранок высокого происхождения. Переспав с какой-нибудь из них, он чувствовал себя царем, насколько это возможно для римлянина-республиканца. Фульвия видела Клеопатру, когда та жила в Риме при Цезаре, и она понимала, что Антония привлекли титул и власть египтянки. Царица вовсе не была пышной и чувственной женщиной во вкусе Антония. К тому же она обладала сказочными богатствами, а Фульвия знала своего мужа. Ему просто нужны ее деньги.

Так что, когда появился управляющий Аттика и доложил, что Марк Антоний в атрии, Фульвия разгладила платье и побежала по длинному строгому коридору туда, где ждал Антоний.

– Антоний! О, *meum mel*, как замечательно снова видеть тебя! – крикнула она с порога.

Антоний, занятый разглядыванием великолепной картины, изображавшей Ахилла, сидящего в гневе рядом с кораблями, обернулся на звук ее голоса.

Впоследствии Фульвия не могла вспомнить, что именно произошло, так молниеносны были его движения. Она только почувствовала оглушительную пощечину, от которой рас-

тянулась на полу. Потом он наклонился над ней, схватил за волосы, поднял на ноги и стал наотмашь хлестать ее по лицу открытой ладонью. И это было так же больно, как если бы он бил ее кулаком. Он выбил ей зубы, сломал нос.

– Ты, глупая *sinnus*! – орал он, не переставая бить ее. – Ты глупая, глупая *sinnus*! Возомнила себя Гаем Цезарем?

Кровь лилась у нее изо рта, из носа. Она, которая во всеоружии встречала каждый вызов богатой событиями жизни, была беспомощна, уничтожена. Кто-то кричал, должно быть она сама, ибо слуги слетелись со всех сторон, но только взглянули – и убежали.

– Идиотка! Проститутка! О чем ты думала, когда пошла войной против Октавиана от моего имени? Когда растрачивала деньги, которые я оставил в Риме, Бононии, Мутине? Когда покупала легионы для таких, как Планк, неспособных их сохранить? Когда жила в военном лагере? Что ты о себе возомнила, если вообразила, что люди вроде Поллиона будут исполнять твои приказы? Приказы женщины! Запугивала моего брата от моего имени! Он идиот! Он всегда был идиотом! И еще раз доказал это, связавшись с женщиной! Ты недостойна даже презрения!

Плюнув, он швырнул ее на пол. Не переставая кричать, она уползла, как покалеченное животное. Слезы хлынули сильнее, чем кровь.

– Антоний, Антоний! Я хотела угодить тебе! Маний сказал, что ты будешь доволен! – хрипло кричала она. – Я про-

должила твою борьбу в Италии, пока ты был занят на Востоке! Маний сказал! – шамкала она беззубым ртом.

Услышав имя Мания, Антоний вдруг почувствовал, что его гнев угас. Маний – ее грек-вольноотпущенник, змей. По правде говоря, пока Антоний не увидел ее, он и не знал, сколько злобы, сколько гнева накопилось в нем за время его путешествия из Эфеса. Вероятно, если бы он следовал первоначальному плану и поплыл прямо из Антиохии в Афины, он не был бы так разъярен.

В Эфесе хватало сплетников и кроме Барбата, и слухи ходили не только о зиме, проведенной им с Клеопатрой. Некоторые шутили, что в его семье платье носит он, а доспехи – Фульвия. Другие посмеивались, что по крайней мере один человек из рода Антониев воюет, пусть даже и женщина. Антоний вынужден был делать вид, что не слышит всего этого, но раздражение его росло. Рассказ Планка не смягчил Антония, гнев не погасило даже горе, терзавшее его, пока не выяснилось, что Луций в безопасности и здоров. Их брат Гай был убит в Македонии, и только казнь убийцы облегчила боль. Он, большой брат, любил их.

Любовь к Фульвии ушла навсегда, думал он, с презрением глядя на нее. Глупая, глупая *cunnus*! Надев доспехи, она публично кастрировала его.

– Я хочу, чтобы к утру ты покинула этот дом, – отрезал он, схватив ее за руку и силой усадив под картиной с Ахиллом. – Пусть Аттик сострадает людям, заслуживающим это-

го. Я напишу ему сегодня, и он не посмеет оскорбить меня, сколько бы денег у него ни было. Ты – позор как жена и как женщина, Фульвия! Я больше не хочу иметь с тобой ничего общего. Я немедленно пришлю тебе уведомление о разводе.

– Но, – рыдая, прошамкала она, – я убежала без денег, без имущества, Марк! Мне нужны деньги на жизнь!

– Обратись к своим банкирам. Ты богатая женщина и *sui iuris*.

Антоний громко крикнул слуг.

– Приведи ее в порядок и выбрось вон! – велел он еле живому от страха управляющему, потом круто повернулся и ушел.

Фульвия долго сидела, прислонившись к стене и почти не ощущая присутствия дрожащих от ужаса девушек, которые старались умыть ей лицо, остановить кровь и слезы. Когда-то она смеялась, если слышала от какой-нибудь женщины о разбитом сердце. Она считала, что сердце не может разбиться. Теперь она знала, что это не так. Марк Антоний разбил ее сердце, и починить его уже нельзя.

По Афинам разнесся слух о том, как Антоний обошелся со своей женой, но мало кто, услышав об этом, жалел Фульвию, ведь она совершила непростительное – посягнула на права, принадлежащие только мужчинам. Вновь вспомнили о ее подвигах на Форуме в тот период, когда она была замужем за Публием Клодием, о сцене, которую она разыгра-

ла у дверей сената, и о ее возможном содействии Клодию, осквернившему праздник Благой Богини.

Нет, Антония не волновало, что говорили в Афинах. Он, римлянин, знал, что его сограждане, живущие в городе, не станут думать о нем хуже.

Кроме того, он был занят – писал письма. Трудное занятие. Первое письмо, резкое и короткое, – Титу Помпонию Аттику: полководец Марк Антоний, триумвир, будет благодарен ему, если он не станет совать свой нос в дела Марка Антония и поддерживать отношения с Фульвией. Второе письмо – Фульвии: он сообщал, что разводится с ней из-за ее неженского поведения и что отныне ей запрещается видеться с двумя ее сыновьями от него. Третье письмо – Гаю Асинию Поллиону с просьбой сообщить, что делается в Италии и не будет ли он так любезен держать легионы наготове, чтобы пойти на юг, в случае если население Брундизия, которое любит Октавиана, не позволит Марку Антонию войти в страну? Четвертое письмо – этнарху Афин: он благодарил этого достойного человека за доброту его города и верность истинным римлянам. Поэтому полководец Марк Антоний, триумвир, с удовольствием дарит Афинам остров Эгина и несколько других малых островов, прилегающих к нему. Он считал, что этот подарок осчастливит афинян.

Он мог бы написать много писем, если бы не прибытие Тиберия Клавдия Нерона, который нанес ему официальный визит, как только устроил жену и маленького сына недалеко

от себя.

– Тьфу! – крикнул Нерон, раздув ноздри. – Этот Секст Помпей – разбойник! Хотя чего еще можно ждать от клана выскочек из Пицена? Ты не представляешь, какая у него штаб-квартира: крысы, мыши, гниющие отходы! Я не решился подвергать свою семью опасности заболеть из-за грязи, хотя эти помещения были не худшими, какие мог предложить Помпей. Мы даже еще не распаковали вещи, а уже несколько из его принаряженных «флотоводцев»-вольноотпущенников стали увиваться вокруг моей жены. Одному я хорошо дал по рукам! И поверишь ли, Помпей встал на сторону этого дворняжки! Я сказал ему, что я думаю по этому поводу, потом посадил Ливию Друзиллу на первый же корабль – и в Афины.

Антоний слушал Нерона, вспоминая, как Цезарь относился к этому человеку. «*Inepite*» – самый мягкий эпитет, найденный для него Цезарем. Услышав больше, чем хотел сказать Нерон, Антоний понял, что тот прибыл в нору Секста Помпея и стал ходить везде, как петух, придирааться, критиковать и наконец сделался до того невыносимым, что Секст выгнал его. Трудно отыскать более несносного сноба, чем Нерон, а Помпеи были очень чувствительны к намекам на свое низкое пиценское происхождение.

– И что ты теперь намерен делать, Нерон? – спросил Антоний.

– Жить по средствам, кои безграничны, – резко ответил

Нерон, и выражение его смуглого, угрюмого лица стало еще более высокомерным.

– А твоя жена? – лукаво спросил Антоний.

– Ливия Друзилла хорошая жена. Она делает то, что ей скажут, чего не скажешь о Фульвии.

Типичный для Нерона выпад. Похоже, у него отсутствовал самоконтроль, предупреждающий, что о некоторых вещах лучше умолчать. «Я должен соблазнить ее, – в ярости подумал Антоний. – Что за жизнь она ведет, будучи замужем за этим *inepte!*»

– Приведи ее на обед сегодня вечером, Нерон, – весело предложил Антоний. – Считай это способом сэкономить – до утра не надо будет посылать твоего повара на рынок.

– Благодарю, – ответил Нерон, выпрямляясь во весь высоченный рост.

Придерживая левой рукой складки тоги, он торжественно удалился, оставив Антония в веселом настроении.

Вошел Планк с выражением ужаса на лице.

– *Edepol*, Антоний! Что здесь делает Нерон?

– Помимо того, что оскорбляет всех, кто попадает к нему на глаза? Готов спорить, он так вел себя у Секста Помпея, что ему указали на дверь. Можешь прийти сегодня на обед и получить удовольствие от его компании. Он приведет с собой жену, с которой они, наверное, два сапога пара. Кстати, а кто она?

– Его родственница, причем довольно близкая. Ее отцом

был некий Клавдий Нерон, усыновленный знаменитым плебейским трибуном Ливием Друзом, следовательно, ее зовут Ливия Друзилла. Нерон – сын родного брата Друза, Тиберия Нерона. Конечно, она наследница – в семье Ливия Друза куча денег. Когда-то Цицерон надеялся, что Нерон женится на его Туллии, но она предпочла Долабеллу. Плохой муж почти во всех отношениях, но, по крайней мере, он был веселым человеком. Разве ты не вращался в тех кругах, когда Клодий был жив?

– Вращался. И ты прав, Долабелла был очень компанейским. Но ведь не Нерон стал причиной твоего ужаса, Планк. Что случилось?

– Пакет из Эфеса. Мне тоже пакет, но твой от твоего родственника Каниния, так что в нем, наверное, больше новостей.

Планк с горящими от нетерпения глазами сел в кресло клиента напротив Антония, сидевшего за столом.

Антоний сломал печать, развернул письмо своего родственника и стал медленно читать, хмурясь и бормоча проклятия.

– Хорошо бы больше людей последовали примеру Цезаря и начали бы ставить точку над первой буквой нового слова. Я теперь это делаю. Так делают Поллион, Вентидий и, к сожалению, Октавиан. Это позволяет очень быстро прочитать даже длинный свиток.

Он вернулся к чтению, наконец вздохнул и положил пись-

мо.

– Как я могу быть одновременно в двух местах? – спросил он Планка. – Мне следовало находиться в провинции Азия, отражая атаки Лабиена, а вместо этого я вынужден сидеть ближе к Италии и держать легионы под рукой. Пакор вторгся в Сирию, и все мелкие царьки поспешили связать свою судьбу с парфянами, даже Ямвлих. Каниний говорит, что легионы Саксы сдались Пакору. Сакса был вынужден бежать в Апамею, а потом отплыл в Киликию. С тех пор никто о нем не слышал, но идет слух, что его брат был убит в Сирии. Лабиен спешит захватить Киликию Педию и восточную часть Каппадокии.

– И конечно, восточнее Эфеса легионов нет.

– Боюсь, и в Эфесе их не будет. Провинции Азия придется защищаться самой, пока я не разберусь с ситуацией в Италии. Я уже написал Канинию, чтобы он привел легионы в Македонию, – мрачно сказал Антоний.

– Это твое единственное намерение? – бледнея, спросил Планк.

– Определенно. Конец этого года я решил посвятить Риму, Италии и Октавиану, поэтому до конца года легионы будут стоять лагерем вокруг Аполлонии. Если станет известно, что они на Адриатике, Октавиан поймет, что я намерен раздавить его, как клопа.

– Марк, – простонал Планк, – все уже сыты по горло гражданской войной, а то, о чем ты говоришь, – это гражданская

война! Легионы не будут драться!

– Легионы будут драться за меня, – ответил Антоний.

Ливия Друзилла вошла в резиденцию наместника с при-
сущим ей спокойствием, полуприкрыв глаза, свое главное
украшение. Надо прятать их! Как всегда, она шла чуть поза-
ди Нерона, как полагается хорошей жене, а Ливия Друзилла
покаялась быть хорошей женой. Услышав о том, что сделал
Антоний с Фульвией, она дала себе слово, что никогда не
окажется в таком положении! Надеть доспехи и размахивать
мечом! Для этого нужно быть Гортензией, которая сдела-
ла это, только чтобы продемонстрировать лидерам Римского
государства, что женщины Рима, от высшего до низшего со-
словия, никогда не согласятся платить налоги со своих лич-
ных сбережений, раз они не имеют права голоса. В этом по-
единке Гортензия одержала бескровную победу, к большому
удивлению триумвиров – Антония, Октавиана и Лепида.

Нет, Ливия Друзилла не хотела быть мышкой. Она про-
сто притворялась существом маленьким, кротким и немно-
го робким. Она была очень честолюбива, но это ее качество
не получило должного развития, потому что она понятия не
имела, как его реализовать. Разумеется, честолюбие ее было
абсолютно римского образца, а именно: никакого неженско-
го поведения, никакого верховодства, никаких грубых мани-
пуляций. Не хотела она быть и еще одной Корнелией, мате-
рю Гракхов, которой иные женщины поклонялись как рим-

ской богине, потому что она много страдала, родила детей, видела их смерть, но никогда не жаловалась на судьбу. Нет, Ливия Друзилла чувствовала, что должен быть другой путь к высотам.

К сожалению, три года брака показали ей, что путь этот, несомненно, лежит не через Тиберия Клавдия Нерона. Как и у большинства девушек высокого происхождения, у нее не было возможности близко познакомиться с будущим мужем. Она только знала, что он ее двоюродный брат. За время их редких встреч она успела понять, что он глуп, и инстинктивно стала его презирать. Смуглая, она восхищалась мужчинами со светлыми волосами и голубыми глазами. Умная, она восхищалась умными людьми. Ни одним из этих качеств Нерон не обладал. Ей было пятнадцать лет, когда отец, Друз, выдал ее замуж за ее двоюродного брата Нерона. В доме, где она выросла, не было безнравственных картин на стенах или Приаповых ламп, которые могли бы кое-что поведать девушке о физической любви. Поэтому союз с Нероном вызывал в ней отвращение. Он тоже предпочитал светловолосых, голубоглазых любовниц. В жене его привлекали только ее знатное происхождение и состояние.

Но как избавиться от Тиберия Клавдия Нерона, если она намерена быть хорошей женой? Это невозможно, разве что кто-нибудь предложит ему более выгодный брак, а это казалось маловероятным. Уже в самом начале их семейной жизни она поняла, что Нерона не любили, его терпели только из-

за его патрицианского происхождения, дававшего ему право занимать любые официальные должности в Риме. И – о-о-о, как он надоел ей! Она слышала много рассказов о Катоне Утическом, злейшем враге Цезаря, о его бестактности, вздорном характере. Но в сравнении с Нероном он был просто небожителем. Не могла она любить и сына, которого родила Нерону через десять месяцев после свадьбы. Маленький Тиберий был смуглым, тощим, высоким, серьезным и даже в свои два года излучал самодовольство. У него появилась привычка критиковать мать, потому что, в отличие от большинства маленьких детей, он много времени проводил с отцом и слышал, как тот постоянно шпыняет ее. Ливия Друзилла подозревала, что Нерон предпочитает держать ее и маленького Тиберия при себе лишь для того, чтобы какой-нибудь красавчик с шармом Цезаря не посягнул на ее добродетель. Как это раздражало! Разве этот дурак не знал, что она никогда не унизит себя подобным образом?

Замкнутое существование, которое она вела, пока Нерон не отправился в свою катастрофическую поездку в Кампанию на стороне Луция Антония, не позволяло ей даже мельком взглянуть на кого-нибудь из знаменитых мужчин, о которых говорил весь Рим. Она не видела ни Марка Антония, ни Лепида, ни Сервилия Ватия, ни Гая Домиция Кальвина, ни Октавиана, ни даже Цезаря, умершего, когда ей было пятнадцать лет. Поэтому сегодняшний день вызывал интерес, хотя по ее поведению этого не было заметно. Она будет обе-

дать с Марком Антонием, самым могущественным человеком в мире!

Ее чуть не лишили этого удовольствия, когда Нерон узнал, что Антоний относится к тем беспутным людям, которые заставляют женщин возлежать рядом с ними на ложе.

– Либо моя жена будет сидеть на стуле, либо я уйду! – заявил Нерон с присущим ему тактом.

Если бы Антоний не нашел овальное личико жены Нерона очаровательным, ответом на этот ультиматум были бы хохот и пожелание счастливого пути. Но поскольку жена Нерона оказалась привлекательной, Антоний усмехнулся и приказал принести стул для Ливии Друзиллы. Когда стул принесли, он поставил его напротив своего места на ложе, но, так как на обеде присутствовали только трое мужчин, Нерон не мог протестовать против этого. Конечно, в этой ситуации он вынужден был смотреть на жену искоса, но главным свидетельством неотесанности Антония Нерон посчитал тот факт, что хозяин отправил Нерона в конец ложа, а в середине поместил это самодовольное ничтожество Планка.

Ливия Друзилла сняла плащ, и оказалось, что на ней желто-коричневое платье с длинными рукавами и высоким воротом, но ничто не могло скрыть очарования ее фигуры или ее безупречной кожи цвета слоновой кости. Густые, блестящие, черные как ночь волосы с фиолетовым отливом были зачесаны назад, закрывая уши, и собраны в узел на затылке. Лицо совершенно прелестное! Маленький сочный ротик,

огромные глаза, окаймленные длинными черными ресницами, румянец на щеках, небольшой с горбинкой нос, и все это вместе – совершенство. Как раз в тот миг, когда Антоний разозлился, что не может определить, какого цвета ее глаза, она подвинула стул, и тонкий луч солнца осветил их. О, поразительно! Они были темно-синие, но словно волшебный кристалл со светлыми золотистыми прожилками. Таких глаз он никогда еще не видел. Они внушали суеверный страх! «Ливия Друзилла, я мог бы проглотить тебя целиком!» – подумал он и приступил к выполнению задуманного – влюбиться в себя.

Но это оказалось невозможно. Она не была застенчивой, отвечала на все его вопросы прямо, хоть и сдержанно, не боялась при необходимости добавлять небольшие комментарии. Однако она не предлагала сама тему разговора и не сделала или не сказала ничего такого, в чем Нерон, с подозрением наблюдавший за ними, мог бы упрекнуть ее. Впрочем, все это не имело бы значения для Антония, заметь он хоть искру интереса к себе, а вот искры-то и не было. Будь он более проницательным человеком, то понял бы, что чуть заметная гримаса, время от времени мелькавшая на ее лице, говорит об отвращении.

Да, решила Ливия Друзилла, он способен избить жену, которая совершила ужасную ошибку, но не так, как Нерон, холодно, с расчетом. Нет, Антоний сделает это с яростью и потом, успокоившись, не будет сожалеть о своем поступке, ибо

ее преступление простить нельзя. Большинству мужчин он нравится, они будут лнуть к нему, а большинство женщин будут желать его. Жизнь в течение этих нескольких дней у Секста Помпея в Агригенте свела Ливию Друзиллу с простыми женщинами, и она многое узнала о любви, мужчинах и сексе. Оказалось, что женщины предпочитают мужчин с большими членами, потому что большой член быстрее доводит их до оргазма (она не знала, что это такое, но не спросила, опасаясь, что они будут смеяться над ней). Она понятия не имела, что Марк Антоний знаменит своим огромным детородным аппаратом. Но это не имело значения, поскольку она не нашла в Антонии ничего, что ей понравилось бы или восхитило бы ее. Особенно после того, как она поняла, что он изо всех сил старается вызвать у нее интерес к себе. Она почувствовала огромное удовлетворение, не ответив ему, и это стало для нее маленьким уроком, как женщина может обрести власть. Только не с Антонием, чья страсть мимолетна и незначительна.

– Что ты думаешь о великом человеке? – спросил Нерон, когда они шли домой, любуясь коротким ярким закатом.

Ливия Друзилла удивленно взглянула на мужа. Обычно он не спрашивал ее, что она думает о ком-то или о чем-то.

– Высокий по рождению, низкий по натуре, – ответила она. – Вульгарный невежа.

– Выразительно сказано, – одобрил он, довольный.

Впервые она посмела задать ему вопрос, относящийся к

политике.

– Муж мой, почему ты хранишь верность такому вульгарному невеже, как Марк Антоний? Почему не Цезарю Октавиану, во всех отношениях совершенно другому?

Нерон остановился, повернулся к жене и посмотрел на нее скорее удивленно, чем раздраженно.

– Происхождение перевешивает все. Антоний более знатного рода. Рим принадлежит людям со знаменитыми предками. Они, и только они имеют право занимать высокие государственные должности, управлять провинциями, вести войны.

– Но Октавиан – племянник Цезаря! Разве происхождение Цезаря не безупречно?

– О, у Цезаря было все: происхождение, ум, красота. Благороднейший из благородных патрициев. Даже его плебейская кровь была самой лучшей: мать из рода Аврелиев, бабушка из рода Марциев, прабабушка из рода Попилиев. А Октавиан – мошенник! Капля крови Юлиев, а остальное – помой. Кто такие Октавии из города Велитры? Абсолютно никто! Некоторые Октавии вполне уважаемые, но не те, что из Велитр. Один из прадедов Октавиана делал веревки, другой пек хлеб. Его дед был банкиром. Низко, низко! Его отец удачно женился во второй раз на племяннице Цезаря. Хотя и в ней кровь не чистая – ее отец был богатым ничтожеством, которое купило сестру Цезаря. В те дни у Юлиев не было денег, они вынуждены были продавать своих дочерей.

— А разве в племяннике не четверть крови Юлиев? — смело спросила Ливия Друзилла.

— Он внучатый племянник, этот маленький позер! Одна восьмая крови Юлиев. Остальная часть отвратительна! — рявкнул Нерон, теряя терпение. — Я не знаю, что заставило великого Цезаря выбрать низкорожденного мальчишку своим наследником, но в одном ты можешь быть уверена, Ливия Друзилла: я никогда не свяжусь с людьми, подобными Октавиану!

«Ну-ну, — подумала Ливия Друзилла, — вот почему так много аристократов Рима ненавидят Октавиана! С моим высоким происхождением я должна бы тоже ненавидеть его, но он заинтриговал меня. Он так высоко поднялся! Меня это восхищает, я могу его понять. Возможно, время от времени Рим должен создавать новых аристократов. Возможно даже, что великий Цезарь понимал это, когда составлял завещание».

Ливия Друзилла слишком упрощенно истолковала причины, побудившие Нерона принять сторону Марка Антония, но и рассуждения Нерона были столь же примитивными. Он был чересчур уязвимым. Сколько бы лет он ни проучился потом, умнее, чем в юности на службе у Цезаря, он не стал. Он был до такой степени туп, что не понимал, как сильно Цезарь его невзлюбил. С него как с гуся вода, сказали бы галлы. Когда в твоих жилах течет самая чистая кровь, какой изъясн может найти в тебе товарищ-аристократ?

Первый месяц пребывания Антония в Афинах был заполнен женщинами, но ни одна из них не стоила его драгоценного времени. Хотя было ли его время действительно ценным, если все, что он делал, не приносило плодов? Единственная хорошая новость из Аполлонии пришла с Квинтом Деллием, который сообщил, что его легионы прибыли на западный берег Македонии и заняли хорошую позицию в месте с довольно благоприятным климатом.

Почти сразу после Деллия появился Луций Скрибоний Либон, сопровождавший женщину, которая, конечно, не могла улучшить настроение Антония, – его мать.

Она ворвалась в его кабинет, теряя на ходу шпильки, соря семенами для птиц, которых служанка несла в клетке, и нитками из длинной бахромы, пришитой какой-то сумасшедшей портнихой к краям ее меховой накидки. Ее волосы висели прядями, теперь уже седыми, а не золотистыми, но глаза оставались такими же, какими их помнил ее сын, – вечно исторгающими слезы.

– Марк, Марк! – воскликнула она, кидаясь ему на грудь. – О мой дорогой мальчик, я думала, что больше не увижу тебя! Какое ужасное время я пережила! Жалкая комнатуха на вилле, где день и ночь раздавались всякие непристойные звуки! Улицы оплеванные, залитые содержимым ночных горшков! Кровать, по которой ползают клопы, помыться негде...

Антоний наконец смог усадить ее в кресло и успокоить

настолько, насколько кому-либо удавалось успокоить Юлию Антонию. Только когда слезы немного стихли, у него появилась возможность увидеть, кто вошел следом за ней. Ах! Подхалим из подхалимов, Луций Скрибоний Либон. Он не был сторонником Секста Помпея — он связался с ним, чтобы из кислого подвоя получить сладкий виноград. Невысокого роста и худощавого телосложения, с лицом, которое выдавало звериную натуру: цепкий, робкий, честолюбивый, неуверенный, эгоистичный. Ему выпал шанс, когда старший сын Помпея Великого влюбился в его дочь и развелся с Клавдией Пульхрой, чтобы жениться на ней. Воспользовавшись ситуацией, Либон обязал Помпея Великого возвысить его, как приличествует тестю его сына. Затем, когда Гней Помпей погиб вслед за отцом, Секст, младший сын, женился на его вдове. Так Либон стал командовать морским флотом и теперь действовал как неофициальный посол своего хозяина, Секста. Женщины из рода Скрибониев удачно выходили замуж. Сестра Либона дважды была замужем за богатыми, влиятельными людьми, причем один раз за патрицием Корнелием, от которого родила дочь. Хотя Скрибонии давно стукнуло тридцать и она дважды осталась вдовой, Либон не терял надежды найти ей третьего мужа. Симпатичная, может рожать, приданое в двести талантов. Да, его сестра Скрибония снова выйдет замуж.

Однако женщины Либона не интересовали Антонию. Его беспокоил сам Либон.

– Зачем ты привез ее ко мне? – спросил Антоний.

Либон широко открыл глаза, раскинул руки:

– Мой дорогой Антоний! Куда еще мне было ее везти?

– Ты мог отправить ее в Рим, у нее там дом.

– Она закатила такую истерику, что мне пришлось выводить из комнаты Секста Помпея, иначе бы он ее убил. Поверь мне, она не желала ехать в Рим, все время кричала, что Октавиан казнит ее за измену.

– Казнит родственницу Цезаря? – недоверчиво переспросил Антоний.

– А почему нет? – с невинным видом спросил Либон. – Он же внес в проскрипционные списки Луция, брата твоей матери.

– Мы с Октавианом сделали это вместе! – резко заметил Антоний. – Но мы не казнили его! Нам нужны были его деньги, вот и все. У моей матери денег нет. Ей ничего не угрожает.

– Вот ты и скажи ей об этом! – раздраженно крикнул Либон.

В конце концов, он терпел ее во время долгого вояжа. С него хватит.

Если бы кто-то из них подумал посмотреть на нее, то увидел бы, что полные слез голубые глаза полны также и хитрости и что уши, украшенные огромными серьгами, чутко ловят каждое произнесенное слово. Юлия Антония могла быть монументально глупой, но она очень заботилась о сво-

ем благополучии и была убеждена, что ей намного лучше будет жить со старшим сыном, чем торчать в Риме, оставшись без дохода.

К этому времени прибыли управляющий и несколько перепуганных служанок. Не обратив внимания на их подобострастный ужас, Антоний с радостью передал им свою мать, попутно уверяя ее, что не собирается отсылать ее в Рим. Наконец трудное дело было сделано, и в кабинете воцарился мир. Антоний вернулся в кресло и с облегчением вздохнул.

– Вина! Хочу вина! – крикнул он, вдруг вскакивая. – Либон, красного или белого?

– Спасибо, хорошего крепкого красного. Без воды. Воды я столько видел за последние три нундины, что мне хватит на всю оставшуюся жизнь.

Антоний усмехнулся:

– Понимаю. Сопровождать мою мать небольшое удовольствие. – Он налил бокал до краев. – Вот, это должно помочь. Хиосское, десятилетней выдержки.

Молчание длилось, пока двое пьяниц с удовольствием поглощали вино, уткнув носы в бокалы.

– Так что же привело тебя в Афины, Либон? – спросил Антоний, прерывая молчание. – И не говори, что это моя мать.

– Ты прав. Твоя мать просто удобный предлог.

– Не для меня, – прорычал Антоний.

– Я хотел бы знать, как ты это делаешь, – весело поинтере-

совался Либон. – Когда ты просто говоришь, у тебя высокий и негромкий голос. Но в один миг ты можешь превратить его в низкий горловой рык.

– Или рев. Ты забыл про рев. И не спрашивай меня, как я это делаю. Я не знаю. Просто так получается. Если хочешь услышать рев, продолжай уклоняться от ответа на мой вопрос.

– Э-э, нет, не хочу. Но если мне будет позволено вернуться к проблеме твоей матери, я советую дать ей много денег, чтобы она пробежалась по лучшим магазинам Афин. Сделай так, и ты больше не увидишь и не услышишь ее. – Либон с улыбкой наблюдал за пузырьками вина на краях бокала. – Как только она узнала, что твой брат Луций прощен и послан в Дальнюю Испанию с полномочиями проконсула, с ней стало легче иметь дело.

– Так почему ты здесь? – снова спросил Антоний.

– Секст Помпей посчитал, что нам следует встретиться.

– Правда? С какой же целью?

– Образовать союз против Октавиана. Вы двое сделаете из Октавиана фарш.

Поджав губы, Антоний отвел глаза.

– Союз против Октавиана... Заклинаю, скажи мне, Либон, почему я, один из трех правителей, назначенных сенатом и народом Рима для восстановления республики, должен вступить в союз с каким-то пиратом?

Либон поморщился:

– Секст Помпей – наместник Сицилии в полном соответствии с *mos maiorum*! Он не считает законным ни триумvirат, ни проскрипционный эдикт, по которому он безвинно объявлен вне закона, не говоря уже о конфискации имущества! Его действия на море – это лишь средство убедить сенат и народ Рима, что его осудили несправедливо. Отмените приговор, снимите запреты, и Секст Помпей перестанет, э-э, пиратствовать.

– И он думает, что я выступлю в сенате с предложением реабилитировать его, восстановить в правах в обмен на помощь в борьбе с Октавианом?

– Именно так, да.

– Насколько я понимаю, он предлагает начать открытую войну, и лучше прямо завтра?

– Ну-ну, Марк Антоний, все ведь знают, что вы с Октавианом рано или поздно столкнетесь! А поскольку из вас двоих – Лепида я в счет не беру – ты имеешь *imperium maius* над девятьюдесятью Римской империи и контролируешь ее легионы и ее доходы, что еще может случиться в результате вашего столкновения, как не полномасштабная война? Более пятидесяти последних лет история Римской республики – это одна гражданская война за другой, и ты действительно веришь, что Филиппы – это конец? – Либон говорил тихо, с невозмутимым лицом. – Секст Помпей устал быть *hostis*. Он хочет получить то, что принадлежит ему по праву, – восстановление гражданства, разрешение наследовать имущество

его отца, Помпея Магна, возврат этого имущества, консульство и права проконсула в Сицилии навсегда. — Либон пожал плечами. — Есть еще кое-что, но пока достаточно, я думаю.

— И в ответ на все это?

— Контролировать моря будет твой союзник. Простите заодно Мурка, и у тебя будет и его флот. Агенобарб говорит, что он сам по себе, хотя тоже такой же пират. Секст Помпей также гарантирует тебе бесплатное зерно для легионов.

— Он требует от меня выкуп.

— Это «да» или «нет»?

— Я не заключаю договоров с пиратами, — сказал Антоний обычным голосом. — Однако ты можешь сказать твоему хозяину, что, если мы встретимся на море, я надеюсь, он пропустит меня, куда бы я ни направлялся. Если он сделает так, мы посмотрим.

— Скорее «да», чем «нет».

— Скорее ничего, чем что-то, — на данный момент. Мне не нужен Секст Помпей, чтобы раздавить Октавиана, Либон. Если Секст думает, что он нужен, он ошибается.

— Если ты решишь переправлять свои легионы из Македонии в Италию по Адриатике, Антоний, тебе ни к чему помехи в виде чужого флота.

— Адриатика — это участок Агенобарба, и он мне не мешает. Я его не боюсь.

— Значит, Секст Помпей не может назвать себя твоим союзником? Ты не выступишь в сенате в его защиту?

– Конечно нет, Либон. Самое большее, на что я соглашусь, – это не ловить его. Если бы я охотился за ним, то исколошматил бы его. Скажи ему, что бесплатное зерно он может оставить себе, но я хочу, чтобы он продал зерно для моих легионов по обычной оптовой цене – пять сестерциев за модий, и ни драхмой больше.

– Это невыгодная сделка.

– Ставить условия могу я, а не Секст Помпей.

«Уж не заупрямился ли он потому, что теперь у него мать на шее? – думал Либон. – Я говорил Сексту, что это плохая идея, но он не слушал».

В комнату вошел Деллий под руку еще с одним подхалимом, Сентием Сатурнином.

– Взгляни, кто приехал с Либоном из Агригента! – радостно крикнул Деллий. – Антоний, у тебя еще осталось то хиосское красное?

– Тьфу! – плюнул в сердцах Антоний. – Где Планк?

– Здесь я, Антоний! – откликнулся Планк, подходя, чтобы обнять Либона и Сентия Сатурнина. – Здорово, правда?

«Очень здорово, – кисло подумал Антоний. – Четыре порции сиропа».

Марш его армии к Адриатическому побережью Македонии начался просто как демонстрация, чтобы напугать Октавиана. Отказавшись от мысли воевать с парфянами, пока не наскребет денег, Антоний сначала хотел оставить свои

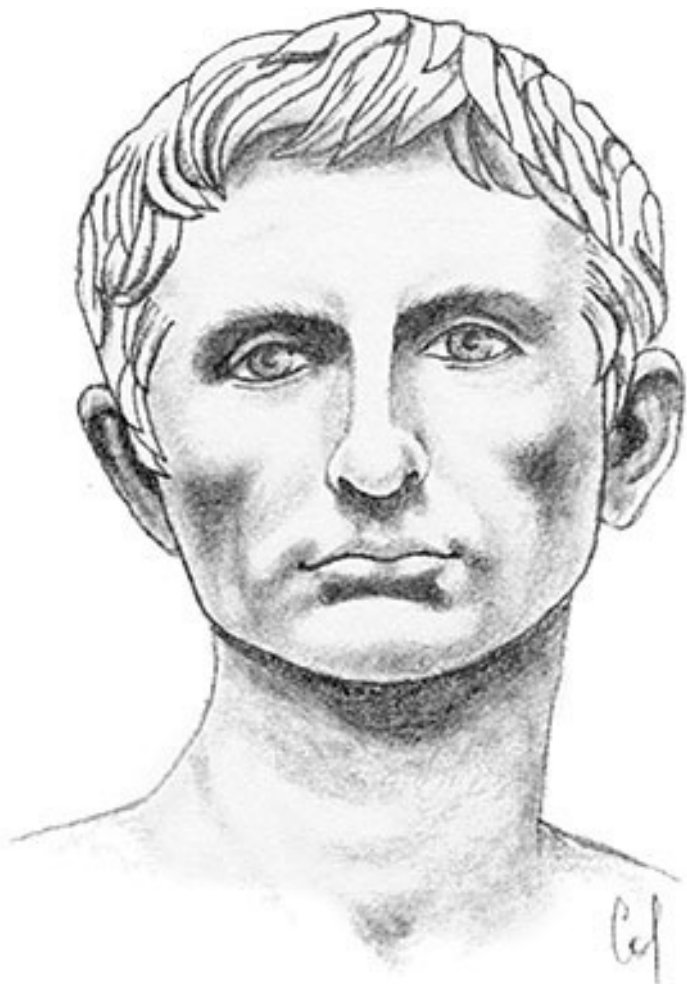
легионы в Эфесе, но визит в Эфес изменил его намерение. Каниний был слишком слаб, чтобы контролировать столько старших легатов, если рядом не будет Антония. Кроме того, идея напугать Октавиана была очень заманчивой, и противостоять такому искушению он не мог. Все были того мнения, что вот-вот разразится война между двумя триумвирами. Но Антоний оказался перед дилеммой. Не покончить ли с Октавианом прямо сейчас? Эта кампания будет дешевой, и у него имелось достаточно кораблей для перевозки легионов по морю домой, где он мог пополнить свои войска легионерами Октавиана, а также забрать у Поллиона и Вентидия их четырнадцать легионов! И еще десять в случае поражения Октавиана. А все, что он найдет в казначействе, пойдет в его военную казну.

И все-таки Антоний колебался... Когда выяснилось, что совет Либона насчет Юлии Антонии сработал и она исчезла с его горизонта, Антоний слегка расслабился. Его афинское ложе было удобным, а что касается армии в Аполлонии... Время покажет, что ему делать. Он не подумал, что, откладывая это решение, он возвещал всему миру, что планов на будущее у него нет.

II

Октавиан на Западе

41 г. до Р.Х. – 40 г. до Р.Х.

GAIUS JULIUS CAESAR OCTAVIANUS

Гай Юлий Цезарь Октавиан

Она выглядела такой старой и усталой, его любимая госпожа Рома. С вершины холма Велия Октавиан смотрел на Римский форум и дальше – на Капитолийский холм. Если бы он взглянул в другую сторону, то увидел бы болото, тянувшееся вдоль Священной дороги до Сервиевой стены.

Октавиан любил Рим со страстью, несвойственной его натуре, склонной к холодности и отстраненности. Он считал, что богиня Рома не имела соперников на всем земном шаре. Как он ненавидел, когда кто-нибудь говорил, что Афины затмевают Рим, как солнце затмевает луну, что Пергам на своих высотах намного красивее, что по сравнению с Александрией Рим выглядит как галльский оппид! Разве город виноват в том, что храмы пришли в упадок, государственные здания покрылись копотью, площади и сады заброшены? Нет, вина лежит на правителях, ибо они больше заботятся о своей репутации, чем о Риме, которому обязаны всем. Рим заслу-

живает лучшей участи, и, если это будет зависеть от Октавиана, участь эта будет самой завидной. Конечно, были исключения: великолепная базилика Юлия, которую построил Цезарь, его форум – настоящий шедевр; базилика Эмилия, табуларий Суллы. Но даже на Капитолии многие храмы, взять хотя бы храм Юноны Монеты, отчаянно нуждались в покраске. От яиц и дельфинов Большого цирка до алтарей и фонтанов на перекрестках – все запущено: бедная богиня Рома походила на знатную даму, чьи лучшие дни давно миновали.

«Если бы у нас была хоть десятая часть тех денег, что римляне тратят на войну друг с другом, Риму не было бы равных по красоте, – думал Октавиан. – Куда уходят средства?» Этот вопрос он часто задавал себе и ответ мог дать только предположительный. Деньги шли в кошельки солдат, которые либо потратят их на бесполезные вещи, либо будут копить, а еще в кошельки производителей и торговцев, которым выгодны войны, и в кошельки тех самых людей, что развязывают эти войны.

«Но если последнее верно, – удивлялся Октавиан, – почему я не имею никакой выгоды?

Взять хоть Марка Антония. Он украл сотни миллионов, большую часть которых потратил на свои причуды, а не на уплату легионам. А сколько миллионов он передал своим так называемым друзьям, чтобы выглядеть великодушным? Да, я тоже украл – я взял военную казну Цезаря. Если бы я этого не сделал, сегодня я был бы уже мертв. Но, в отличие от Ан-

тония, я никогда не бросаю денег на ветер. То, что я трачу из моего спрятанного клада, идет, надеюсь, на благое дело, поскольку я содержу армию агентов. Без них мне не жить.

Трагедия в том, что ни сестерция из тех денег я не смею потратить на сам Рим. Большая часть уходит на премии легионам. Эта бездонная яма, вероятно, имеет лишь одно ценное качество: она более равномерно распределяет личное богатство, чем в старые времена, когда плутократов можно было сосчитать по пальцам на обеих руках, а солдаты не имели достаточного дохода, чтобы принадлежать даже к пятому классу. Теперь положение изменилось».

Форум вдруг расплылся перед ним – на глазах выступили слезы. «Цезарь, о Цезарь! Как многому еще я мог бы научиться у тебя, если бы ты был жив! Это Антоний дал им возможность убить тебя – он принимал участие в заговоре, я нутром чувствую. Полагая, что он наследник Цезаря, и отчаянно нуждаясь в его огромном состоянии, он не устоял против уговоров Требония и Децима Брута. Другой Брут и Кассий были пешками, их привлекли просто для солидности. Как многие до него, Антоний жаждет быть Первым человеком в Риме. Если бы не было здесь меня, был бы он. Но я здесь, и он боится, что я возьму себе этот титул, как взял имя и деньги Цезаря. И правильно боится. Бог Цезарь – Divus Julius – на моей стороне. Если Риму суждено процветать, я обязан выиграть эту борьбу! Но я поклялся никогда не воевать против Антония, и я сдержу клятву».

Легкий ветер трепал его золотистые густые волосы. Сначала люди узнавали волосы и только потом их обладателя. Обычно они смотрели на него сердито. На триумвира, оставшегося в Риме, падала вина за трудные времена – дорогой хлеб, отсутствие разнообразия продуктов питания, высокие ренты, пустые кошельки. Но на каждый злобный взгляд он отвечал улыбкой Цезаря, и это средство было таким мощным, что люди тоже начинали улыбаться.

В отличие от Антония, который даже в Риме любил появляться на улицах в доспехах, Октавиан всегда носил тогу с пурпурной каймой. В тоге он был невысокого роста, изящный, элегантный. Дни, когда он носил башмаки на толстой подошве, чтобы казаться выше, ушли в прошлое. Рим признал его наследником Цезаря, и многие звали его так, как он называл себя, – *Divi Filius*, божественный сын. При всей непопулярности это оставалось его большим преимуществом. Мужчины могли сердито смотреть на него и ворчать, но мамы и бабушки ворковали и захлебывались от восторга. Октавиан был слишком умным политиком, чтобы не принимать в расчет влияние мам и бабушек.

От холма Велия он прошел через покрытые лишайником древние колонны Мугонских ворот и спустился с Палатинского холма по менее фешенебельной стороне. Его дом когда-то принадлежал известному адвокату Квинту Гортензию Горталу, сопернику Цицерона в суде. Антоний обвинил его сына в смерти своего брата Гая и внес его имя в проскрип-

ционные списки. Но для молодого Гортензия это не имело значения, поскольку его уже убили в Македонии, а тело бросили на памятник Гаю Антонию. Как и большинство римлян, Октавиан хорошо знал, что Гай Антоний был настолько некомпетентен, что его кончина положительно стала божьим благословением.

Дом Гортензия был просторным и роскошным, хотя по размерам сильно уступал дворцу Помпея Великого в Каринах. Тот дворец захватил Антоний. Когда Цезарь узнал об этом, он заставил своего родственника заплатить за него. После смерти Цезаря выплаты прекратились. Но Октавиан не любил показной роскоши. Ему было достаточно такого дома, который мог быть и конторой, и жилищем. Дом Гортензия он приобрел на аукционе за два миллиона сестерциев – часть его реальной стоимости. Такие вещи нередко случались на проскрипционных аукционах, где одновременно продавалось много имущества граждан первого класса.

На фешенебельной стороне Палатина все дома соперничали друг с другом за вид на Римский форум, но Гортензий был к этому равнодушен. Он нуждался в пространстве. Известный любитель рыб, он вырыл огромные пруды для золотых и серебристых карпов, а лужайки и сады больше напоминали загородные поместья за Сервиевой стеной, такие как дворец, построенный Цезарем для Клеопатры у подножия Яникула. Сады этого дворца были легендарны.

Дом Гортензия стоял на пятидесятифутовом утесе с ви-

дом на Большой цирк, где в дни триумфальных шествий или колесничных гонок более ста пятидесяти тысяч римских граждан занимали дешевые места, кричали от восторга и приветствовали участников. Не взглянув в сторону цирка, Октавиан вошел через сад с прудами и проследовал в приемную, которой Гортензий никогда не пользовался, поскольку был уже болен, когда пристраивал ее к дому.

Октавиану нравился план дома. Кухни и комнаты для слуг, а также уборные и ванные комнаты для них были в отдельном помещении. Ванные комнаты и уборные для владельца дома, его семьи и гостей располагались внутри главного здания и сделаны были из бесценного мрамора. Как в большинстве домов на Палатине, они располагались над подземным потоком, который впадал в огромные сточные трубы Большой клоаки. Для Октавиана это стало главной причиной покупки дома. Он был очень стеснительным, особенно когда дело касалось отправления естественных потребностей. Никто не должен ни видеть, ни слышать того, что он делает! Например, во время мытья, а он непременно принимал ванну хотя бы раз в день. Поэтому военные кампании были для него пыткой, которую помогал переносить только Агриппа, при необходимости обеспечивая ему уединение. Октавиан и сам не знал, почему он так чувствителен к этому, ведь он хорошо сложен: разве что без надлежащей одежды мужчины уязвимы.

Его встретил обеспокоенный слуга. Октавиан не терпел

ни пятнышка на тунике или тоге, поэтому жизнь человека, постоянно имевшего дело с мелом и уксусом, была нелегкой.

– Да, можешь взять тогу, – с отсутствующим видом произнес Октавиан, сбрасывая ее на пол, и вышел во внутренний сад перистилия с самым красивым фонтаном в Риме.

Фонтан был украшен скульптурной группой, изображавшей Амфитриона в раковине-колеснице, запряженной вздыбленными конями с рыбьими хвостами. Статуя была изумительная, как живая. Волосы водяного бога были из водорослей, они мерцали и отдавали зеленыю, а кожа представляла собой сетку из крошечных серебристых чешуек. Скульптура стояла в середине круглого пруда, чей бледно-зеленый мрамор, купленный в новых каменоломнях в Каррах, стоил Гортензию десять талантов.

Через бронзовые двери с барельефом, изображавшим Лапифа и кентавров, Октавиан вошел в холл, с одной стороны которого находился кабинет, с другой – столовая. Оттуда он проследовал в огромный атрий с имплювием, куда из четырехугольного отверстия стекала с крыши дождевая вода, мерцавшая, как зеркало, от солнечных лучей, льющихся сверху. И наконец, еще через одни бронзовые двери он вышел в лоджию – широкий открытый балкон. Гортензию нравилась идея живой беседки, укрывающей от палящих солнечных лучей. Он поставил несколько стоек над частью балкона и посадил виноград. С годами лоза разрослась и обвила раму гирляндами. В это время года беседка была усыпана

свисающими гроздьями бледно-зеленых ягод.

Четыре человека сидели в больших креслах вокруг низкого стола. Пятое кресло, завершающее круг, было не занято. На столе стояли два кувшина и несколько чаш из простой арвернской керамики – никаких золотых кубков или графинов из александрийского стекла для Октавиана! Кувшин с водой был больше кувшина с вином, очень легким искристым белым вином из Альбы Фуценции. Ни один знаток не скривился бы презрительно, ибо Октавиан всегда угощал всем самым лучшим. Он только не любил экстравагантность и заграничные товары. «Продукция Италии, – говорил он всем, кто готов был слушать, – превосходна, так зачем быть снобом и хвастать вином с Хиоса, коврами из Милета, крашеной шерстью из Иераполиса, гобеленами из Кордубы?»

Мягко ступая, Октавиан незаметно подошел и встал на пороге, чтобы понаблюдать за ними, его «советом старейшин», как в шутку называл их Меценат, ибо старшему из них, Квинту Сальвидиену, был всего тридцать один год. Этим четверым, и только им, Октавиан поверял свои мысли, хотя и не все. Эта привилегия принадлежала Агриппе, его сверстнику и названому брату.

Марк Випсаний Агриппа, двадцати двух лет, являл собой образец римского аристократа. Высокий, как Цезарь, мускулистый, худощавый, с необычным, но красивым лицом. Нависшие брови, твердый подбородок, суровый рот. Густые

ресницы прикрывали глубоко посаженные глаза, поэтому не сразу можно было разглядеть, что они карие. Но происхождение его было низким, и по этому поводу Тиберий Клавдий Нерон фыркал: кто когда-нибудь слышал о семействе Випсаниев? Самнит, если не уроженец Апулии или Калабрии. В общем, итальянская накипь. Только Октавиан по достоинству оценил глубину и широту его интеллекта, способного руководить армиями, строить мосты и акведуки, изобретать разные приспособления и инструменты для облегчения труда. В этом году он был городским претором в Риме, ответственным за все гражданские судебные иски и распределение уголовных дел по судам. Тяжелая работа, но недостаточно тяжелая, чтобы удовлетворить Агриппу, который еще взял на себя часть обязанностей эдилов. Предполагалось, что эти достойные люди заботятся о зданиях и учреждениях Рима. Считая их паршивым сборищем лентяев, он взял под контроль водное снабжение и канализацию, к большому неудовольствию компаний, с которыми город заключал контракты по их обслуживанию. Он собирался обновить канализационную систему так, чтобы сточные трубы не заливали при подъемах Тибра, но боялся, что в текущем году эту проблему устранить не удастся, поскольку сначала надо нанести на карту многомильную сеть труб и дренажных канав. Однако ему удалось многое исправить на акведук Марция, считавшемся самым надежным. Начать строительство нового акведука Юлия. Водоснабжение Рима было лучшим в

мире, но население города росло, а времени оставалось мало.

Агриппа был до конца человеком Октавиана, но преданным не слепо, а по наитию. Он знал слабости Октавиана и его сильные стороны и заботился о нем, как Октавиан никогда не заботился о себе. Об амбициях и речи быть не могло. В отличие почти от всех «новых людей», Агриппа ясно понимал, что это Октавиан, в силу своего высокого рождения, должен иметь власть. Его же роль – роль верного Ахата, и он всегда будет с Октавианом, который возвысит его, несмотря на скромное происхождение. Есть ли лучшая судьба, чем быть вторым человеком в Риме? Для Агриппы это было больше, чем заслуживал любой «новый человек».

Гай Цильний Меценат, тридцати лет, происходил из древнейшего этрусского рода. В его семье были правители Арретия, оживленного речного порта в излучине реки Арн, где сходятся Анниева, Кассиева и Клодиева дороги из Рима в Италийскую Галлию. По причинам, известным только ему, он отбросил свое родовое имя Цильний и стал называться просто Гай Меценат. Легкая полнота выдавала его сибаритские наклонности, хотя при необходимости он мог предпринять изнурительную поездку по поручению Октавиана. Лицом он немного напоминал лягушку, из-за бледно-голубых навывкате глаз – греки называли такую особенность экзофтальмией.

Известный острослов и рассказчик, Меценат, как и Агриппа, обладал широким и глубоким умом, но другого

свойства: он любил литературу, искусство, философию, риторику и коллекционировал не древние диковины, а новых поэтов. Агриппа шутил, что Меценат не умеет затеять пьяную драку в борделе, но знает, как ее прекратить. Более красноречивого и убедительного оратора, чем Меценат, было не найти, как и человека, более подходящего для интриг и заговоров в полумраке, за курульным креслом. Подобно Агриппе, он связал свою судьбу с возвышением Октавиана, хотя его мотивы не были такими чистыми, как мотивы Агриппы. Меценат был теневой фигурой, дипломатом, вершителем судеб. Он мог мгновенно выявить полезный для него изъян и своими медовыми словами нанести рану похуже, чем кинжалом. Меценат был опасный человек.

Квинт Сальвидиен, тридцати одного года, был родом из Пицены, этого рассадника демагогов и нарушителей политического спокойствия, откуда явились такие звезды, как Помпей Великий и Тит Лабий. Но свои лавры он завоевал не на Римском форуме, а в боях. Симпатичное лицо, стройная фигура, копна ярко-рыжих волос – из-за которых получил когномен Руф – и пронизательные, зоркие голубые глаза. У него были огромные амбиции, и свою карьеру он связал с хвостом кометы Октавиана, посчитав это кратчайшим путем вверх. Время от времени пиценский нрав давал о себе знать: а не переметнуться ли ему на другую сторону, если это будет благоразумным? В планы Сальвидиена не входило оказаться на стороне проигравшего, и иногда он сомневался в том, что

Октавиан обладает всем необходимым для победы в предстоящей борьбе. Благодарность не входила в число его добродетелей, а уж верность и подавно, но он скрывал это столь искусно, что Октавиан ничего такого не подозревал. Сальвидиен старался быть осторожным, но порой он опасался, не раскусил ли его Агриппа, так что в присутствии Агриппы он тщательно следил за своими словами и поступками. Что касается Мецената – кто знал, о чем догадывается этот елейный аристократ?

Тит Статилий Тавр, двадцати семи лет, был среди них наименее значительной фигурой, и потому его не посвящали подробно в планы Октавиана. Военный человек, он и выглядел соответственно: высокий, крепко сбитый, на лице следы сражений – изуродованное левое ухо, рассеченные левая бровь и щека, сломанный нос. Однако он был красивым, светловолосым, сероглазым, улыбчивым, из-за чего было трудно поверить, что он был строгим и придирчивым командиром. Он с отвращением относился к гомосексуализму и не потерпел бы этого среди своих подчиненных, какого бы происхождения они ни были. Как солдат, он стоял ниже Агриппы и Сальвидиена, но не намного. Ему не хватало их умения импровизировать. В его верности сомнений не было, главным образом потому, что Октавиан поразил его. Неоспоримые таланты и способности Агриппы, Сальвидиена и Мецената были ничто по сравнению с гением наследника Цезаря.

– Приветствую вас, – сказал Октавиан, подходя к незаня-

тому креслу.

Агриппа улыбнулся:

– Где ты был? Любовался госпожой Ромой, Форумом или Авентинским холмом?

– Форумом. – Октавиан налил воды, с жадностью выпил и вздохнул. – Я думал, что надо сделать, чтобы привести Рим в порядок, когда у меня будут деньги.

– Планы могут так и остаться планами, – скривив губы, заметил Меценат.

– Правильно. Все-таки, Гай, ничто даром не пропадает. То, что я спланирую сейчас, не надо будет планировать потом. Кто слышал, что собирается делать наш консул Поллион? А Вентидий?

– Прячутся в восточной части Италийской Галлии, – ответил Меценат. – Ходят слухи, что вскоре они отправятся на Адриатическое побережье, чтобы помочь Антонию высадить на берег его легионы, скопившиеся вокруг Аполлонии. Если придется сражаться против семи легионов Поллиона, семи легионов Вентидия и десяти легионов Антония, мы обязательно проиграем.

– Я не буду воевать против Антония! – вскричал Октавиан.

– Тебе нет необходимости воевать, – усмехнулся Агриппа. – Их люди не будут драться с нашими, готов ручаться головой.

– Я согласен, – сказал Сальвидиен. – Люди уже устали ве-

сти войны, которых они не понимают. В чем для них разница между племянником Цезаря и его кузеном? Когда-то они принадлежали Цезарю. Это все, что они помнят. Благодаря привычке Цезаря перемещать своих солдат из легиона в легион они отождествляют себя с Цезарем, а не с легионом.

– Они поднимали мятежи, – упрямо напомнил Меценат.

– Только девятый легион восставал против самого Цезаря из-за дюжины продажных центурионов, которым платили дружки Помпея Магна. В остальном повинен Антоний. Это он подначивал их, и никто больше! Он спаивал центурионов и покупал их представителей. Всячески обрабатывал солдат! – с презрением бросил Агриппа. – Антоний – сущее наказание, а не политический гений. Никакой проницательности. Почему еще он хочет высадить своих людей в Италии? Это бессмысленно! Ты объявлял ему войну? Или Лепид? Он это делает, потому что боится тебя.

– Антоний не большее наказание, чем Секст Помпей Магн Пий, если называть его полным именем, – сказал Меценат и засмеялся. – Я слышал, что Секст послал папу-тестя Либона в Афины попросить Антония присоединиться к нему, чтобы сокрушить тебя.

– Как ты узнал об этом? – выпрямившись в кресле, строго спросил Октавиан.

– Как Улисс, я везде имею шпионов.

– Я тоже, но этого я не знал. И что ответил Антоний?

– Вроде как «нет». Никакого официального союза, но он

не будет мешать Сексту вредить тебе.

– Как тактично с его стороны. – Красивое лицо насупи-лось, взгляд стал напряженный. – Хорошо, что я дал Лепиду шесть легионов и послал его управлять Африкой. Антоний слышал об этом? Мои агенты говорят, что не слышал.

– Мои тоже, – сказал Меценат. – Антонию это не понравится, Цезарь, я уверен. Когда Фангона убили, Антоний думал, что Африка уже в складке его тоги. Кто берет в расчет Лепида? Но теперь, когда новый наместник тоже мертв, Лепид выступит на сцену. С четырьмя легионами в Африке и шестью, которые он взял с собой, Лепид стал сильным игроком.

– Я знаю об этом! – резко прервал его раздраженный Октавиан. – Но Лепид ненавидит Антония больше, чем меня. Он пошлет зерно в Италию этой осенью.

– Без Сардинии нам оно необходимо, – заметил Тавр.

Октавиан посмотрел на Агриппу:

– Поскольку у нас нет кораблей, нам нужно начать строить их. Агриппа, я хочу, чтобы ты сложил полномочия городского претора и объехал вокруг полуострова, от Тергесты до Лигурии. Собери хорошие, прочные военные галеры. Чтобы побить Секста, нам нужен флот.

– Чем мы за них заплатим, Цезарь? – удивился Агриппа.

– Всем, что осталось под досками.

Загадочный ответ не имел смысла для остальных троих, но был ясен Агриппе, который кивнул. «Доски» – это было

кодовое слово, используемое Октавианом и Агриппой, когда они говорили о военной казне Цезаря.

– Либон привез Сексту отказ, и Секст, э-э, обиделся, не настолько, конечно, чтобы докучать Антонию, но тем не менее, – сказал Меценат. – Антоний в Афинах не сумел расположить к себе Либона, поэтому теперь Либон враг, капающий яд об Антонии в ухо Сексту.

– Что именно задело Либона? – с интересом спросил Октавиан.

– Поскольку Фульвии больше нет, я думаю, он надеялся обеспечить третьего мужа своей сестре. Существует ли лучший способ скрепить союз, чем брак? Бедный Либон! Мои шпионы говорят, что он закидывал удочку и так и эдак. Но рыба не ловилась, и Либон отправился обратно в Агригент разочарованный.

– Хм... – Золотые брови соединились, густые светлые ресницы закрыли удивительные глаза Октавиана. Вдруг он ударил себя по коленям, что-то решив. – Меценат, собирайся! Ты отправляешься в Агригент к Сексту и Либону.

– С какой целью? – спросил Меценат, недовольный поручением.

– С целью заключить перемирие с Секстом, которое позволит Италии покупать зерно этой осенью по разумной цене. Ты сделаешь все, что необходимо, чтобы выполнить поручение, это понятно?

– Даже если встанет вопрос о браке?

– Даже если.

– Ей ведь за тридцать, Цезарь. Есть дочь, Корнелия, уже достигшая брачного возраста.

– Мне все равно, сколько лет сестре Либона! Все женщины сделаны одинаково, так какая разница, сколько им лет? По крайней мере, за ней не тянется репутация шлюхи, как за Фульвией.

Никто не прокомментировал тот факт, что после двух лет брака дочь Фульвии была отослана обратно матери нетронутой. Октавиан женился на девушке, чтобы умиротворить Антония, но не прикоснулся к ней. Однако с сестрой Либона так обойтись нельзя. Октавиан вынужден будет делить с ней ложе, и желательно с результатом. В половом вопросе он был таким же ханжой, как Катон, так что стоило вознести молитву, чтобы Скрибония не оказалась безобразной или распущенной. Все смотрели в пол, выложенный плитками в шахматном порядке, делая вид, что они глухие, немые и слепые.

– Что, если Антоний попытается высадиться в Брундизии? – спросил Сальвидиен, чтобы сменить тему.

– Брундизий очень хорошо укреплен, он не пропустит в гавань за заградительную цепь ни одного транспорта с войском, – сказал Агриппа. – Я сам наблюдал за укреплением Брундизия, ты это знаешь, Сальвидиен.

– Есть другие места, где он может высадиться.

– И несомненно высадится, но не со всеми своими войсками, – спокойно заметил Октавиан. – Однако, Мecenат, я

жду тебя обратно из Агригента как можно скорее.

– Ветер неблагоприятный, – уныло ответил Меценат.

Кому хочется проводить часть лета в такой помойной яме, как сицилийский Агригент Секста Помпея?

– Тем лучше, скорее вернешься домой. А что касается дороги туда – гребите! Возьми шлюпку до Путеол и найми самый быстрый корабль и самых сильных гребцов, каких сможешь найти. Заплати им двойную цену. Давай, Меценат, давай!

Итак, гости разошлись. Остался только Агриппа.

– Сколько легионов, по твоим последним подсчетам, мы должны выставить против Антония?

– Десять, Цезарь. Но это не имеет значения, если бы даже у нас было три или четыре. Ни одна сторона не будет сражаться. Я все время повторяю это, но все глухи, кроме тебя и Сальвидиена.

– Я услышал тебя, потому что в этом наше спасение. Я отказываюсь верить, что меня побьют, – сказал Октавиан. Он вздохнул, улыбнулся печально. – Ох, Агриппа, я надеюсь, что эту женщину Либона можно будет выносить! С женами мне не везет.

– Их выбирали для тебя другие, исходя лишь из политической целесообразности. Придет день, Цезарь, и ты сам выберешь себе жену, и она не будет ни Сервилией Ватией, ни Клодией. И думаю, ни Скрибонией Либоной, если сделка с Секстом состоится. – Агриппа кашлянул с нерешительным

видом. – Меценат знал, но предоставил мне сообщить тебе новость из Афин.

– Новость? Какую?

– Фульвия вскрыла себе вены.

Октавиан долго молчал, только пристально смотрел на Большой цирк, и Агриппа подумал, что он пребывает где-то в другом мире. Цезарь весь состоял из противоречий. Даже мысленно Агриппа никогда не называл его Октавианом и первым стал обращаться к нему как к Цезарю, хотя сейчас это делали уже все его сторонники. Октавиан отличался холодностью, жесткостью, даже жестокостью. Но, глядя на него в эту минуту, было понятно, что он горюет о Фульвии, женщине, которую презирал.

– Она была частью истории Рима, – наконец проговорил Октавиан, – и заслуживала лучшего конца. Ее прах доставили домой? У нее есть гробница?

– Насколько мне известно, нет.

Октавиан встал.

– Я поговорю с Аттиком. Мы с ним устроим достойные похороны, подобающие ее положению. Ее дети от Антония совсем маленькие?

– Антиллу пять лет, а Юллу – два.

– Тогда я попрошу мою сестру присмотреть за ними. Своих троих Октавии недостаточно, она всегда присматривает еще за чьими-то детьми.

«Включая твою сводную сестру Марцию, – мрачно поду-

мал Агриппа. — Я никогда не забуду тот день на вершине Петры, когда мы шли навстречу Бруту и Кассию, не забуду, как Гай заливался слезами, скорбя об умершей матери. Но она жива! Она — жена его сводного брата, Луция Марция Филиппа. Еще одно противоречие: он может горевать о Фульвии и в то же время делает вид, что у него нет матери. О, я знаю почему. Она лишь месяц проносила траур по отцу и завела роман с пасынком. Это можно было бы замять, если бы она не забеременела. В тот день в Петре он получил от своей сестры письмо, в котором та умоляла его понять трудное положение их матери. Но он не захотел понять. Для него Атия — шлюха, аморальная женщина, недостойная быть матерью божественного сына. Поэтому он принудил Атию и Филиппа уехать на виллу Филиппа в Мизенах и запретил им появляться в Риме. Он так и не смягчился, хотя Атия больна и ее малышка постоянно находится с детьми Октавии. Когда-нибудь все это будет его мучить, но он не понимает этого. К тому же он никогда не видел своей сводной сестры. Красивая девочка, светлая, как все в роду Юлиев, хотя ее отец такой смуглый».

Затем из Дальней Галлии пришло письмо, которое вытеснило из головы Октавиана все мысли об Антонии и его умершей жене и отложило дату свадьбы, которую организовывал для него Меценат в Агригенте.

Досточтимый Цезарь, сообщаю тебе, что мой любимый отец Квинт Фуфий Кален умер в Нарбоне. Конечно, ему было уже пятьдесят девять лет, но он ничем не болел. И вдруг упал замертво. В один миг все было кончено. Как его старший легат, я теперь отвечаю за одиннадцать легионов, расквартированных по всей Дальней Галлии: четыре легиона в Агединке, четыре в Нарбоне и три в Глане. Сейчас галлы спокойны, мой отец подавил восстание аквитанов в про-

шлом году, но я боюсь думать, что может случиться, если галлы узнают, что теперь легионами командует такой неопытный военачальник. Я счел нужным сообщить тебе, а не Марку Антонию, хотя Галлия находится в его ведении. Он очень далеко. Пожалуйста, пришли мне нового наместника с необходимым военным опытом, чтобы сохранить здесь мир. Лучшие скорее, поскольку мне хочется самому привезти в Рим прах отца.

Октавиан читал и перечитывал довольно смелое послание, сердце его колотилось в груди. На этот раз от радости. Наконец-то судьба ему улыбнулась! Кто бы мог поверить, что Кален умрет?

Он послал за Агриппой и спешно освободил его от обязанностей городского претора, чтобы тот мог надолго уезжать. Городской претор не имел права отсутствовать в Риме больше десяти дней подряд.

– Забудь обо всем! – крикнул Октавиан, протягивая письмо. – Прочти это и порадуйся!

– Одиннадцать легионов ветеранов! – прошептал Агриппа, сразу оценив открывающиеся возможности. – Тебе нужно прибыть в Нарбон прежде Поллиона и Вентидия. Им ближе до Нарбона, так что молись, чтобы новость до них пока не дошла. В военном деле Кален-младший не стоит и пряжки от отцовской кальцеи. – Агриппа помахал листком бумаги. – Вообрази, Цезарь! Дальняя Галлия готова покорно лечь

к твоим ногам!

– Мы возьмем с собой Сальвидиена, – сказал Октавиан.

– Это разумно?

В серых глазах отразилось изумление.

– Что заставило тебя усомниться в разумности моего предложения?

– Только то, что наместник Дальней Галлии командует огромной армией. Сальвидиену это может вскружить голову. Ведь ты, я думаю, намерен отдать ему провинцию?

– Может, возьмешь Дальнюю Галлию себе? Если хочешь, она твоя.

– Нет, Цезарь, не хочу. Слишком далеко от Италии и от тебя. – Он вздохнул, пожал плечами, словно сдаваясь. – Я больше никого не могу предложить. Тавр слишком молод, что касается остальных, нельзя надеяться, что они справятся с белловаками и свевами.

– Сальвидиен справится, – уверенно сказал Октавиан, хлопав своего самого дорогого друга по руке. – Мы отправимся в Дальнюю Галлию завтра на рассвете и поедem так, как ездил мой божественный отец, – галопом в двуколках, запряженных в четыре мула. Это значит, Эмилиева дорога и Домициева дорога. Чтобы быть уверенными, что мы всегда сможем добыть свежих мулов, возьмем эскадрон германской кавалерии.

– У тебя должна быть круглосуточная охрана, Цезарь.

– Не сейчас, я слишком занят. Кроме того, у меня нет де-

нег.

Агриппа удалился. Октавиан прошел через Палатин к спуску Виктории и к дому Гая Клавдия Марцелла-младшего, своего шурина. Неспособный и нерешительный консул в тот год, когда Цезарь перешел Рубикон, Марцелл приходился братом и кузеном двум главным ненавистникам Цезаря. Пока Цезарь воевал против Помпея Великого, он скрывался в Италии и после победы Цезаря был вознагражден, получив руку Октавии. Для Марцелла это был брак и по любви, и по расчету. Союз с семьей Цезаря означал защиту для самого Клавдия Марцелла и унаследованного им огромного состояния. Он действительно любил свою жену, бесценное сокровище. Октавия родила ему девочку, Марцеллу-старшую, мальчика, которого все называли Марцеллом, и вторую девочку, Марцеллу-младшую, известную как Целлина.

В доме было неестественно тихо. Марцелл был очень болен, и его жена, обычно мягкая, строго-настрого приказала, чтобы слуги не болтали громко и не шумели.

– Как он? – спросил Октавиан сестру, целуя ее в щеку.

– Врачи говорят, вопрос нескольких дней. Опухоль злокачественная, она разъедает его изнутри.

В больших аквамариновых глазах стояли слезы, проливавшиеся только на подушку, когда Октавия ложилась спать. Она искренне любила мужа, которого ее приемный отец выбрал с полного одобрения ее брата. Клавдии Марцеллы не были патрициями, но принадлежали к очень старинному и

знатному плебейскому роду, что сделало Марцелла-младшего подходящим мужем для женщины из рода Юлиев. А Цезарю Марцелл не нравился, и он не одобрял этой партии.

Ее красота еще больше расцвела, подумал Октавиан, жалея, что не может разделить с ней горе. Ибо хотя он и согласился на этот брак, он так и не смог примириться с человеком, который обладал его любимой Октавией. Кроме того, у Октавиана имелись планы, и смерть Марцелла-младшего могла содействовать их осуществлению. Октавия переживет эту потерю. Старше его на четыре года, она наследовала все черты Юлиев: золотистые волосы, глаза с голубизной, высокие скулы, красивый рот, а спокойствие, которое она излучала, притягивало к ней людей. Что еще важнее, она в полной мере обладала знаменитым даром большинства женщин из рода Юлиев: делать счастливыми своих мужей.

Целлина была еще грудной, Октавия сама кормила ребенка, и это удовольствие она не уступала няне. Поэтому она почти не покидала дом и часто не выходила к гостям. Как и ее брат, Октавия была очень скромна. Ни перед одним мужчиной, кроме мужа, она не оголяла грудь, чтобы покормить ребенка. Для Октавиана она была олицетворением богини Ромы, и, когда он станет неоспоримым хозяином Рима, он поставит ее статуи в общественных местах – неслыханная честь для женщины.

– Можно мне увидеть Марцелла? – спросил Октавиан.

– Он не хочет никого видеть, даже тебя. – Она поморщи-

лась. – Это гордость, Цезарь, гордость щепетильного человека. В его комнате неприятно пахнет, сколько бы слуги ни убирали и ни жгли благовоний. Врачи называют это запахом смерти и говорят, что его не истребить.

Он обнял ее, поцеловал ее волосы:

– Сестричка, любимая, могу ли я чем-нибудь помочь тебе?

– Ничем, Цезарь. Ты утешаешь меня, но ничто уже не утешит его.

Ну что ж, тогда никаких нежностей.

– Я должен уехать, наверное, на месяц, – сообщил Октавиан.

Октавия ахнула:

– Вот как! Ты должен? Да ведь он и полмесяца не протянет!

– Да, должен.

– Кто же организует похороны? Выберет похоронную контору? Найдет нужного человека для надгробной речи? Наша семья стала такой маленькой! Войны, убийства... Может быть, Меценат?

– Он в Агригенте.

– Тогда кто? Домиций Кальвин? Сервилий Ватия?

Он взял ее за подбородок, поднял голову, посмотрел ей в глаза, не скрывая боли, и медленно произнес:

– Думаю, это будет Луций Марций Филипп. Я бы этого не хотел, но он единственный, кто не вызовет толков в Риме.

Поскольку никто не верит, что наша мать мертва, какое это имеет значение? Я напишу ему и скажу, что ему разрешено возвратиться в Рим и поселиться в доме своего отца.

– У него может появиться желание бросить эдикт тебе в лицо.

– Хм! Он подчинится! Он соблазнил мать триумвира Цезаря, божественного сына! И только она спасла его шкуру. О, как бы я хотел состряпать дело об измене и угостить этим его эпикурейское нёбо! Даже мое терпение имеет границы, и ему это хорошо известно. Он подчинится, – повторил Октавиан.

– Хочешь познакомиться с маленькой Марцией? – дрожащим голосом спросила Октавия. – Она такая милая, Цезарь, правда!

– Нет, не хочу, – резко ответил Октавиан.

– Но она наша сестра! Мы одной крови, Цезарь, даже со стороны Марциев. Бабушка божественного Юлия была Марцией.

– Будь она хоть Юнона, мне все равно! – в ярости крикнул Октавиан и вышел из комнаты.

Милый, милый брат! Ушел, а она даже не успела сказать ему, что на некоторое время два мальчика Фульвии от Антония будут жить с ее детьми. Когда она отправилась проведать их, то была потрясена: за детьми никто не присматривал, а десятилетний Курион совсем одичал. У нее не было возможности взять Куриона под свое крыло и приручить, но она

могла забрать Антиллу и Юлла просто из сострадания. Бедная, бедная Фульвия! Дух демагога Римского форума вселился в тело женщины. Подруга Октавии Пилия утверждала, что Антоний избил Фулвию в Афинах, даже пинал ее ногами, но Октавия не могла этому поверить. В конце концов, она хорошо знала Антония, он ей очень нравился. Частично ее симпатия объяснялась тем фактом, что он разительно отличался от ее окружения. Порой бывает скучно общаться только с умными, утонченными, сдержанными мужчинами. Жить с Антонием, наверное, рискованно, но бить свою жену? Нет, он никогда бы этого не сделал! Никогда.

Она вернулась в детскую и тихо поплакала там, стараясь, чтобы Марцелла, Марцелл и Антилл, уже достаточно большие, не увидели ее слез. Успокаиваясь, она подумала, как все же будет замечательно, если мама вернется! Мама так страдала от боли в костях, что вынуждена была отослать маленькую Марцию в Рим к Октавии, но скоро она будет жить совсем рядом и сможет видаться со своими дочерьми. Только когда брат Цезарь все поймет? И поймет ли когда-нибудь? Почему-то Октавия так не думала. Он был твердо убежден, что поступок мамы простить нельзя.

Потом она вспомнила о Марцелле и сразу пошла в его комнату. Женившись на Октавии в сорок пять лет, он был в расцвете сил, худощавый, сильный, образованный, внешне напоминавший Цезаря. Жесткость, свойственная мужчинам из рода Юлиев, совершенно отсутствовала в нем, хотя ему

были присущи определенная хитрость, уклончивость, позволившая ему остаться в стороне, когда вся Италия сходила с ума из-за божественного Юлия, а потом и заключить выгоднейший брак, который ввел его в лагерь сторонников Цезаря и при том без потерь. За это он должен был благодарить Антония, и он никогда этого не забывал. Поэтому Октавия знала Антония, часто бывавшего у них.

Теперь эта красивая двадцатисемилетняя жена вглядывалась в недвижимое лицо мужа, которого болезнь иссушила, изгрызла, съела изнутри. Его любимый раб Адмет сидел возле кровати, держа исхудавшую руку Марцелла, но, когда вошла Октавия, Адмет быстро поднялся и уступил ей место.

– Как он? – прошептала она.

– Спит после макового сиропа, *domina*. К несчастью, это единственное средство унять боль, которая туманит рассудок.

– Я знаю, – сказала Октавия, усаживаясь. – Поешь и поспи. Твоя смена может наступить быстрее, чем ты думаешь. Если бы он разрешил кому-нибудь еще дежурить возле него! Но он не хочет.

– Если бы я умирал так медленно и мучительно, *domina*, я бы желал, открывая глаза, видеть лицо, которое хочу.

– Точно так, Адмет. А теперь, пожалуйста, иди. Поешь и поспи. Он сказал мне, что освобождает тебя в своем завещании. Ты будешь Гаем Клавдием Адметом, но я надеюсь, ты останешься со мной.

От волнения молодой грек ничего не смог сказать, только поцеловал руку Октавии.

Проходили часы, молчание нарушилось, лишь когда няня принесла Целлину для кормления. К счастью, она была спокойным ребенком, не плакала громко, даже если была голодна. Марцелл продолжал пребывать в забытии.

Вдруг он пошевелился, открыл мутные глаза, прояснившиеся, когда он увидел жену.

– Октавия, любовь моя! – прохрипел он.

– Марцелл, любимый, – радостно улыбаясь, сказала она и поднялась, чтобы взять кубок со сладким вином, разбавленным водой.

Он чуть отпил его через соломинку. Затем она принесла таз с водой и полотенце. Сняла простыню с его тела, от которого остались только кожа да кости, убрала грязную пеленку и стала мыть его легкими движениями, тихо разговаривая с мужем. Где бы она ни находилась в комнате, его глаза, полные любви, следовали за ней.

– Старики не должны жениться на молодых девушках, – прошептал он.

– Я не согласна. Если молоденькие девушки выходят замуж за молодых людей, они никогда не взрослеют и ничему не учатся, кроме банальных вещей, потому что оба они зеленые. – Она убрала таз. – Вот! Теперь хорошо?

– Да, – соврал он, потом вдруг тело его забило в кон-

вильсиях, зубы сжались. — О Юпитер, Юпитер! Какая боль! Мой сироп, где мой сироп?

Она дала ему маковый сироп и снова села, глядя, как он засыпает, до тех пор пока не пришел Адмет сменить ее.

Меценату легко было выполнить поручение Октавиана, потому что Секст Помпей обиделся на Марка Антония. «Пират», ну и ну! Не против ненадежного тайного сговора, чтобы подразнить Октавиана, но не желает публично объявить об их союзе! Секст Помпей не считал себя пиратом, ни в каком случае! Однажды осознав, что любит море и хочет командовать тремя-четырьмя сотнями военных кораблей, он видел себя Цезарем водной стихии, не проигрывающим сражений. Да, непобедимый на море и грозный претендент на титул Первого человека в Риме. Но Антоний и Октавиан были еще более грозными соперниками. Он хотел заключить союз с одним из них против другого, чтобы уменьшить число соперников с трех до двух. В действительности он ни разу не видел Антония, Секста даже не было в толпе у дверей сената, когда Антоний громил в своей речи республиканцев, действуя в интересах Цезаря, как плебейский трибун. У шестнадцатилетнего юноши были занятия поинтереснее, а политикой Секст не увлекался ни тогда, ни сейчас. Но вот с Октавианом он однажды встречался в небольшом порту на «подъеме» итальянского «сапога» и разглядел опасного противника под маской симпатичного юноши двадцати лет против его

двадцати пяти. Первое, что поразило его в Октавиане, – он увидел человека, рожденного идти против правил, который тем не менее никогда не поставит себя в такое положение, чтобы его могли объявить вне закона. Они обсудили кое-какие вопросы, затем Октавиан возобновил свой поход в Брундизий, а Секст уплыл. С тех пор расстановка сил изменилась. Брут и Кассий были разбиты и мертвы, мир принадлежал триумвирам.

Секст не мог поверить в близорукость Антония, который решил сосредоточиться на Востоке. Любой мало-мальски соображающий человек понимает, что Восток – это ловушка, золотая наживка на ужасном, зазубренном крючке. Власть над миром будет принадлежать тому, кто контролирует Запад и Италию, а это Октавиан. Конечно, здесь придется выполнять самую тяжелую работу, совершенно непопулярную, поэтому Лепид удрал в Африку с шестью легионами Луция Антония и стал ждать развития событий, попутно набирая войско. Еще один дурак. Да, больше всех бояться надо Октавиана, потому что он не уклоняется от трудной работы.

Если бы Антоний согласился заключить союз, он облегчил бы Сексту задачу стать Первым человеком в Риме. Но нет, он отказался объединяться с пиратом!

– Значит, пусть все остается как есть, – сказал Секст Либону. Синие глаза его словно застыли. – Просто понадобится больше времени, чтобы одолеть Октавиана.

– Дорогой мой Секст, ты никогда не одолеешь Октавиана, – сказал Меценат, появившись в Агригенте несколько дней спустя. – У него нет слабостей, на которых ты мог бы сыграть.

– *Gerrae!* – огрызнулся Секст. – Начать с того, что у него нет кораблей и нет способных флотоводцев. Вообрази, посылать такого изнеженного грека-вольноотпущенника, как Гелен, чтобы отобрать у меня Сардинию! Кстати, этот человек здесь. Он цел и невредим. Корабли и флотоводцы – это уже два слабых места. У него нет денег – это третье. Повсюду враги – это четвертое. Мне продолжать?

– Это не слабые места, это просто нехватка, – ответил Меценат, запихивая в рот креветки. – О, они великолепны! Почему они намного вкуснее тех, что я ем в Риме?

– В грязной воде больше питательных веществ.

– Ты много знаешь о море.

– Достаточно, чтобы понимать: Октавиан не сумеет победить меня на море, даже если найдет несколько кораблей. Ведение морского боя – это искусство, в котором мне нет равных за всю историю Рима. Мой брат Гней был отличным моряком, но до меня ему далеко.

Секст самодовольно откинулся в кресле.

«Что происходит с нынешним поколением молодых людей? – с удивлением спросил себя Меценат. – В школе нас учили, что никогда не будет другого Сципиона Африканско-

го и другого Сципиона Эмилиана, но их разделяли поколения, и каждый из них был уникален в свое время. Сегодня все не так. Молодым людям выпал шанс показать, на что они способны, потому что столько сорокалетних и пятидесятилетних погибли или отправились в вечную ссылку. Этому субъекту нет и тридцати».

Вдоволь налюбовавшись собой, Секст вернулся к действительности.

– Должен сказать, Меценат, я разочарован, что твой хозяин не приехал лично со мной встретиться. Слишком важный, да?

– Нет, уверяю тебя, – ответил Меценат самым елейным голосом, на какой был способен. – Он передает тебе самые искренние извинения, но кое-какие события в Дальней Галлии потребовали его присутствия там.

– Да, я узнал об этом, наверное, даже раньше его. Дальняя Галлия! Какой рог изобилия будет принадлежать ему! Лучшие легионы ветеранов, зерно, ветчина и солонина, сахарная свекла... Не говоря уже о сухопутном маршруте в обе Испании, хотя Италийской Галлии он еще не получил. Без сомнения, он получит ее, когда Поллион решит надеть свои консульские регалии, хотя слух идет, что это случится не сейчас. Еще говорят, что Поллион ведет семь легионов по Адриатическому побережью, чтобы помочь Антонию, когда он высадится в Брундизии.

Меценат удивился:

– Разве Антонию нужна военная помощь, чтобы высадиться в Италии? Как старший триумвир, он свободно может передвигаться повсюду.

– Но не в Брундизии. Почему жители Брундизия так ненавидят Антония? Они готовы плюнуть на его прах.

– Он очень жестоко обошелся с ними, когда божественный Юлий поручил ему переправить остальные легионы через Адриатику за год до Фарсала, – объяснил Меценат, не обращая внимания на то, как потемнело лицо Секста при упоминании о битве, в которой его отец потерпел поражение, изменившее мир. – Антоний бывает безрассудным, а когда божественный Юлий дышал ему в спину, это проявлялось особенно сильно. Кроме того, военная дисциплина у него всегда хромала. Он позволил легионерам насиловать и грабить. Затем, когда божественный Юлий сделал его начальником конницы, он выместил свою обиду на Брундизий на горожанах.

– Тогда понятно, – усмехнулся Секст. – Однако, когда триумвир берет с собой всю армию, это похоже на вторжение.

– Демонстрация силы, знак императору Цезарю...

– Кому?

– Императору Цезарю. Мы не зовем его Октавианом. И Рим тоже не зовет. – Меценат сделался очень серьезным. – Может, поэтому Поллион и не вернулся в Рим, даже в качестве избранного младшего консула.

– Вот менее приятная новость для императора Цезаря, чем Дальняя Галлия, – язвительно заметил Секст. – Поллион

переманил Агенобарба на сторону Антония. Это не понравится императору Цезарю!

– Ох, стороны, стороны, – воскликнул Меценат, но как-то равнодушно. – Единственная сторона – это Рим. Агенобарб – горячая голова, Секст, тебе это хорошо известно. Он сам по себе и с удовольствием бороздит свой участок моря, считая себя Нептуном. Не означает ли это, что и у тебя в будущем прибавится забот с Агенобарбом?

– Не знаю, – ответил Секст с непроницаемым лицом.

– Ближе к делу. Многоглазая и многоязыкая молва говорит, что ты не ладишь с Луцием Стаем Мурком, – сказал Меценат, демонстрируя свою осведомленность собеседнику, неспособному это оценить.

– Мурк хочет командовать на равных правах, – вырвалось у Секста.

Это было характерно для Мецената: он усыплял бдительность слушателей, и его начинали воспринимать не как ставленника Октавиана, а как достойного доверия собеседника. Досадуя на свою неосторожность, Секст попытался исправить ошибку:

– Конечно, он не может разделить со мной командование, поскольку я в это не верю. Я добился успеха, потому что сам принимаю все решения. Мурк – апулийский козопас, который возомнил себя римским аристократом.

«Глядите-ка, кто это говорит, – подумал Меценат. – Значит, прощай, Мурк, да? К этому времени в следующем го-

ду он будет мертв, обвиненный в каком-нибудь проступке. Этот высокомерный молодой негодяй не терпит равных, отсюда его пристрастие к флотоводцам-вольноотпущенникам. Его роман с Агенобарбом продлится лишь до тех пор, пока Агенобарб не назовет его пиценским выскочкой».

Вся полезная информация получена, но он здесь не для этого. Наевшись креветок и выудив все новости, Меценат перешел к своему главному заданию – убедить Секста Помпея помочь Октавиану и Италии. Для Италии это означает наполнить желудки. Для Октавиана – сохранить то, что имеет.

– Секст Помпей, – очень серьезно начал Меценат два дня спустя, – не мое дело судить тебя или кого-то еще. Но ты не можешь отрицать, что крысы Сицилии питаются лучше, чем народ Италии, твоей страны, от Пицена, Умбрии и Этрурии до Бруттия и Калабрии. И твоего города, который твой отец украшал долгие годы. За шесть лет после сражения у Мунды ты нажил тысячи миллионов сестерциев, перепродавая пшеницу, значит это не вопрос денег. Но если это вопрос возвращения гражданства и восстановления тебя в правах, то ты, конечно, понимаешь, что тебе потребуются мощные союзники в Риме. Фактически есть только два человека, имеющие власть, необходимую, чтобы помочь тебе, – Марк Антоний и император Цезарь. Почему ты так уверен, что это должен быть Антоний, менее разумный и, если можно так сказать, менее надежный человек, чем император Цезарь? Ан-

тоний назвал тебя пиратом, не захотел слушать Луция Либона, которого ты прислал с предложением союза. А сейчас такое предложение делает император Цезарь. Не говорит ли это о его искренности, его заинтересованности, его желании помочь тебе? От императора Цезаря ты не услышишь обвинений в пиратстве. Встань на его сторону! Антонию ты не нужен, и это неоспоримо. Если необходимо выбрать чью-либо сторону, тогда делай правильный выбор.

– Хорошо, – сердито сказал Секст. – Я встану на сторону Октавиана. Но я требую конкретных гарантий, что он замолвит за меня слово в сенате и в комициях.

– Император Цезарь сделает это. Какое свидетельство его доброй воли удовлетворит тебя?

– Как он относится к возможности породниться?

– Он будет очень рад.

– Я так понимаю, что жены у него нет?

– Нет. Все его помолвки и браки остались фиктивными. Он понимал, что дочери проституток могут сами стать проститутками.

– Надеюсь, этот брак не будет фиктивным. У моего тестя Луция Либона есть сестра, вдова, весьма уважаемая. Вы можете рассмотреть ее кандидатуру.

Выпученные глаза выкатились еще больше, словно это предложение стало приятным сюрпризом.

– Секст Помпей, император Цезарь сочтет это за честь! Кое-что я знаю о ней, и только положительное.

– Если брак состоится, я буду пропускать корабли с африканским зерном. И продавать всем агентам Октавиана *мою* пшеницу по тринадцать сестерциев за модий.

– Несчастливое число.

Секст усмехнулся:

– Для Октавиана – может быть, но не для меня.

– Никогда нельзя быть уверенным, – мягко заметил Меченат.

Октавиан встретился со Скрибонией, и она втайне ему понравилась, хотя те несколько человек, которые присутствовали на свадьбе, ни за что не догадались бы об этом по его серьезному виду и осторожным глазам, никогда не выдававшим чувств. Да, он был доволен. Скрибония не выглядела на тридцать три, она казалась его ровесницей, а ему скоро исполнится двадцать три года. Темно-каштановые волосы, карие глаза, гладкая кожа, чистая и молочно-белая, приятное лицо, отличная фигура. На ней не было ничего огненного и шафранового, подобающего невесте-девушке. Она выбрала розовый цвет, несколько слоев газа поверх светло-вишневого платья. Те немногие слова, которыми они обменялись на церемонии, показали, что она не робкая, но и не болтушка, а из их последующего разговора он понял, что она начитанна, образованна и на греческом говорит лучше, чем он. Единственным качеством, которое его встревожило, стало ее чувство юмора. Сам начисто лишенный ост-

роумия, Октавиан побаивался тех, кто обладал им, особенно женщин. Откуда ему знать, что они смеются не над ним? Но Скрибония вряд ли нашла бы смешным или забавным своего высокородного мужа, божественного сына.

– Мне жаль, что я разлучаю тебя с отцом, – сказал Октавиан.

Глаза ее заблестели.

– А мне, Цезарь, не жаль. Он старый зануда.

– Действительно? – удивился Октавиан. – Я всегда считал, что расставание с отцом – это удар для дочери.

– Этот удар я вынесла уже дважды, Цезарь, и каждый раз он был слабее. В данном случае это скорее похлопывание, чем удар. Кроме того, я никогда не думала, что мой третий муж будет красивым молодым человеком. – Она хихикнула. – Лучшее, на что я надеялась, – это на восьмидесятилетнего бойкого старичка.

– О-о! – Вот все, что ему удалось произнести.

– Я слышала, что твой зять Гай Марцелл-младший умер, – сказала она, сжалившись над ним. – Когда лучше выразить соболезнование твоей сестре?

– Октавия сожалеет, что не смогла быть на нашей свадьбе, но она очень горюет. Даже слишком. На мой взгляд, эмоциональная несдержанность не совсем прилична.

– О, это не так, – мягко возразила Скрибония.

К этому моменту она лучше узнала его, и открывшееся ее тревожило. Почему-то она представляла себе Цезаря кем-

то вроде Секста Помпея – дерзким, высокомерным, дурно пахнущим самцом. А вместо этого перед ней предстал хладнокровный почтенный консуляр, да к тому же красивый, и она подозревала, что эта красота не будет давать ей покоя. Взгляд его светящихся серебристых глаз завораживал, но в них не было желания. Для него это тоже был третий брак, и, если судить по тому, что прежних двух жен он отослал обратно их матерям нетронутыми, это были политические браки, заключенные по необходимости, и жены как бы «находились на хранении», чтобы возвратить их в том же виде, в каком они были получены. По поводу их свадьбы отец Скрибонии заключил пари с Секстом Помпеем: Секст утверждал, что Октавиан не пойдет на этот шаг, а Либон считал, что Октавиан женится ради народа Италии. Так что, если брак не будет фиктивным да еще появится тому доказательство, Либон получит кругленькую сумму. Новость о пари вызвала у нее дикий хохот, но она уже достаточно знала Октавиана, чтобы не решиться рассказать ему об этом. Странно. Его дядя божественный Юлий посмеялся бы с ней вместе. Но в племяннике не было ни искры юмора.

– Ты можешь посетить Октавию в любое время, – сказал он ей. – Но будь готова к слезам и детям.

Вот и все фразы, которыми они обменялись, прежде чем новые служанки положили ее в мужнюю постель.

Дом был очень большой и отделанный мрамором великолепной расцветки, но его новый хозяин не позаботился об-

ставить комнаты надлежащим образом или повесить картины на стенах в местах, явно предназначенных для них. Кровать оказалась очень маленькой для столь огромной спальни. Скрибония не знала, что Гортензий ненавидел комнатухи, в которых спали римляне, поэтому сделал свою спальню по размеру равной кабинету в римском доме.

– Завтра твои слуги устроят тебя в твоих покоях, – сказал он, ложась в полной темноте.

На пороге он задул свечу. Это стало первым свидетельством его врожденной стеснительности, от которой ей будет трудно его избавить. Уже разделив супружеское ложе с двумя другими мужчинами, она ожидала нетерпеливого бормотания, тычков, щипков – приемов, видимо имевших целью возбудить в ней желание, в чем ни один из мужей не преуспел.

Но ничего подобного Цезарь не делал (она не должна, не должна, не должна забывать называть его Цезарем!). Кровать была слишком узкой, и Скрибония не могла не чувствовать его обнаженное тело рядом, но он не пытался ее ласкать. Внезапно он забрался на нее, коленями раздвинул ей ноги и вошел в ее прискорбно сухую вагину – настолько она была не готова к этому. Но его это не смутило, он усердно задвигался, молча испытал оргазм, потом вынул пенис, встал с кровати и, пробормотав, что он должен вымыться, ушел. Да так и не вернулся. Скрибония осталась лежать, ничего не понимая, потом позвала служанку и велела зажечь свет.

Он сидел в кабинете за выдавшим виды столом, заваленным свитками, с листами бумаги под правой рукой, в которой он держал простое, ничем не украшенное тростниковое перо. Перо ее отца Либона было вставлено в золотой корпус с жемчужиной на конце. Но Октавиана-Цезаря, ясное дело, не интересовали такие вещи.

– Муж мой, ты хорошо себя чувствуешь? – спросила Скрибония.

Он поднял голову при появлении еще одного источника света и на этот раз встретил ее самой очаровательной улыбкой, какую она когда-либо видела.

– Да, – ответил он.

– Я разочаровала тебя? – спросила она.

– Совсем нет. Ты была очень мила.

– Ты часто так делаешь?

– Делаю что?

– Гм, работаешь, вместо того чтобы спать.

– Все время. Я люблю покой и тишину.

– А я тебе помешала. Извини. Я больше не буду.

Он опустил голову:

– Спокойной ночи, Скрибония.

Только спустя несколько часов он снова поднял голову, вспомнив ту краткую беседу. И подумал с огромным облегчением, что новая жена ему нравится. Она чувствовала границы, и, если она забеременеет, союз с Секстом Помпеем

состоится.

Октавия оказалась совсем не такой, какой Скрибония ожидала ее увидеть, когда отправилась выразить соболезнование. К ее удивлению, она нашла свою новую золовку улыбающейся и веселой. Удивление отразилось в ее глазах, ибо Октавия засмеялась, усаживая гостью в удобное кресло.

– Маленький Гай сказал тебе, что я сама не своя от горя.

– Маленький Гай?

– Цезарь. Я не могу избавиться от привычки называть его маленьким Гаем, потому что помню его таким – милым маленьким мальчиком, который везде топал за мной и постоянно надоедал.

– Ты очень любишь его.

– До безумия. Но теперь он стал таким великим и важным, что «старшая сестра» и «маленький Гай» говорить стало неудобно. Ты кажешься умной женщиной, поэтому я верю, что ты не передашь ему мои слова.

– Я немая и слепая. А еще глухая.

– Жаль, что у него не было настоящего детства. Астма так мучила его, что он не мог общаться с другими мальчиками или обучаться военному делу на Марсовом поле.

Скрибония была озадачена.

– Астма? А что это такое?

– Он дышит со свистом, пока не почернеет лицом. Иногда он почти умирает. О, как страшно это видеть! – Окта-

вия будто снова пережила этот ужас. – Хуже всего, когда в воздухе пыль или когда он находится около лошадей либо возле измельченной соломы. Поэтому Марк Антоний смог сказать, что маленький Гай спрятался в болотах у Филиппи и не внес вклада в победу. Правда в том, что была ужасная засуха. А на поле сражения стояло сплошное облако пыли и росла сухая трава – верная смерть для него. Единственное место, где маленький Гай мог найти спасение, – это болота между равниной и морем. Для него слышать, что он избегал сражения, – большее горе, чем для меня потеря Марцелла. Мне нелегко говорить это, поверь мне.

– Но люди поняли бы, если бы знали! – воскликнула Скрибония. – Я тоже слышала об этом и думала, что это правда. Разве Цезарь не мог опубликовать памфлет или как-то еще довести это до сведения народа?

– Ему не позволяет гордость. К тому же это было бы неразумно. Люди не хотят иметь старших магистратов, которым грозит ранняя смерть. Кроме того, Антоний первый распустил этот слух, – печально объяснила Октавия. – Он неплохой человек, но у него отменное здоровье, и он не терпит болезненных и слабых. Для Антония астма – это притворство, предлог оправдать трусость. Мы все родственники, но все мы разные, а маленький Гай очень отличается от других. Он постоянно в напряжении. И астма – следствие этого, как сказал египетский врач, который лечил божественного Юлия.

Скрибония вздрогнула:

– Что мне делать, если случится приступ?

– Возможно, этого больше и не будет, – сказала Октавия, сразу поняв, что ее новая невестка влюбилась в маленького Гая. Она не могла этого предотвратить, но это обязательно приведет к горькому разочарованию. Скрибония была приятной женщиной, но неспособной увлечь ни маленького Гая, ни императора Цезаря. – В Риме он обычно дышит нормально, если нет засухи. Этот год спокойный. Я не волнуюсь о нем, пока он здесь, и ты тоже не должна волноваться. Он знает, что делать, если ему станет плохо, и при нем всегда Агриппа.

– Это тот суровый молодой человек, который стоял рядом с ним на нашей свадьбе?

– Да. Они совсем не похожи, – произнесла Октавия с видом человека, разгадавшего головоломку. – Между ними нет соперничества. Агриппа словно заполнил пустоты в маленьком Гае. Иногда, когда дети особенно непослушны, я жалею, что не могу раздвоиться. Но маленькому Гаю это удастся. У него есть Марк Агриппа. Это его вторая половина.

Прежде чем покинуть дом Октавии, Скрибония увидела детей, за которыми Октавия присматривала, как за родными, и узнала, что в следующий раз она познакомится с Атией, своей свекровью. Скрибония узнавала все больше секретов этой необычной семьи. Как мог Цезарь делать вид, что его мать умерла? Сколь же велики его гордость и высокомерие, если он не сумел извинить вполне понятную оплош-

ность безупречной в других отношениях женщины? По мнению Октавиана, мать императора Цезаря, божественного сына, не могла иметь недостатков. Это ясно свидетельствовало о том, чего он ждет от своей жены. Бедные Сервилия Ватия и Клодия, обе девственницы, но их матери оказались небезупречны, как и его мать. Он предпочел бы, чтобы Атия умерла, чем служила живым доказательством его позора.

Идя домой в сопровождении двух огромных, сильных охранников-германцев, она все представляла себе его лицо. Сможет ли она сделать так, чтобы он полюбил ее? О, если бы это удалось! «Завтра, – решила она, – я принесу жертву Юноне Соспите, чтобы забеременеть, и Венере Эруцине, чтобы я понравилась ему в постели, и Благой Богине, чтобы между нами была сексуальная гармония, и Вейовису на случай, если меня ждет разочарование. И еще богине надежды Спес».

Октавиан был в Риме, когда из Брундизия пришло письмо с сообщением, что Марк Антоний с двумя легионами попытался войти в городскую гавань, но его не пустили. Цепь была поднята, на бастионах стояли люди. Жителей Брундизия не интересовало, каким статусом обладает это чудовище Антоний и приказывал ли сенат впустить его. Пусть он войдет в Италию в любом другом месте, какое ему нравится, но не через Брундизий. Поскольку, помимо Брундизия, единственным портом в этом регионе, способным разместить два легиона, оказался Тарент по другую сторону «каблука», расстроенный и разгневанный Антоний вынужден был высадить своих людей в значительно меньших портах вокруг Брундизия, таким образом рассеяв их.

– Наверное, он отправился в Анкону, – сказал Октавиан Агриппе. – Там он мог бы соединиться с Поллионом и Вентидием и сразу двинуться на Рим.

– Если бы он был уверен в Поллионе, то так и сделал бы, – ответил Агриппа, – но он не уверен.

– Значит, ты считаешь, что письмо Планка – свидетельство сомнений и недовольства? – помахал листком бумаги Октавиан.

– Да, я так считаю.

– Я тоже, – усмехнулся Октавиан. – Планк сейчас в затруднении: он предпочитает Антония, но хочет сохранить шанс в случае необходимости перевернуться на нашу сторону.

– У тебя вокруг Брундиция столько легионов, что Антоний не сможет снова собрать своих людей, пока не прибудет Поллион, а мои шпионы говорят, что этого не произойдет по крайней мере еще нундину.

– Нам как раз хватит времени дойти до Брундиция, Агриппа. Наши легионы размещены по ту сторону Минуциевой дороги?

– Размещены идеально. Если Поллион захочет избежать сражения, он пойдет к Беневенту и по Аппиевой дороге.

Октавиан положил перо в держатель, собрал бумаги – переписку с правительственными органами и частными лицами, проекты законов и подробные карты Италии – в аккуратную стопку и поднялся.

– Тогда отправляемся в Брундиций, – сказал он. – Надеюсь, Меценат и *мой* Нерва готовы? А как насчет того, который сохраняет нейтралитет?

– Если бы ты не похоронил себя под грудой бумаг, Цезарь,

ты знал бы, — сказал Агриппа тоном, каким только он мог говорить с Октавианом. — Они готовы уже несколько дней. И Меценат уговорил нейтрального Нерву поехать с нами.

— Отлично!

— Почему он так важен, Цезарь?

— Ну, после того как один брат выбрал Антония, а другой — меня, его нейтралитет стал единственным способом сохранить фракцию Кокцея, если Антоний и я столкнемся. Нерва Антония умер в Сирии, и это лишило Антония сторонника. Образовалась вакансия, и Луцию Нерве пришлось попотеть в раздумьях, имеет ли он право занять ее. В конце концов он сказал «нет», хотя и меня не выбрал. — Октавиан ухмыльнулся. — Имея властную жену, он привязан к Риму, поэтому сохраняет нейтралитет.

— Все это я знаю, но напрашивается вопрос.

— Ты получишь ответ, если моя схема сработает.

Вскочить с удобного афинского ложа Марка Антония заставило письмо Октавиана.

Дорогой мой Антоний, с большим сожалением передаю тебе новость, только что полученную мной из Дальней Испании. Твой брат Луций умер в Кордубе, недолго пробыв наместником. Судя по многим сообщениям, которые я читал, он просто умер на месте. Его кончина была безболезненной, и ей не предшествовала продолжительная болезнь. Врачи

говорят, что смерть наступила в результате кровоизлияния в мозг. Его кремировали в Кордубе, а прах был прислан мне вместе с документами, которые полностью удовлетворили меня во всех отношениях. Прах и бумаги будут у меня до твоего приезда. Пожалуйста, прими мои искренние соболезнования.

Письмо было запечатано кольцом божественного Юлия с изображением сфинкса.

Конечно, Антоний не поверил ни единому слову, кроме того факта, что Луций умер. В тот же день он отправился в Патры. На запад Македонии полетели приказы немедленно погрузить на корабли два легиона, находившихся в Аполлонии. Другие восемь легионов должны быть готовы к отправке в Брундизий по его приказу.

Невыносимо, что Октавиан первый узнал о смерти Луция! И почему до этого письма он ничего не слышал о кончине брата? Антоний читал это послание, как брошенный ему вызов: прах твоего брата в Риме – приди и возьми его, если посмеешь! Посмеет ли он? Он клянется Юпитером Всеблагим Всесильным и всеми богами, что посмеет!

Письмо от Планка Октавиану, содержащее столь важные сведения, было спешно отправлено из Патр, где разъяренный Антоний вынужден был ждать подтверждения, что его два легиона в пути. Письмо ушло (если бы Антоний знал о его содержании, оно не было бы отправлено) вместе с корот-

ким приказом Поллиону привести его легионы по Адриатической дороге. В настоящий момент они находились в прибрежном городе Фан-Фортуна, откуда Поллион мог двинуться на Рим по Фламиниевой дороге или, придерживаясь берега, дойти до Брундизия. Испуганный Планк уговорил Антония взять его на корабль, полагая, что у него больше шансов ускользнуть от Октавиана на итальянской земле. Теперь он очень жалел, что послал то письмо: разве можно быть уверенным, что Октавиан не передаст его содержания Антонию?

Чувство вины сделало Планка раздражительным, беспокойным компаньоном во время плавания, поэтому, когда посреди Адриатического моря показался флот Гнея Домиция Агенобарба, Планк запачкал свою набедренную повязку и почти потерял сознание.

– Антоний, мы погибли! – простонал он.

– От руки Агенобарба? Никогда! – ответил Антоний, раздув ноздри. – Планк, мне кажется, ты обделался!

Планк убежал, оставив Антония ждать прибытия лодки, которая направлялась к его кораблю. Его собственный штандарт продолжал развеваться на мачте, но Агенобарб свой штандарт опустил.

Маленький и толстый, смуглый и лысый, Агенобарб поднялся по веревочной лестнице и направился к Антонию с улыбкой от уха до уха.

– Наконец-то! – крикнул он, обнимая Антония. – Ты

идешь на это маленькое насекомое по имени Октавиан, не правда ли? Пожалуйста, скажи, что это так!

– Это так, – ответил Антоний. – Пусть он подавится своим дерьмом! Планк только что обделался при виде твоих кораблей, а я считаю его смелее Октавиана. Ты знаешь, что сделал Октавиан, Агенобарб? Он убил Луция в Дальней Испании, а потом нагло сообщил мне в письме, что прах Луция у него! Он намекает, что мне слабо забрать у него прах! Он что, сумасшедший?

– Я до конца твой человек, – хрипло проговорил Агенобарб. – Мой флот – твой.

– Хорошо, – сказал Антоний, высвобождаясь из крепких объятий. – Мне может понадобится большой военный корабль с могучим бронзовым тараном, чтобы разорвать цепь у входа в гавань Брундизия.

Но даже огромный корабль с носом в двадцать талантов бронзы не смог бы разорвать цепь, натянутую через вход в гавань; впрочем, у Агенобарба не было и вполовину меньшего корабля. Цепь была закреплена на двух цементных столбах, усиленных железными стержнями, и каждое бронзовое звено имело толщину шесть дюймов. Антоний и Агенобарб никогда не видели ни столь исполинского барьера, ни населения, так ликующего при виде их напрасных попыток разорвать цепь. Пока женщины и дети радостно кричали и смеялись над тщетными попытками Антония, мужское население Брундизия обрушило на боевую квинквирему Агенобар-

ба убийственный град пик и стрел, который в конце концов заставил их отойти в море.

– Я не могу ее разорвать! – крикнул в ярости Агенобарб, плача от бессилия. – Но когда я это сделаю, им достанется! И откуда она взялась? Старая цепь была раз в десять слабее!

– Ее поставил этот апулийский крестьянин Агриппа, – смог пояснить Планк, от которого, конечно, уже не пахло дерьмом. – Когда я уезжал, чтобы найти убежище у тебя, Антоний, жители Брундизия с радостью объяснили мне ее происхождение. Агриппа укрепил этот порт лучше, чем был укреплен Илион, даже со стороны суши.

– Но умрут они мучительной смертью, – прорычал Антоний. – Я всажу магистратам города колья в задницу и буду задвигать их со скоростью одного дюйма в день.

– О-о-о! – воскликнул Планк и передернулся, представив картину. – Что мы будем делать?

– Подождем войска и высадим их там, где сможем, севернее и южнее, – ответил Антоний. – Когда прибудет Поллион – что-то он не торопится! – мы уничтожим этот город со стороны суши, есть там укрепления Агриппы или нет. Думаю, после осады. Они знают, что милости от меня ждать не приходится, и будут сопротивляться до конца.

Итак, Антоний отплыл к острову недалеко от входа в гавань Брундизия и там стал ждать Поллиона, пытаясь узнать, что случилось с Вентидием, почему-то молчавшим.

Секстилий закончился, прошли и сентябрьские ноны, но погода была еще достаточно жаркая, чтобы сделать жизнь на острове невыносимой. Антоний ходил взад-вперед; Планк наблюдал за ним. Антоний рычал; Планк размышлял. Антония не покидала мысль о Луции Антонии; Планк тоже постоянно думал об одном человеке – о Марке Антонии. Планк заметил в Антонии новые черты, и ему не понравилось то, что он увидел. Замечательная, прекрасная Фульвия то и дело мелькала в его мыслях – такая храбрая и неудержимая, такая... такая интересная. Как мог Антоний бить женщину, тем более жену? Внучку Гая Гракха!

«Он как ребенок при матери, – думал Планк, смахивая слезы. – Он должен быть на Востоке, драться с парфянами – вот его обязанность. А вместо этого он здесь, на итальянской земле, словно боится покинуть ее. Это Октавиан терзает его или ощущение ненадежности? Верит ли он в глубине души, что сможет завоевать лавры? О, он храбр, но руководство армиями требует не храбрости. Здесь скорее нужны ум, искусство, талант. Божественный Юлий был гением в этом деле. Антоний – родственник божественного Юлия. Но для Антония, я подозреваю, это скорее бремя, чем радость. И он так боится проиграть, что, подобно Помпею Магну, не двинется с места, пока у него не будет численного перевеса. А у него есть этот перевес здесь, в Италии, с легионами Поллиона, Вентидия и своими собственными по ту сторону небольшого моря. Достаточно, чтобы сокрушить Октавиана даже

теперь, когда у Октавиана появились одиннадцать легионов Калена из Дальней Галлии. Я думаю, они все еще в Дальней Галлии под командованием Сальвидиена, который регулярно пишет Антонию, пытаясь прощупать почву. Но об этом я Октавиану не сообщил.

Антоний боится в Октавиане того, чем божественный Юлий обладал в избытке. О, вовсе не умения командовать армией! Он боится безграничной смелости, той смелости, которую сам стал терять. Да, его страх поражения растет, в то время как Октавиан обретает уверенность, начинает делать рискованные ставки. Антоний проигрывает Октавиану, и еще больше иноземным врагам, таким как парфяне. Начнет ли он когда-нибудь эту войну? Он ссылается на то, что ему не хватает денег, а может, не хватает еще и желания вести войну, которую он должен начать? Если он не будет воевать, то потеряет доверие Рима и римлян, и ему это тоже известно. Поэтому Октавиан – это повод помедлить на Западе. Если он уберет Октавиана с арены, у него будет столько легионов, что он сможет победить врага численностью в четверть миллиона. Но божественный Юлий разбивал триста тысяч, имея всего шестьдесят тысяч солдат. Потому что Юлий был гением. Антоний хочет стать хозяином мира и Первым человеком в Риме, но не знает, как приняться за это.

Он ходит туда-сюда, туда-сюда. Он неуверен. Решения туманны, и он неуверен. Не может он и пуститься в один из своих знаменитых „неподражаемых загулов“ (что за шутка –

назвать своих дружков в Александрии Союзом неподражаемых!). Сейчас он не в том положении. Поняли ли его товарищи, как понял я, что пьянки Антония – это просто демонстрация его внутренней слабости?

Да, – заключил Планк, – пора переметнуться. Но можно ли сделать это сейчас? Я сомневаюсь в этом так же, как сомневаюсь в Антонии. Как и в нем, во мне нет твердости».

Октавиан понимал все это даже лучше Планка, но он не был уверен, как выпадут кости теперь, когда Антоний стоит у Брундизия. Он все поставил на легионеров. Их представители пришли сказать ему, что они не будут драться с войсками Антония, принадлежат ли они самому Антонию, Поллиону или Вентидию. Услышав это, Октавиан почувствовал огромное облегчение. Даже слабость какая-то появилась во всем теле. Осталось только узнать, будут ли солдаты Антония драться за него.

Два рыночных интервала спустя он получил ответ. Солдаты под командованием Поллиона и Вентидия отказались драться со своими братьями по оружию.

Он сел писать письмо Антонию.

Дорогой мой Антоний, мы в тупике. Мои легионы отказываются сражаться с твоими, а твои – с моими. Они говорят, что принадлежат Риму, а не какому-нибудь одному человеку, пусть даже и триумвиру. Дни огромных премий,

говорят они, прошли. Я согласен с ними. После Филипп я понял, что мы больше не можем выяснять наши разногласия, идя войной друг на друга. Мы можем иметь imperium maius, но для осуществления этих полномочий у нас должны быть солдаты, которые хотят сражаться. А их у нас нет.

Поэтому вот мое предложение, Марк Антоний: пусть каждый из нас выберет одного человека как своего представителя, чтобы попытаться найти выход из этого тупика. В качестве нейтрального участника, которого мы оба считаем справедливым и объективным, я предлагаю Луция Кокцея Нерву. Если ты не согласен с моим выбором, назови другую кандидатуру. Моим делегатом будет Гай Меценат. Ни ты, ни я не должны присутствовать на этой встрече, чтобы эмоции не взяли верх.

– Хитрая крыса! – крикнул Антоний и, смяв письмо, швырнул его на пол.

Планк поспешно поднял его, расправил и прочитал.

– Марк, это логичное разрешение трудной ситуации, в которой ты оказался, – запинаясь, проговорил он. – Подумай, пожалуйста, где ты находишься и с чем ты столкнулся. То, что предлагает Октавиан, может оказаться бальзамом для ваших израненных чувств. В самом деле, для тебя это хороший выход.

Несколько часов спустя Гай Асиний Поллион, прибывший на полубаркасе из Бария, повторил то же самое.

– Ни мои люди не будут драться, ни твои, – прямо сказал он. – Что касается меня, я не могу заставить их передумать, и твои тоже не передумают, а по всем донесениям, у Октавиана та же проблема. Легионы решили за нас, и мы должны найти достойный выход из этого положения. Я пообещал своим людям, что организую перемирие. Вентидий сделал то же самое. Уступи, Марк, уступи! Это не поражение.

– Все, что дает Октавиану возможность избежать смерти, – это поражение, – упрямо сказал Антоний.

– Чепуха! Его войска так же настроены против того, чтобы сражаться, как и наши.

– У него даже не хватает смелости лично встретиться со мной! Все должны сделать представители вроде Мецената. Чтобы избежать взрыва эмоций? Я покажу ему взрыв эмоций! Мне все равно, что он говорит, я буду присутствовать на этом маленьком совещании!

– Антоний, его на встрече не будет, – сказал Поллион, обернувшись к Планку и закатив глаза. – У меня есть предложение намного лучше. Согласись с ним, и я пойду как твой представитель.

– Ты? – не веря своим ушам, воскликнул Антоний. – Ты?!

– Да, я! Антоний, я уже восемь с половиной месяцев консул, но у меня не было возможности поехать в Рим и получить консульские регалии, – раздраженно сказал Поллион. – Как консул, я выше по рангу Гая Мецената и жалкого Нервы, вместе взятых! Неужели ты думаешь, что я позволю этому

пронуре Меценату одурачить меня? Ты действительно так думаешь?

– Наверное, нет, – ответил Антоний, начиная сдаваться. – Хорошо, я соглашусь. На определенных условиях.

– Назови их.

– Условия такие: я смогу войти в Италию через Брундизий, а тебе разрешат поехать в Рим, чтобы беспрепятственно официально вступить в должность. Я сохраню мое право вербовать солдат в Италии, а ссыльным разрешат немедленно вернуться.

– Не думаю, что какое-то из этих условий станет проблемой, – заметил Поллион. – Садись и пиши, Антоний.

«Странно, – думал Поллион, двигаясь по Минуциевой дороге в Брундизий, – что я всегда оказываюсь там, где принимаются важные решения. Я был с Цезарем – с божественным Юлием! – когда он переходил Рубикон, и был на том острове на реке в Итальянской Галлии, когда Антоний, Октавиан и Лепид согласились разделить мир. Теперь я буду участником следующего памятного события. Меценат не дурак, он не станет возражать. Какая необычайная удача для историка современности!»

Прежде его сабинский род ничем не отличился, зато сам Поллион обладал глубоким умом и сумел стать одним из приближенных Цезаря. Хороший солдат и отличный командир, он возвысился после того, как Цезарь стал диктатором,

и хранил ему верность, пока Цезаря не убили. Слишком здравомыслящий и неромантичный, чтобы встать на сторону наследника Цезаря, он знал только одного человека, к кому хотел примкнуть, – Марка Антония. Как и многие представители его класса, он считал восемнадцатилетнего Гая Октавия несерьезным, он не понимал, что разглядел великий Цезарь в этом миловидном мальчике. К тому же Поллион думал, что Цезарь не рассчитывал умереть так скоро – он был крепок, как старый армейский сапог, – и сделал Октавия временным наследником, просто уловка, чтобы держать в узде Антония, пока не станет очевидно, что Антоний утихомирится. А также чтобы посмотреть, как со временем изменится маменькин сынок, который ныне отрекся от матери, считая ее мертвой. Затем Судьба и Фортуна не дали Цезарю сделать окончательный выбор, позволив группе озлобленных, ревнивых, близоруких людей убить его. Поллион очень сожалел об этом, вопреки своей способности фиксировать события беспристрастно и объективно. В то время он и не представлял, что Цезарь Октавиан неожиданно поднимется на такую высоту. Как можно было предвидеть наличие стального стержня и дерзости в неопытном юноше? Цезарь был единственным, кто догадался, из чего сделан Гай Октавий. Но когда Поллион понял, каков Октавиан, для человека чести было уже поздно следовать за ним. Антоний не лучший военачальник, он просто альтернатива, которую позволила Поллиону выбрать его гордость. Несмотря на многочис-

ленные недостатки, Антоний был, по крайней мере, зрелым мужчиной.

Так же мало, как Октавиана, Поллион знал и его главного посла, Гая Мецената. Внешне – ростом, сложением, цветом кожи и волос, чертами лица – Поллион не выделялся из своего окружения. Как и многие интеллектуалы, он настороженно относился к тем, кто всеми силами стремился обратить на себя внимание. Если бы Октавиан не был таким красивым и тщеславным (башмаки на трехдюймовой подошве, только подумайте!), он после убийства Цезаря мог бы набрать больше очков в глазах Поллиона. Так же было и с Меценатом, пухлым, некрасивым, с выпученными глазами, богатым и испорченным. Меценат жеманно улыбался, соединял пальцы в пирамидку, складывал губы гузкой, делал хорошую мину при плохой игре. Позер. Крайне неприятная характеристика. И, несмотря на это, Поллион выразил желание вести переговоры с этим позером, так как знал, что, успокоившись, Антоний назначит своим представителем Квинта Деллия. Этого нельзя было допустить. Деллий слишком корыстный и жадный для такого деликатного дела. Возможно, Меценат тоже корыстный и жадный, но, насколько было известно Поллиону, до сих пор Октавиан не часто ошибался, подбирая себе ближайшее окружение. С Сальвидиеном, правда, просчитался, но его дни сочтены. Жадность всегда вызывала неприязнь у Антония, который без всяких сожалений уберет Деллия, как только тот станет ненужным. Но Меценат ни с кем

не заигрывал, и он обладал одним качеством, которым Поллион восхищался: он любил литературу и покровительствовал нескольким многообещающим поэтам, включая Горация и Вергилия, лучшим стихотворцам со времен Катуллы. Лишь это вселяло в Поллиона надежду, что удастся достичь соглашения, удовлетворяющего обе стороны. Вот только как же лудок простого солдата переварит ту еду и напитки, которыми будет потчевать такой гурман, как Меценат?

– Я надеюсь, ты не против простой еды и вина, разбавленного водой? – спросил Меценат Поллиона, едва тот прибыл в удивительно скромный дом в окрестностях Брундизия.

– Спасибо, я предпочитаю именно такую еду, – ответил Поллион.

– Нет, это тебе спасибо, Поллион. Прежде чем мы приступим к нашему делу, позволь сказать, что мне очень нравится твоя проза. Я говорю это не для того, чтобы польстить тебе, – сомневаюсь, что лесть тебе нравится, – я говорю это, потому что это правда.

Смущенный Поллион тактично пропустил комплимент, повернувшись, чтобы приветствовать третьего члена команды, Луция Кокцея Нерву. Выбрал нейтральную позицию? Разве от такого бесцветного человека можно ждать чего-то иного? Неудивительно, что он под каблуком у жены.

За обедом, где подавались яйца, салаты, цыплята и свежий хлеб с хрустящей корочкой, Поллион вдруг понял, что

ему нравится Меценат, который, похоже, прочел все на свете – от Гомера до латинских историков, таких как Цезарь и Фабий Пиктор. Если чего-то и не хватало Поллиону в любом военном лагере, так это глубокого разговора о литературе.

– Конечно, Вергилий пишет в эллинистическом стиле, но ведь это относится и к Катуллу. О, какой поэт! – вздохнул Меценат. – Знаешь, у меня возникла теория.

– Какая?

– Что в лучших лириках есть галльская кровь. Или они сами происходят из Итальянской Галлии, или их предки были оттуда. Кельты – лирический народ. И музыкальный тоже.

– Я согласен, – сказал Поллион, с облегчением заметив отсутствие сладкого в меню. – За исключением поэмы «Iter» – замечательное произведение! – Цезарю чужда поэтичность. Латинский безупречен, да, но слишком энергичный и строгий. Авл Гирций пробыл с Цезарем достаточно долго, чтобы хорошо имитировать его стиль в последней части «Записок», которую он не успел закончить, но в этой части нет мастерства, присущего Цезарю. Гирций упускает детали, о которых Цезарь никогда бы не забыл. Например, что заставило Тита Лабиена переметнуться к Помпею Магну после Рубикона.

– Во всяком случае, читать не скучно, – хихикнул Меценат. – О боги, а какой же нудный Катон Цензор! Это все равно как если бы тебя заставили слушать детский лепет какого-нибудь подающего большие надежды юнца, забравшегося

на ростру.

Они засмеялись, чувствуя себя непринужденно в компании друг друга, в то время как Нерва тихо дремал.

Утром они приступили к делу в довольно унылой комнате, где стоял большой стол, два деревянных стула со спинками и курульное кресло из слоновой кости. Увидев его, Поллион удивился.

– Оно для тебя, – сказал Меценат, заняв деревянный стул и указав Нерве на другой, напротив. – Я знаю, ты еще не вступил в должность, но твое положение младшего консула года требует, чтобы ты председательствовал на наших встречах, и ты должен сидеть в курульном кресле.

«Приятный и довольно дипломатичный ход», – подумал Поллион, садясь во главе стола.

– Если ты хочешь, чтобы присутствовал секретарь для ведения протокола, у меня есть человек, – продолжил Меценат.

– Нет-нет, мы сделаем это сами, – ответил Поллион. – Нерва будет секретарем и будет вести протокол. Нерва, ты умеешь стенографировать?

– Благодаря Цицерону – да.

Довольный, что у него будет какое-то дело, Нерва положил под правую руку стопку чистой фанниевой бумаги, выбрал перо из дюжины других и увидел, что кто-то предусмотрительно развел чернила.

– Я начну с того, что кратко обрисую ситуацию, – реши-

тельно начал Поллион. — Во-первых, Марк Антоний недоволен тем, как Цезарь Октавиан выполняет свои обязанности триумвира. Он не обеспечил бесперебойного снабжения Италии зерном. Не сумел покончить с пиратской деятельностью Секста Помпея. Не расселил всех ушедших со службы ветеранов. Крупные торговцы страдают из-за неблагоприятной ситуации. Землевладельцы сердятся из-за драконовских мер, которые он принял, чтобы забрать у них земли для ветеранов. Более чем дюжина городов по всей Италии незаконно лишены их общественных земель, опять-таки ради расселения ветеранов. Он очень сильно поднял налоги. Наполнил сенат своими приспешниками. Во-вторых, Марк Антоний недоволен тем, что Цезарь Октавиан захватил наместничество и легионы в одной из провинций Дальней Галлии. И власть, и легионы принадлежат Антонию, которого следовало известить о смерти Квинта Фуфия Калена и дать возможность назначить нового наместника, а также распорядиться одиннадцатью легионами Калена по его усмотрению. В-третьих, Марк Антоний недоволен развязыванием гражданской войны в пределах Италии. Почему, спрашивает он, Цезарь Октавиан не разрешил мирным путем разногласия с Луцием Антонием? В-четвертых, Марк Антоний недоволен тем, что ему не позволяют ступить на землю Италии через Брундизий, ее главный порт на Адриатическом море, и сомневается, что Брундизий откажет в этом Цезарю Октавиану. Марк Антоний считает, что Цезарь Октавиан приказал Брундизию

не пускать своего коллегу, который имеет право не только ступить на землю Италии, но и привести свои легионы. С чего Цезарь Октавиан решил, что эти легионы предназначены для войны? Они могут просто возвращаться для демобилизации. В-пятых, Марк Антоний недоволен тем, что Цезарь Октавиан не разрешает ему вербовать новое войско в Италии и Итальянской Галлии, если по закону он имеет на это право. Это все, – закончил Поллион, ни разу не заглянув в записи.

Меценат равнодушно слушал, пока Нерва записывал, явно справляясь со своими обязанностями, поскольку ни разу не попросил Поллиона повторить сказанное.

– Цезарь Октавиан встретился с очень большими трудностями, – произнес Меценат спокойным, приятным голосом. – Ты прости меня, если я не буду говорить по пунктам, как это делал ты, Гай Поллион. Я не наделен такой беспощадной логикой – мой стиль более повествовательный, мне лучше даются истории. Когда Цезарь Октавиан стал триумвиром Италии, островов и обеих Испаний, он нашел казну пустой. Он должен был конфисковать или купить землю для расселения ста тысяч солдат-ветеранов, закончивших службу. Два миллиона югеров земли! Поэтому он конфисковал общественные земли восемнадцати городов, которые поддерживали убийц божественного Юлия. Справедливое решение. И каждый раз, получая какие-либо деньги, он покупал землю у владельцев латифундий, ссылаясь на то, что эти люди неправильно используют обширные территории, на ко-

торых когда-то выращивалась пшеница. У тех, кто выращивал зерно, землю не отнимали, ибо Цезарь Октавиан планировал получить большой урожай местного зерна, после того как эти латифундии будут разделены между ветеранами. Безжалостный разбой Секста Помпея лишил Италию пшеницы, выращенной в Африке, на Сицилии и Сардинии. Сенат и народ Рима ленились запастись пшеницу, считая, что Италия всегда сможет прокормиться заморским зерном. А Секст Помпей доказал, что страна, которая надеется на ввоз основного продукта питания, уязвима и с нее можно потребовать выкуп. У Цезаря Октавиана нет денег или кораблей, чтобы прогнать Секста Помпея с моря или вторгнуться на Сицилию, его базу. По этой причине он заключил соглашение с Секстом Помпеем, даже женился на сестре Либона. Если он поднял налоги, это потому, что у него не осталось выбора. Пшеница этого года, за каждый модий которой Секст Помпей запросил тридцать сестерциев, уже куплена и оплачена Римом. Цезарь Октавиан должен был находить каждый месяц сорок миллионов сестерциев – вообрази! Почти пятьсот миллионов сестерциев в год, заплаченных Сексту Помпею, обычному пирату! – крикнул Меценат с горячностью, и его лицо налилось кровью от редкой для него вспышки гнева.

– Более восемнадцати тысяч талантов, – задумчиво проговорил Поллион. – И конечно, ты сейчас скажешь, что серебряные рудники обеих Испаний только начинали разрабатываться, когда вторгся царь Бокх, так что сейчас они опять

закрыты, а казна пуста.

– Именно, – подтвердил Меценат.

– Если принять это объяснение, о чем дальше говорится в твоей истории?

– Еще со времен Тиберия Гракха Рим дробит наделы, чтобы расселить на них бедных, а позднее – ветеранов.

Поллион прервал его:

– Я всегда считал самым большим грехом сената и народа Рима, что они отказались платить демобилизованным ветеранам Рима пенсию сверх той суммы, которую кладут для них в банк из их жалованья. Когда консуляры Катул и Скавр отказали в пенсии неимущим солдатам Гая Мария, Марий наградил их землей от своего имени. Это было шестьдесят лет назад, и с тех пор ветераны ждут награды от своих командиров, а не от Рима. Ужасная ошибка. Она дала военачальникам власть, которую нельзя было давать.

Меценат улыбнулся:

– Ты рассказываешь историю за меня.

– Прошу прощения, Меценат. Продолжай, пожалуйста.

– Цезарь Октавиан не может избавить Италию от разбоя Секста в одиночку. Он много раз просил помощи у Марка Антония, но Марк Антоний то ли глухой, то ли неграмотный, ибо он не отвечал на письма. Затем началась внутренняя война – война, которая никоим образом не была спровоцирована Цезарем Октавианом. Он считает, что истинным инициатором поднятого Луцием Антонием мятежа – имен-

но так все представлялось нам в Риме – был вольноотпущенник Маний из клиентуры Фульвии. Маний убедил Фульвию, что Цезарь Октавиан, э-э-э, украл у Марка Антония то, что принадлежало ему по праву рождения. Очень странное обвинение, но она в него поверила. В свою очередь она убедил Луция Антония использовать легионы, которые он вербовал от имени Марка Антония, и пойти на Рим. Думаю, дальше развивать эту тему необходимости нет. Марка Антония следует уверить, что его брат не был казнен, ему разрешили поехать в Дальнюю Испанию с полномочиями проконсула и управлять ею.

Порывшись в свитках, лежавших перед ним, Меценат нашел один и развернул.

– У меня здесь письмо, которое сын Квинта Фуфия Калена написал не Марку Антонию, как следовало бы, а Цезарю Октавиану.

Он передал свиток Поллиону, и тот прочитал его со скоростью очень грамотного человека.

– Цезарь Октавиан был обеспокоен этой новостью, ибо письмо свидетельствовало о слабости младшего Калена, который не знал, что делать. Как ветерану Дальней Галлии, Поллион, мне не надо говорить тебе, насколько вероломны длинноволосые галлы и как быстро они распознают неуверенного наместника. По этой причине, и только по этой, Цезарь Октавиан действовал поспешно. Зная, что Марк Антоний за тысячу миль, он сам немедленно поехал в Нарбон,

чтобы назначить временного правителя Квинта Сальвидиена. Одиннадцать легионов Калена находятся там, где и были: четыре в Нарбоне, четыре в Агединке и три в Глане. Разве Цезарь Октавиан поступил неправильно? Он поступил как друг, триумвир, ответственный правитель.

Меценат вздохнул с печальным видом:

– Осмелюсь сказать, что Цезарю Октавиану можно вменить в вину только то, что он не сумел добиться подчинения от Брундизия, которому было приказано позволить Марку Антонию высадиться с его легионами, сколько бы их он ни привез с собой, будь это для отдыха или для демобилизации. Брундизий бросил вызов сенату и народу Рима – все очень просто. Цезарь Октавиан надеется, что он сможет убедить Брундизий перестать сопротивляться. И это все, – заключил Меценат, приятно улыбаясь.

После этого начались переговоры, но без излишнего пыла или озлобления. Оба прекрасно понимали всю подноготную, однако хозяевам следовало хранить верность, и лучшее, что они могли сделать, – это убеждать друг друга. Октавиан внимательно прочтет протокол, а если Марк Антоний не станет читать, то все равно вытянет из Нервы сведения о встрече.

Наконец, как раз перед октябрьскими нонами, Поллион решил, что с него довольно.

– Послушай, – сказал он, – мне ясно, что после Филипп все пошло вкривь и вкось. Марка Антония распирало от гор-

дости, и он презирал Октавиана за его поведение у Филипп. – Он обернулся к Нерве, начавшему писать. – Нерва, не смей записывать ни одного слова из того, что будет сказано дальше! Настало время говорить откровенно, а поскольку великие люди не любят откровенностей, будет лучше, если мы им ничего не скажем. Это значит, что ты не дашь Антонию запугать тебя, слышишь? Распустишь язык – и ты покойник. Я сам тебя убью, понял?

– Да! – взвизгнул Нерва, поспешно бросив перо.

– Вот это мне нравится! – усмехнулся Меценат. – Продолжай, Поллион.

– В данный момент триумвират представляется нелепостью. С чего это Антоний решил, что он может быть одновременно в нескольких местах? А именно так и получилось после Филипп. Он захотел иметь львиную долю всего, от провинций до легионов. И что получилось? Октавиану достались зерно и Секст Помпей, но никаких кораблей, чтобы сломить Секста, не говоря уже о переброске армии для захвата Сицилии. Если бы Октавиан был военным человеком, каковым он не является и не претендует на это, он знал бы, что его вольноотпущенник Гелен, пусть и обладающий даром убеждения, не сможет взять Сардинию. Главным образом потому, что Октавиану не на чем перевезти войска. У него нет кораблей. Провинции были распределены самым бестолковым образом. Октавиан получает Италию, Сицилию, Сардинию, Корсику, Дальнюю и Ближнюю Испанию.

А Антоний получает весь Восток, но этого ему недостаточно. И он забирает все Галлии, а также Иллирию. Почему? Потому что галлы составляют большую часть легионов под римскими орлами и не думают демобилизоваться. Я очень хорошо знаю Марка Антония. Он замечательный человек, храбрый и щедрый. Когда он в хорошей форме, не найти человека более способного и умного. Но он также и обжора, который никак не может унять свой аппетит, и ему все равно, что жрать. Парфяне и Квинт Лабиев буйствуют по всей Азии и в большей части Анатолии. А мы сидим здесь, перед стенами Брундизия.

Поллион повел плечами, разминая их.

– Наша обязанность, Меценат, выправить положение. Как мы это сделаем? Проведем черту между Западом и Востоком и по одну сторону поставим Октавиана, по другую – Антония. Лепид пусть забирает Африку, это само собой разумеется. У него там десять легионов, он будет в безопасности. Можешь не доказывать мне, я и сам знаю, что у Октавиана самая трудная задача, потому что ему досталась Италия, обедневшая, измученная, голодная. Ни у кого из наших с тобой хозяев нет денег. Рим близок к банкротству, а Восток так истощен, что не способен платить серьезную дань. Тем не менее Антоний не может вечно тянуть одеяло на себя, и он должен понять это. Я предлагаю дать Октавиану возможность наполнить казну, управляя Западом: Дальней Испанией, Ближней Испанией, Дальней Галлией и всеми ее района-

ми, Италийской Галлией и Иллирией. Река Дрина будет естественной границей между Западом и Востоком. Разумеется, Антоний сможет вербовать войско в Италии и Италийской Галлии, как и Октавиан. Кстати, Италийская Галлия должна стать частью Италии во всех отношениях.

– Молодец, Поллион! – воскликнул Меценат, искренне улыбаясь. – Я бы не смог так хорошо сказать, как это сделал ты. – Он притворно вздрогнул. – Прежде всего, я не посмел бы так говорить об Антонии. Да, друг мой, ты очень хорошо сказал, это правда! Теперь нам остается убедить Антония согласиться. Со стороны Цезаря Октавиана я не предвижу никаких возражений. У него был ужасный период, и, конечно, путешествие из Рима вызвало приступ астмы.

Поллион очень удивился.

– Астмы?

– Да, он может умереть от нее. Поэтому он спрятался в болотах у Филипп. В воздухе было так много пыли и соломенной трухи!

– Понимаю, – медленно проговорил Поллион. – Понимаю.

– Это его секрет, Поллион.

– Антоний знает?

– Конечно. Они же родственники, он всегда это знал.

– А что Октавиан думает о возможности возвратить домой ссыльных?

– Он не будет возражать. – Меценат сделал вид, будто что-то обдумывает, потом снова заговорил: – Тебе следует знать,

что Октавиан никогда не будет воевать с Антонием, но я сомневаюсь, сможешь ли ты убедить в этом Антония. Больше никаких гражданских войн. Это его принцип, Поллион. Поэтому мы здесь. Никакие провокации не заставят его пойти войной на римлянина. Его путь – дипломатия, совещания, переговоры.

– Я не знал, что он придерживается такой политики.

– Придерживается, Поллион, придерживается.

Чтобы убедить Антония принять условия, которые Поллион обрисовал Меценату, пришлось выдержать целую нундину разглагольствований, битья кулаком по стене, неистовств и воплей. Потом Антоний стал успокаиваться. Гнев его был столь опустошительным, что даже такой сильный человек, как Антоний, не мог выдержать подобный накал больше восьми дней. От ярости он перешел к депрессии, потом к отчаянию. В тот момент, когда он достиг самого дна, Поллион нанес удар: сейчас или никогда. Человек вроде Мецената не сумел бы справиться с Антонием, но солдат Поллион, уважаемый и любимый Антонием, точно знал, что надо делать. Кроме того, в Риме у него были сторонники, которые при необходимости поддержат его.

– Хорошо, хорошо! – крикнул Антоний, подняв руки в знак поражения. – Я сделаю это! Ты уверен относительно ссыльных?

– Абсолютно.

– Я настаиваю на некоторых пунктах, о которых ты не упомянул.

– Назови их.

– Я хочу, чтобы пять из одиннадцати легионов Калена переправили ко мне.

– Не думаю, что возникнет проблема.

– И я не соглашусь объединиться с Октавианом, чтобы убрать с моря Секста Помпея.

– Это неразумно, Антоний.

– А мне наплевать! – прорычал Антоний. – Мне пришлось назначить Агенобарба управлять Вифинией, в такой ярости он был из-за условий, которые ты перечислил, а это значит, что у меня недостаточно кораблей, чтобы что-то предпринять без флота Секста. Он остается на случай, если понадобится мне, это он должен понять.

– Октавиан согласится, но не обрадуется.

– Все, что расстраивает Октавиана, радует меня!

– Почему ты скрыл, что у Октавиана астма?

– Тьфу! – плюнул Антоний. – Он девчонка! Только девчонки болеют, все равно какой болезнью. Его астма – это отговорка.

– Если ты не уступишь с Секстом Помпеем, тебе придется за это заплатить.

– Заплатить чем?

– Точно не знаю, – хмуро ответил Поллион. – Просто заплатить.

Реакция Октавиана на условия, которые ему изложил Меценат, была совсем другой. «Интересно, – подумал Меценат, – насколько изменилось его лицо за последние двенадцать месяцев. Исчезла юношеская миловидность, но он не перестал быть красивым. Волосы стали короче, и он больше не переживает из-за торчащих ушей, не старается прикрыть их локонами. Но главная перемена произошла в выражении его глаз, самых замечательных, какие я когда-либо видел, – больших, светящихся и серебристо-серых. Они всегда были непроницаемыми, никогда не выдавали ни чувств, ни мыслей, но теперь за их блеском скрывается какая-то жесткость. И рот, который мне так хотелось поцеловать, зная, что мне никогда не будет позволено этого сделать, стал тверже, губы выпрямились. Думаю, это значит, что он повзрослел. Повзрослел? Но он никогда не был мальчиком! За девять дней до октябрьских календ ему исполнилось двадцать три года. А Марку Антонию сейчас сорок четыре. Просто удивительно».

– Если Антоний отказывается помочь мне с Секстом Помпеем, – сказал Октавиан, – он должен заплатить.

– Но как? У тебя нет рычага, чтобы заставить его заплатить.

– Рычаг у меня есть, и дал мне его Секст Помпей.

– Что же это такое?

– Брак, – спокойно пояснил Октавиан.

– Октавия! – прошептал Меценат. – Октавия...

– Да, моя сестра. Она вдова, нет никаких препятствий.

– Еще не прошло десяти месяцев траура.

– Прошло шесть месяцев, и весь Рим знает, что она не может быть беременной: Марцелл долго болел перед смертью. Нетрудно будет получить разрешение от коллегии понтификов и семнадцати триб при голосовании в религиозном комиции. – Октавиан самодовольно улыбнулся. – Она сделает все, что предотвратит войну между Антонием и мной. Я предвижу, что в анналах Рима не будет записано более популярного брака.

– Он не согласится.

– Антоний? Он готов совокупиться даже с коровой.

– Ты сам слышишь, что говоришь, Цезарь? Я знаю, как сильно ты любишь сестру, и ты хочешь навязать ей Антония? Он же пьяница и бьет жен! Умоляю тебя, подумай хорошо! Октавия самая прекрасная, самая милая, самая славная женщина в Риме. Даже неимущие обожают ее, как они обожали дочь божественного Юлия.

– Звучит так, словно ты сам хочешь жениться на ней, Меценат, – хитро заметил Октавиан.

Меценат осекся.

– Как ты можешь шутить о таких... о таких серьезных вещах? Мне нравятся женщины, но мне еще и жалко их. Их жизнь столь однообразна, все их политическое влияние заключается в выгодных браках, и лишь одно можно сказать

в защиту римской справедливости: хорошо еще, что большинство женщин имеют право распоряжаться своим состоянием. Изгнание на периферию общественной жизни может раздражать таких женщин, как Гортензия и Фульвия, но не раздражает Октавию. Если бы это было иначе, ты не сидел бы здесь такой самодовольный и уверенный в ее покорности. Разве не пора дать ей возможность выйти замуж за человека, которого она сама выберет?

– Я ее не принуждаю, если ты это имеешь в виду, – спокойно ответил Октавиан. – Я не дурак, знаешь ли, и посетил достаточно семейных обедов со времени Фарсала, чтобы заметить, что Октавия почти влюблена в Антония. Она охотно покорится судьбе.

– Я не верю этому!

– Это правда. Хотя я не могу понять, что находят женщины в подобных мужчинах, но даю слово, Антоний нравится Октавии. Этот факт и мой союз со Скрибонией подали мне эту идею. Что же касается вина и битья жен, здесь я в Антонии не сомневаюсь. Он мог побить Фульвию, но причина была очень серьезной. При всем его самодовольстве он очень сентиментален в отношении женщин. Октавия подойдет ему. Как и неимущие, он будет обожать ее.

– Ведь еще есть египетская царица. Он не будет верным мужем.

– А какой муж, находящийся за границей, хранит жене верность? Октавия не станет обвинять его в изменах. Она

слишком хорошо воспитана.

Вскинув вверх руки, Меценат удалился поразмышлять о незавидной доле дипломата. Неужели Октавиан действительно ожидал, что он, Меценат, возьмется устраивать этот брак? Он отказывается! Бросить такую жемчужину, как Октавия, к ногам такой свиньи, как Антоний? Никогда! Никогда!

Октавиан не хотел лишать себя удовольствия самому устроить этот брак. К этому времени Антоний, должно быть, уже забыл о сцене в его палатке после Филипп, когда Октавиан потребовал голову Брута – и получил ее. Ненависть Антония была так велика, что затмевала отдельные события. Октавиан не ждал, что брак с Октавией положит конец этой ненависти. Наверное, человек поэтического склада, например Меценат, подумает, что именно это движет Октавианом. Но он был слишком умен, чтобы надеяться на чудо. Став женой Антония, Октавия будет делать то, что захочет муж. Она не станет пытаться повлиять на отношение Антония к ее брату. Нет, при заключении этого брака он стремился лишь к тому, чтобы укрепить надежду простых римлян – и легионеров, – что угроза войны миновала. И если настанет день, когда Антоний восплает страстью к другой женщине и бросит жену, он упадет в глазах миллионов римлян по всему свету. Поскольку Октавиан поклялся, что никогда не будет участвовать в гражданской войне, придется подорвать не *auctoritas*

Антония, его общественный статус, но его *dignitas* – достоинство, положение, которое он занимает благодаря своим личным качествам и достижениям. Когда божественный Цезарь перешел Рубикон и начал гражданскую войну, он сделал это, чтобы защитить свое *dignitas*, которым дорожил больше, чем жизнью. Допустить, чтобы его подвиги были изъяты из официальных хроник Республики, а самого его отправили в вечную ссылку? Для Цезаря это было хуже гражданской войны. Но Октавиан сделан из другого теста, для него гражданская война хуже позора и ссылки. И конечно, он не военный гений, не знающий поражений. Октавиан намерен ослабить *dignitas* Марка Антония до такой степени, чтобы он перестал быть угрозой. После этого звезда Октавиана будет продолжать подниматься, и он, а не Антоний станет Первым человеком в Риме. Это произойдет не завтра, понадобится много лет. Но Октавиан может позволить себе ждать. Он младше Антония на двадцать один год. О, впереди годы и годы борьбы за то, чтобы накормить Италию и найти землю для нескончаемого потока ветеранов.

Он знал цену Антонию. Божественный Цезарь сейчас уже стучал бы в дверь дворца царя Орода в Селевкии-на-Тигре, а где Антоний? Осаждает Брундизий на Итальянской земле. Он может нести чепуху, будто, находясь там, защищает свое звание триумвира, но на самом деле он там, чтобы не быть в Сирии и не драться с парфянами. Антоний может хвастаться, что одержал победу у Филипп, но он знает, что не смог

бы победить без легионов Октавиана, состоявших из людей, на чью преданность Антоний не мог рассчитывать.

Октавиан написал Антонию письмо и отослал его с курьером-вольноотпущенником.

«Я все отдал бы за то, — подумал он, — чтобы Фортуна подарила мне какое-нибудь средство навсегда сокрушить Антония. Это не Октавия и, вероятно, не его развод с ней, если он решит бросить ее, устав от ее добродетелей. Я знаю, что Фортуна ко мне благосклонна, — я так часто и чисто бреюсь, что всегда без бороды. И всякий раз, когда я стою на краю бездны, удача мне улыбается. Как, например, страстное желание Либона найти именитого мужа для своей сестры. Как смерть Калена в Нарбоне и письмо его сына-идиота мне, а не Антонию. Как смерть Марцелла. Как Агриппа, который может вести войска вместо меня. Как спасение от смерти всякий раз, когда астма не дает мне дышать. Как военная казна божественного Юлия, которая помогла мне избежать разорения. Как отказ жителей Брундизия впустить Антония, да пошлют им Либер, Индигет и Теллус мир и процветание в будущем. Я не приказывал городу сделать то, что он сделал, как и не спровоцировал тщетной войны Фульвии против меня. Бедная Фульвия!

Каждый день я приношу жертву дюжине богов во главе с Фортуной, чтобы мне удалось устранить Антония раньше, чем это сделает возраст. Оружие, способное его сокрушить, существует, я знаю это так же точно, как знаю, что я был

избран, чтобы поставить Рим на ноги, достичь длительного мира на границах империи. Я – воспетый поэтом Мецената Вергилием избранник, который возвестит приход золотого века, о чем твердят все предсказатели Рима. Божественный Юлий усыновил меня, и я оправдаю его доверие, закончу то, что начал он. О, это будет не мироустройство божественного Юлия, но оно понравится ему. Фортуна, дай мне еще сказочной удачи Цезаря! Дай мне оружие и открой мои глаза, чтобы я узнал его, когда оно появится!»

Ответ Антония пришел с тем же курьером. Да, он увидится с Цезарем Октавианом под флагом перемирия. «Но мы не находимся в состоянии войны! – подумал пораженный Октавиан. – Что же у него в голове, если он считает, что мы воюем?»

На следующий день Октавиан отправился к Антонию на государственном коне Юлиев. Это был небольшой конь, но очень красивый, кремового окраса, с более темными гривой и хвостом. Если ехать верхом, значит нельзя будет надеть тогу, но, поскольку Октавиан не хотел выглядеть военным, он надел белую тунику с широкой пурпурной каймой сенатора на правом плече.

Естественно, Антоний встретил его в полном вооружении, в серебряной кольчуге и кирасе с изображением Геркулеса, убивающего немейского льва. Его туника была пурпурного цвета, как и палудамент, свисающий с плеч, хотя по

правилам он должен быть алым. Как всегда, вид у него был внушительный.

– Никакой обуви на толстой подошве, Октавиан? – усмехаясь, спросил Антоний.

Он не подал руки, но Октавиан так нарочито протянул правую руку, что Антоний был вынужден взять ее и сжал так, что чуть не раздавил тонкие кости. Октавиан выдержал с непроницаемым лицом.

– Входи, – пригласил Антоний, откинув полог палатки.

То, что он выбрал для своего пребывания здесь палатку, а не дом, в котором обычно размещался командующий, свидетельствовало о его уверенности, что осада Брундизия долго не продлится.

Общая комната палатки оказалась большой, но при опущенном пологе здесь было очень темно. Октавиан воспринял это как свидетельство осторожности Антония. Тот опасался, что лицо может выдать его эмоции. Но Октавиана это не беспокоило. Его интересовало не выражение лица Антония, а ход мыслей, ибо именно с ними ему придется иметь дело.

– Я так рад, – сказал он, садясь в глубокое кресло, слишком большое для его хрупкой комплекции, – что мы достигли соглашения по некоторым пунктам. Я решил, что лучше всего будет, если мы с тобой наедине детально обсудим те вопросы, по которым нам еще не удалось достигнуть согласия.

– Деликатно сказано, – заметил Антоний, отпивая из куб-

ка вино, специально разбавленное водой.

– Красивая вещь, – заметил Октавиан, вертя в руках свой кубок. – Где он сделан? Ручаюсь, не в Путеолах.

– В стеклодувных мастерских Александрии. Мне нравится пить из стеклянной посуды. Стекло не впитывает запах вина, как это делает даже самая лучшая керамика. – Он скорчил гримасу. – А металлическая посуда отдает металлом.

Октавиан сильно удивился:

– *Edepol!* Я и не думал, что ты так требователен к посуде, из которой пьешь!

– Сарказм никуда тебя не приведет, – заметил Антоний без обиды. – Обо всем этом мне говорила царица Клеопатра.

– О, тогда понятно. Патриот Александрии?

Лицо Антония прояснилось.

– Именно так! Александрия – самый красивый город в мире. Пергам и даже Афины ничего не стоят в сравнении с ней.

Отпив вина, Октавиан поставил кубок, словно вдруг обжегся. Вот еще один дурак! Зачем восторгаться красотой другого города, когда его родной город пребывает в упадке и небрежении?

– Само собой разумеется, ты можешь забрать сколько хочешь легионов Калена, – солгал он. – Собственно говоря, ни одно из твоих условий не беспокоит меня, кроме отказа помочь мне очистить море от Секста Помпея.

Хмурясь, Антоний поднялся и откинул полог палатки, наверное чтобы видеть лицо Октавиана.

– Италия – твоя провинция, Октавиан. Разве я просил тебя помочь мне управлять моими провинциями?

– Нет, не просил, но и не присылал в казну долю Рима из восточной дани. Уверен, мне не нужно говорить тебе, триумвиру, что государственная казна должна пополняться налогами, из них выплачиваются суммы наместникам провинций, чтобы они могли финансировать свои легионы и оплачивать общественные работы, – прямо сказал Октавиан. – Конечно, я понимаю, что ни один наместник, а тем более триумвир, не ограничивается тем, что должен отправить в Рим, – он всегда просит больше, чтобы что-то оставить себе. Это давняя традиция, и я ее не оспариваю. Я тоже триумвир. Однако за два года твоего наместничества ты не положил в казну ни сестерция. Если бы это было не так, я мог бы купить корабли, необходимые для борьбы с Секстом. Возможно, тебе удобно использовать пиратские корабли как свой флот, поскольку все флотоводцы, которые были на стороне Брута и Кассия, после Филипп решили стать пиратами. Я был бы не прочь и сам использовать их, если бы они не жирели, обгладывая мои кости! Знаешь, чем они занимаются? Доказывают Риму и всей Италии – источнику всех наших лучших солдат, – что миллион солдат не может помочь двум триумвирам, не имеющим кораблей. Ты наверняка получаешь зерно из западных провинций, чтобы сытно кормить свои легионы! Не моя вина, что ты позволил парфянам хозяйничать везде, кроме Вифинии и провинции Азия! Твою шкуру спа-

сает Секст Помпей, пока тебе выгодно поддерживать с ним хорошие отношения. Он продает тебе зерно Италии по умеренной цене, – зерно, напоминая тебе, купленное Римом и оплаченное из казны Рима! Да, Италия – моя провинция, но мой единственный источник денег – это налоги, которые мне приходится выжимать из всех римских граждан, живущих в Италии. Их недостаточно, чтобы заплатить за корабли и купить украденную пшеницу у Секста Помпея по тридцать сестерциев за модий! Поэтому я снова спрашиваю: где дань с Востока?

Антоний слушал с возрастающим гневом.

– Восток разорен! – крикнул он. – Нет дани, которую я мог бы послать!

– Это неправда, и даже самый последний римлянин в Италии знает это, – возразил Октавиан. – Например, Пифодор из Тралл привез тебе в Тарс две тысячи талантов серебра. Тир и Сидон заплатили тебе еще тысячу. А грабеж Киликии Педии дал четыре тысячи. Всего сто семьдесят пять миллионов сестерциев! Таковы факты, Антоний! *Хорошо известные факты!*

«Зачем я согласился встретиться с этой мерзкой букашкой? – с недоумением спросил себя Антоний. – Стоило ему напомнить, что о каждом моем шаге на Востоке знает самый последний римлянин в Италии, и он получил надо мною превосходство. Не говоря ничего прямо, он дает понять, что страдает моя репутация. Что меня можно критиковать, что

сенат и народ Рима может лишить меня полномочий. Да, я могу пойти на Рим, казнить Октавиана и назначить себя диктатором. Но ведь это я выступал против диктаторства! Брун-
дизий доказал, что мои легионеры не будут драться с легио-
нерами Октавиана. Только один этот факт объясняет, поче-
му маленький *verpa* может сидеть здесь и бросать мне вызов,
открыто демонстрируя свою неприязнь».

– То есть в Риме я не слишком популярен, – угрюмо про-
изнес он.

– Откровенно говоря, Антоний, ты вообще не популярен,
особенно после осады Брундизия. Ты счел возможным обви-
нить меня в том, что я якобы велел жителям Брундизия не
впускать тебя в порт, но ты хорошо знаешь, что я этого не де-
лал. Зачем мне это? Мне это совсем невыгодно! Своими дей-
ствиями ты только напугал римлян, ожидающих, что ты пой-
дешь войной на них. Чего ты сделать не можешь! Твои ле-
гионы не позволят тебе. Если ты действительно хочешь вос-
становить свою репутацию, ты должен доказать это Риму, а
не мне.

– Я не пойду вместе с тобой против Секста Помпея, если
ты об этом. У меня всего-то и есть что сотня военных кораб-
лей в Афинах, – соврал Антоний. – Этого недостаточно, по-
скольку у тебя кораблей нет. Дело в том, что Секст Помпей
предпочитает меня тебе, и ты никак не сумеешь спровоци-
ровать его. В данный момент он меня не беспокоит.

– Я и не надеялся, что ты поможешь мне, – спокойно от-

реагировал Октавиан. – Нет, я больше думал о вещах, видимых всем римлянам, сверху донизу.

– О каких?

– О твоём браке с моей сестрой Октавией.

Антоний, открыв рот, уставился на своего мучителя:

– О боги!

– А что в этом необычного? – тихо спросил Октавиан, улыбаясь. – Я сам только что заключил брачный союз такого же рода, ты ведь знаешь. И я очень доволен. Скрибония хорошая женщина, симпатичная, плодовитая... Я надеюсь, этот брак поможет удерживать Секста в рамках, по крайней мере какое-то время. Но Скрибония не идет в сравнение с Октавией, верно? Я предлагаю тебе внучатую племянницу божественного Юлия, известную и любимую всеми слоями римских граждан, как и его дочь Юлия. Октавия красива, очень добра и заботлива, послушная жена и мать троих детей, один из которых мальчик. Она вне подозрений, чего божественный Юлий ожидал от своей жены. Женись на ней, и Рим поймет, что ты не принесешь ему вреда.

– Зачем это нужно?

– Затем, что, если ты будешь обходиться грубо с такой образцовой женой, как Октавия, в глазах римлян ты станешь чудовищем. Даже не самый умный среди них не простит тебе плохого обращения с ней.

– Понимаю. Да, я понимаю, – медленно проговорил Антоний.

– Ну так по рукам?

– По рукам.

На этот раз Антоний пожал руку Октавиана весьма мягко.

Соглашение было подписано в двенадцатый день октября на городской площади Брундизия, в присутствии толпы ликующих жителей, которые бросали цветы к ногам Октавиана и изо всех сил сдерживались, чтобы не плевать под ноги Антонию. Его вероломства не забыли и не простили, но этот день знаменовал победу для Октавиана и Рима. Больше не будет гражданской войны. Это радовало легионеров, которые ходили по городу, еще более довольные, чем жители Брундизия.

– И что ты думаешь об этом? – спросил Поллион Мецената, когда они ехали по Аппиевой дороге в двуколке, запряженной четырьмя мулами.

– Что Цезарь Октавиан – дипломат и намного лучший переговорщик, чем я.

– Это ты придумал предложить Антонию любимую сестру Октавиана?

– Нет-нет! Это была его идея. Мне казалось это совершенно немыслимым. Когда за день до встречи с Антонием он поделился со мной своими планами, я подумал, что он пошлет меня с этим предложением к Антонию – брр! – и очень испугался. Но нет. Он отправился сам и без сопровождения.

– Он не мог послать тебя, потому что ему надо было пере-

говорить с Антонием напрямую. То, что сказал он, мог сказать только он сам. Думаю, он намекнул Антонию, что тот потерял любовь и уважение римлян. И намекнул так, что Антоний поверил ему. Хитрый маленький *mentula* – прошу прощения! – хитрый маленький, хм, хорек. Затем он дал Антонию шанс восстановить репутацию, женившись на Октавии. Блестяще!

– Я согласен с тобой, – кивнул Меценат и улыбнулся, представив Октавиана *mentula* или хорьком.

– Однажды, – задумчиво сказал Поллион, – я ехал с Октавианом в двуколке из Италийской Галлии в Рим после образования триумvirата. Ему было двадцать лет, но говорил он как почтенный консуляр. О запасах зерна, о том, что из-за Апеннин Риму легче доставлять зерно из Африки и Сицилии, чем из Италийской Галлии. Сыпал цифрами и статистикой, как самый дотошный чиновник. Он не пытался отлынивать от работы, а составлял график необходимых дел. Да, памятное путешествие. Когда Цезарь сделал его своим наследником, я подумал, что через несколько месяцев он будет мертв. То путешествие показало мне, что я ошибался. Никто его не убьет.

Атия, вся в слезах, принесла Октавии новости о ее судьбе.

– Дорогая моя девочка! – зарыдала она, падая на грудь Октавии. – Мой неблагодарный сын предал тебя! Тебя! Единственного человека в мире, кого я считала застрахованным

от его махинаций, от его безразличия!

– Мама, пожалуйста, говори яснее! – сказала Октавия, помогая Атии сесть. – Что сделал мне маленький Гай?

– Он помолвил тебя с Марком Антонием! Жестоким человеком, который бил свою жену! Он чудовище!

Ошеломленная Октавия упала в кресло и уставилась на мать. Антоний? Она должна выйти замуж за Антония? Тепло медленно разлилось по всему телу. Вмиг ее веки опустились, скрывая блеск в глазах от Атии, уставшей плакать и начинающей метать громы и молнии.

– Антоний! – взвизгнула Атия так громко, что сбежались слуги, которых она нетерпеливо отослала обратно. – Антоний грубый мужик, животное... Ох, нет слов, чтобы описать его!

А Октавия в это время думала: «Неужели мне наконец-то повезло и я выйду замуж за того, за кого хочу выйти? Спасибо, спасибо тебе, маленький Гай!»

– Антоний! – взревела Атия с пеной в уголках рта. – Дорогая девочка! Ты должна собрать всю свою волю и сказать «нет»! «Нет» ему и «нет» моему ужасному сыну!

А Октавия думала: «Я так давно безнадежно, с грустью думаю о нем. В прежние дни, когда он бывал в Италии и навещал Марцелла, я находила предлог, чтобы не присутствовать при этом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.